ЧЕРНЫЙ ТЮЛЬПАН

военные романы об Афгане

Афганская ловушка

Олег Брылёв

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Невероятно смелый, неожиданный и точный анализ афганской эпопеи, сделанный офицером ГРУ, служившим в Афганистане! Многие выводы автора просто ошеломительные, они переворачивают наше представление о той войне, сквозь адское пламя которой прошло почти 1 миллион граждан СССР. Книга, наполненная жесткой правдой и убойными аргументами, доказывает, что социалистический Афганистан был обречен задолго до ввода туда советских войск. Да и сам Ограниченный контингент был обречен, потому как вынужден был играть чужую игру на чужом поле. Но кто нам ее навязал? Какая роль выпала нашим парням в этой игре? Приготовьтесь узнать всю правду…

- Олег Брылёв
  - От автора
  - Накануне
  - Первые впечатления
  - Авторы
  - Исполнители, или Конспирология на афганскую тему
  - Еще об исполнителях
  - Пагманские тайны
  - Охота на Амина
  - Первые операции
  - Джума Хан
  - Уран для Израиля
  - Опять Андараб
  - Тюрьма Ахмед Шаха
  - Хост
  - «Афган гак»
  - Джагури
  - «Ты кто такой?!»
  - «Магистраль»
  - «Золотой полумесяц»

Олег Брылёв
Афганская ловушка

А по ночам все те же сны,
И легче заново родиться.
Пока я жив, мне с той войны
Нет сил обратно возвратиться.

Евгений Бунтов. ВДВ

От автора

Афганистан у каждого свой. Благополучно завершившийся для основной массы участников, но трагично — для многих из них и всего населения Советского Союза. Узколокальный или панорамно-широкий в зависимости от кругозора, определявшегося местом, ролью, степенью участия.

Автору вначале довелось побывать там в двух краткосрочных командировках в феврале 1982-го и 1983 г., когда в составе небольших групп под руководством командующего Среднеазиатским военным округом в то время генерал-полковника Д.Т. Язова погарнизонно изучался боевой опыт 40-й армии для последующего его внедрения в САВО.

С 1.04.84 по 1.04.86 г. непосредственно проходил службу в должности советника начальника управления специальной пропаганды Главного политического управления армии ДРА. Участвовал во многих боевых и специальных операциях, побывал практически во всех провинциях и множестве уездов, включая приграничные, взаимодействуя и решая текущие задачи с должностными лицами Министерства обороны страны пребывания, командования соединений и частей ОКСВ и армии ДРА, руководителями органов власти, представителями советнического аппарата различных ведомств в Кабуле и на местах. В конечном счете это обеспечило, без преувеличения, уникальную возможность познать почти все срезы и уровни афганского общества, начиная от пуштунского, таджикского или хазарейского кишлака, будь то в горах, ущельях или на равнинах, вплоть до ЦК НДПА и Совмина, воочию прочувствовать, чем жил, дышал и что переживал афганский солдат, офицер, генерал, просто афганец.

Возвращаясь из гущи событий в столицу и постоянно соприкасаясь с различными категориями советских и афганских военнослужащих и гражданских лиц, имел возможность держать руку на пульсе происходившего, обмениваться мнениями и сверять точки зрения. У военных, как правило, они зачастую совпадали. Тем большее удивление вызывали иногда установки посла и руководства советнического аппарата Политбюро и ЦК НДПА, которые приходилось выслушивать на нередких совместных совещаниях командно-политического состава 40-й и аппарата военных советников Министерства обороны, армейских корпусов, дивизий, бригад. Нередко умозрительные, выработанные в тиши кабинетов, включая московские, они вступали в противоречие с реальной обстановкой, в то время как отдельные наши явно посредственные начальники, предпочитавшие защищать афганскую

революцию, не покидая пределов министерского здания, из кожи лезли в бесполезных попытках внедрять их, невзирая на возразительные аргументы подчиненных. «Люминий», и исполняй. К сожалению, было и такое.

По возвращении в Союз долго не покидало труднопреодолимое желание вернуться в Афган, в гущу настоящих, боевых горячих будней. Казалось, чуть ли не насильно вырван из обстановки, где вершились поистине великие события. В общем, афганского синдрома не избежал. Потому и собрал по стране фонотеку из более чем 1700 «афганских» бардовских песен, постоянно напоминающих о пережитом, будоражащих воспоминания, стимулирующих обостренную потребность высветить сокрытую закулисой истину, сколь бы горькой она ни была.

С течением времени, появлением и накоплением новой информации, свидетельств очевидцев и публикаций мало-помалу стал ощущать состояние какой-то сомнительности и неправдоподобности официальных версий, связанных с той эпопеей.

Особо разочаровали лукавые результаты работы так называемой комиссии народных депутатов Верховного Совета СССР, которых, фактически отстранив, подменили два заинтересованных лица, явно перепугавшиеся нежелательных результатов. Но и их выводы не устроили Горбачева. Вместо подробного, предметного и скрупулезного расследования закулиса с испугу и от греха подальше срочно сварганила отписку: мол, поход в Афганистан — ошибка, персональную ответственность за которую несут лично бывший Генсек Л.И. Брежнев и списком несколько «членов».

Потому и проникся желанием поглубже разобраться с истоками происходившего. В этой связи выражаю глубокую благодарность сослуживцам, историкам и специалистам, оказавшим помощь в подготовке материала: В. Заплатину, Н. Иванову, В. Коновалову, Р. Ключнику, Сулейману Лайеку, И. Зиновьеву, О. Чернете, С. Небренчину, Л. Трубникову, М. Ежикову, Н. Пикову, В. Кравцову, Ю. Петрову, В. Верстакову и М. Верстаковой, З. Брылевой, Н. Яшину, К. Севастьянову, И. Морозову, Е. Логинову, И. Попову, а также авторам упоминавшихся публикаций.

В процессе исследования обнаружилось, что в освещении многих поворотных афганских событий устойчиво навязываются недостоверная информация, ложь, замалчивание ряда значимых фактов. Все это вольно или невольно, но фактически оказывается в интересах сокрытия истинного сценария и неблаговидной роли не только одного и того же лица и Члена, скрывавшегося под фамилией Андропов Ю.В., но и его явных и тайных соучастников.

Главный вывод — Афганистан был заведомо обречен. СССР оказался в ловушке.

Результаты расследования без утайки нижеследуют.

Накануне

Начало афганской эпопеи совпало с периодом моей службы в Среднеазиатском военном округе (САВО). Он являлся самым молодым и был создан в 1969 году, вскоре после вооруженной провокации КНР у озера Жаланашколь, на казахстанском участке советско-китайской границы.

Первоочередным предназначением САВО являлось прикрытие государственной границы на Синьцзянском стратегическом направлении. Это определяло основные задачи для нашего отдела по военно-политическому изучению ТВД (проще говоря, политической разведке), обеспечению готовности к развертыванию штатных сил и средств и формирований особого периода.

Хотя округ на южном фланге и граничил с ДРА вдоль таджикского участка границы СССР, однако фактически соединения и части, дислоцированные на Памирском операционном направлении, были ориентированы строго на восток.

Помимо обычных задач специфичной особенностью для нас являлось и курирование работы с иностранцами, обучавшимися на 5-х ЦК ПУАК (Центральные курсы по подготовке и усовершенствованию авиационных кадров). Фактически это было среднее авиационное училище, где готовились летчики и техники на «МиГи» и «Су», на боевые и транспортные вертолеты. Обучаемый контингент — самый разнообразный, от представителей Латинской Америки, Ближнего и Среднего Востока, стран Варшавского Договора до Вьетнама и Лаоса. Всего около 37 государств, включая Афганистан.

В состав 5-х ЦК ПУАК входило несколько учебных полков, разбросанных по городам Киргизии и Казахстана, в том числе и г. Кант, где в настоящее время размещена российская военная база.

В политотделе Курсов и политаппарате полков были штатные инструкторы по спецпропаганде. Их задачей являлась организация политико-воспитательной работы с иностранным контингентом. В те годы среди таких инструкторов были и выпускники спецфакультета ВИИЯ, мои однокашники из параллельной, «персидской» группы — Андриенко М.В. и Салкин В.Г., с которыми мы нередко встречались до их отъезда в ДРА.

О важности этой работы свидетельствуют такие факторы, как будущий карьерный рост выпускников Курсов. Например, президентом Сирии стал Хафез Асад, Египта — Хосни Мубарак. Многие стали министрами обороны и начальниками генштабов

своих стран, главкомами ВВС и ПВО, политическими деятелями, нередко оставаясь друзьями СССР и определенными проводниками советского влияния.

О возможных результатах в случае эффективной работы могут свидетельствовать такие известные агенты влияния, как бывший генерал КГБ Олег Калугин и член Политбюро ЦК КПСС Александр Яковлев, в свое время обучавшиеся в Колумбийском университете США. Кстати, там же обучался и Хафизулла Амин, что впоследствии послужило для КГБ поводом объявить его агентом ЦРУ, якобы там же и завербованного. Дискуссии на эту тему не утихают и до сих пор. Про Яковлева и Калугина — молчок, они ведь демократы. Интересно, что когда газета «Русский голос» (Нью-Йорк) опубликовала их студенческий снимок, редактора В. Пруссакова уволили с работы, а остальным сотрудникам строжайше запретили упоминать имя А. Яковлева. Судя по его последующим «перестроечным» делам — дабы не засвечивать, где и чему его обучали.

Как известно, бывший начальник КГБ СССР В. Крючков документально докладывал Горбачеву, когда и как Яковлев был завербован ЦРУ и какая миссия на него возлагалась, но тот отмахнулся… (Нашел, кому докладывать!)

Как видно из приведенного примера, и в наших вузах работать с иностранцами следовало бы более серьезно.

Мое знакомство с Афганистаном началось в какой-то мере и через курсантов из ДРА. К сожалению, нередко это бывали «разборки» по фактам периодических межфракционных стычек сторонников «хальк» и «парчам», иногда довольно серьезных и требующих вмешательства даже высокопоставленных представителей армии ДРА.

Разумеется, о развитии ситуации в Афганистане нас держали в курсе коллеги из ТуркВО. Мне лично уже в бытность начальником отдела спецпропаганды политуправления САВО приходилось чуть ли не ежедневно общаться с ними по телефону ЗАС, в основном с Л.И. Шершневым, в то время возглавлявшим там аналогичный отдел, Г. Асатуровым, У. Касымовым. Будучи в гуще событий, они всегда находили возможность обстоятельно проинформировать об обстановке. Мне всегда казалось, что никто так близко к сердцу не принимал происходившее в Афганистане, как Леонид Иванович.

Ежедневно в отдел приходили информационные сводки разведуправления САВО и разведотдела Восточного погранокруга, материалы радиоперехвата Ташкентской редакции зарубежного

радиовещания. Одним словом, пульс событий для нас был реально ощутим.

По правде говоря, как бы ни зашоривалось представление советской и зарубежной общественности на чуть ли не поминутных событиях ноября — декабря 1979 года, предшествовавших окончательному принятию решения на ввод наших войск в ДРА, смутное предчувствие неизбежности этого витало уже в начале 1979 года.

Помню, 5–7 февраля 1979 года в ходе командировки в 860-й отдельный мотострелковый полк (омсп) в г. Ош на юге Киргизии мы с только что назначенным и прибывшим за сутки до того его командиром подполковником Кудлаем В.С. (впоследствии генерал-лейтенант) отправились на «уазике» в поселок Сары-Таш. Там, высоко в горах, за полторы сотни километров от Ош, размещались передовые склады боеприпасов и ГСМ на случай выхода полка на прикрытие Памирского участка госграницы с Китаем.

Преодолели Алайский перевал (2730 м), затем перевал Талдык на высоте 3615 метров и остановились у памятника инженеру Грушко Ю.Ф., строившему Памирский тракт еще на заре советской власти. Он скончался там же, сравнительно в молодом возрасте. Сердце не выдержало.

Зима в разгаре. Суровое, неприступное высокогорье. Трасса узкая, но чистая. Однако километровые указатели на обочине завалены сугробами почти доверху. Не зря у хорогских пограничников бытовала шутка: «Ох, нелегкая дорога от Ош и до Хорога, от Хорога до Ош — та дорога хороша!»

Мы стояли и смотрели вниз, где далеко просматривались серпантины, по спирали восходившие на перевал. Настоящая «дорога жизни» для заоблачного Горно-Бадахшанского областного центра. Поражала скорость и в какой-то степени бесшабашность водителей грузовиков, снующих по немыслимым виражам. Казалось, неосторожное движение, занос — и полетишь по серпантинам чуть ли не отвесно. Ни костей, ни гаек не соберешь!

Кудлай В.С. вдруг пророчески сказал: «Как здесь воевать? Завалят дорогу в голове и хвосте колонны, и ты как на ладони. Будут сверху лупить… Ни укрыться, ни развернуться, ни сманеврировать, ни орудие задрать!»

Ему действительно через 11 месяцев, начиная с 8 января 1980 года, придется вести полк через эти и дюжину других перевалов, среди которых нешуточные «40 лет Киргизии» (3640 м), Уз-Бель (4651 м), Иркештам (4280 м), Найзаташ (4137 м) и прочие «четырехтысячники». 860-й омсп без «колес» (их отправили через Термез), на гусеничном ходу вышел к поселку Ишкашим на

афганской границе. До передачи в состав Ограниченного контингента полк сопровождала группа офицеров из штаба и некоторых управлений САВО. От Ишкашима оставшиеся до Файзабада 180 километров (где до 1989 года дислоцировался полк) мотострелки с боями, потерями и непрерывными расчистками бесконечных завалов пробивались месяц.

Но вернемся к началу 1979 года. В апреле привычный уклад жизнедеятельности нас, «среднеазиатов», был внезапно нарушен московской директивой по полному развертыванию и передислокации 68-й мотострелковой дивизии (мсд) в район Термеза, то есть на границу с Афганистаном.

Подобных дивизий и в других приграничных округах было сравнительно немного. По штатам мирного времени она являлась почти полностью боеготовой, за исключением одного из мотострелковых полков второго эшелона, и прикрывала важное Алма-Атинское направление. Один из ее полков постоянной готовности дислоцировался на самой границе с Китаем в г. Панфилове (г. Джаркенд). Другой, такой же — в пригороде Алма-Аты.

Мне довелось в составе оперативной группы участвовать в организации мобилизационного развертывания дивизии до полной численности, слаживании, погрузке личного состава и его отправке. Ввиду особой чрезвычайности срочно был заменен оказавшийся до того с инфарктом в госпитале начальник политотдела соединения полковник Дадамьянц Л.А… Сейчас он проживает в Сочи, и мы с ним частенько перезваниваемся и встречаемся. За счет других частей в экстренном порядке укомплектовывались вакантные офицерские должности.

Дивизия уходила «насовсем», и в поход тащили все подряд вплоть до выдранных из стен электровыключателей и розеток. Впереди ждала неизвестность, поэтому считалось, что на новом месте в хозяйстве все пригодится.

Принять решение о передислокации дивизии, да еще с такого важнейшего направления в условиях сохранявшейся напряженности в советско-китайских отношениях, — дело непростое. Следовательно, принималось оно, во-первых, на высшем политическом уровне. Во-вторых, становится очевидным, сколь важным кем-то (Ю. В. Андроповым?) оценивался еще в апреле-79 афганский фактор по сравнению даже с китайским. Это и сейчас кажется очень странным и, не исключено, может быть объяснимо в контексте последующих событий и особой роли в них Андропова. В-третьих, передислокация 68-й мсд с китайской на афганскую границу за восемь месяцев до принятия окончательного решения на вторжение в ДРА прямо указывает на

существование уже явно вызревавшего замысла. Замысла, но не решения. Впоследствии он варьировался и уточнялся, но «процесс» пошел.

Через месяц дивизия вернулась в прежние пункты дислокации, где ей опять пригодились вырванные было живьем упоминавшиеся электроприборы и прочая хозяйская утварь. Однако ее алма-атинский 186-й мсп через год все же ушел в Афганистан, где был реорганизован в 66-ю отдельную мотострелковую бригаду (омсбр) (г. Джелалабад). В состав 40-й ОА из САВО также были отправлены душанбинская 201-я мсд и джамбульский вертолетный полк.

Факт намечавшегося еще задолго до основных событий замысла подтверждает и генерал-майор Колесник В.В., который позже, в декабре 1979 года, непосредственно руководил штурмом дворца Х. Амина. В своих воспоминаниях он пишет: «2 мая 1979 года (в праздничный день! — *Прим. авт.*) меня вызвал тогдашний руководитель ГРУ генерал армии П. Ивашутин и поставил задачу сформировать 154-й отдельный отряд спецназначения численностью 520 человек, который был сформирован в мае — июне… Главная странность отряда заключалась в том, по какому принципу в него отбирались солдаты, сержанты и офицеры… Только трех национальностей — узбеки, туркмены и таджики… В июле — августе отряд занимался боевой подготовкой. А в это время на личный состав батальона в Москве уже шили униформу афганской армии, а также готовили необходимые документы на каждого военнослужащего на афганском языке. 19–20 ноября отряд переброшен в Баграм… 13 декабря 1979 года батальон прибыл в Кабул для усиления охраны дворца главы государства…» (т. е. Х. Амина). Разумеется, начальнику ГРУ задачу должен был ставить министр обороны маршал Д.Ф. Устинов. А вот что касалось особенностей укомплектования, униформы и документов на иностранном языке — это уже был «почерк» другого ведомства, о чем мы узнаем лишь после событий 27 декабря 1979 года. Об этом речь ниже, однако следует обратить внимание, что для Ю.В. Андропова все было предопределено как минимум за восемь месяцев до известного решения. Следовательно, он уже тогда имел четкий план действий согласно какому-то задуманному сценарию. Кем и где? Попытаемся разобраться.

Итак, Л.И. Брежнев и несколько членов Политбюро примут окончательное решение 12 декабря, а 13 абсолютно боеготовый «мусульманский батальон» уже в Кабуле. В афганской униформе, с соответствующими документами. Именно на броне и плечах этого отряда две группы спецназа КГБ — «Гром» и «Зенит» 27

декабря 1979 года будут штурмовать дворец Х.Амина.

Помните слова из песни популярного автора-исполнителя «афганских» песен Виктора Верстакова — «…Без документов, без имен, без наций лежим вокруг сожженного дворца…»? В то время он являлся сотрудником военного отдела газеты «Правда» и в разгромленном дворце побывал уже 28.12.79 года. Почему без имен, без наций? Да на всякий случай, вдруг сорвется. А еще буквально накануне батальон был усилен 9-й ротой 345-го полка ввиду возникших опасений по поводу значительного превосходства численности охраны Амина. Ее командир Вострогин В.А. станет Героем Советского Союза. По совпадению именно на эту роту падут тяжелые испытания во время операции «Магистраль», когда он уже будет командиром этого полка. Подвиг роты явится прототипом для сценария известного кинофильма «9-я рота».

А тогда, в далеком 1979, Виктор Верстаков сразу же напишет песню:

Девятая рота

Еще на границе и дальше границы
стоят в ожидании наши полки,
а там, на подходе к афганской столице,
девятая рота примкнула штыки.

Девятая рота сдала партбилеты,
из памяти вычеркнула имена.
Ведь если затянется бой до рассвета,
то не было роты, приснилась она…

Войну мы порой называли работа,
а все же она оставалась войной.
Идет по Кабулу девятая рота,
и нет никого у нее за спиной.

Пускай коротка ее бронеколонна,
последней ходившая в мирном строю,
девятая рота сбивает заслоны
в безвестном декабрьском первом бою.

В первых числах декабря 1979 года нам пришлось срочно подготовить и отправить в ДРА экипаж со звуковещательной станцией ЗС-72Б из состава армейского (Семипалатинского) агитотряда.

Несколько позже, в 1981 году, в САВО на базе 22-й бригады спецназа мне довелось участвовать в формировании 2-го «мусульманского батальона», но уже со значительным представительством военнослужащих казахской национальности.

С приходом нового командующего войсками САВО генерал-полковника Язова Д.Т. в округе по его инициативе активизировалось изучение военно-политической обстановки в Афганистане и боевого опыта соединений и частей ОКСВ. При мне Язов летал туда дважды. Оба раза брал с собой группы по 10 человек, в том числе начальников разведывательного и оперативного управлений, связи, РВиА, инженерной и бронетанковой служб, тыла. В первой поездке в феврале 1981-го с ним летал мой предшественник Рожнев В.В., во второй в 1982 году в состав группы Язов включил меня. Летали на «Ан-26» командующего.

В 40-й армии отношение к приему было серьезное. В Кабуле очень обстоятельно докладывал обстановку начштаба армии в то время еще генерал-майор Тер-Григорьянц Н.Г. (Позже он станет генерал-лейтенантом, первым заместителем начальника Главного штаба Главкомата Сухопутных войск — начальником одного из ведущих управлений.) Накануне состоялась крупнейшая Панджшерская операция. По искренней тональности доклада Нората Григорьевича чувствовалось, сколько сил, знаний, энергии и души вложил он в ее разработку и осуществление, как в свое детище. Говорят, она включена в учебники и даже сегодня изучается слушателями академий.

Мы посетили целый ряд гарнизонов — Баграм, Кандагар, Джелалабад, Гардез, Шинданд, Газни, штаб 103-й воздушно-десантной дивизии (вдд) в Кабуле. В одном из гарнизонов будущему министру обороны СССР Язову Д.Т. обстановку докладывал будущий министр обороны России Грачев П.С.

В завершение Язов дал всем время основательно поработать в службах и отделах управления 40-й ОА по своим направлениям. Что касалось меня, то коллеги из отделения спецпропаганды щедро поделились информацией по обстановке и накопленным опытом. Хорошо, что многое записал, так как на обратном пути Язов вдруг прямо с борта самолета, еще не пересекая границу, скомандовал начальнику штаба САВО генерал-лейтенанту В.Архипову срочно, назавтра, собрать военный совет и подготовить военно-практическую конференцию с руководящим составом штаба и управлений округа, объединений и соединений по изучению боевого опыта 40-й ОА. Каждому из летевших были определены темы выступлений. Ткнув в мою сторону пальцем, приказал: «А вы начнете конференцию и выступите с докладом по военно-политической обстановке в ДРА. Подготовитесь?» — «Так точно!» Из-за задержки в Ташкенте в Алма-Ату прибыли под вечер. Фактически оставалась лишь ночь. Однако утром все прошло по плану. Материалы конференции были обобщены и разосланы в войска.

Большое внимание Афганистану уделял член военного совета (ЧВС), начальник политического управления (начПУ) округа генерал-полковник Попков М.Д. Он сам неоднократно летал туда, в том числе и в бытность ЧВС Сухопутных войск. Его в округе сменил генерал-лейтенант Арапов В.Ф., при поддержке которого работалось в охотку. Он как-то сказал мне: «Ваш отдел — единственное в политуправлении светлое пятно, за работу которого меня не ругают!» На следующий год, уже в феврале 1983 года, мне удалось еще раз слетать в Афганистан. На этот раз с

начальником разведуправления генерал-майором Устьяном Н.С. С разведчиками у нас всегда было тесное взаимодействие и хорошие личные отношения. И даже вовсе не потому, что мы обычно принимали у них экзамены по китайскому языку, за знание которого уже тогда им выплачивалась надбавка в размере 20 %. Нашему брату такое счастье привалило значительно позже.

По возвращении из этих поездок я устно и шифровками докладывал свои впечатления начальнику спецуправления (7-е управление) ГлавПУ СА и ВМФ генерал-лейтенанту Волкогонову Д.А. Еженедельно он принимал доклады о состоянии дел и обстановке на границе. Где-то в 1982 году появились определенные намеки на изменения поведения китайских пограничников в лучшую сторону. После двух десятилетий враждебности со стороны КНР подобные признаки казались обнадеживающими и вызывали значительный интерес. Как известно, пограничники вели разведку на определенную глубину сопредельной территории. Штаб и разведотдел Восточного погранокруга находились через дорогу от нашей спецредакции по улице Дзержинского в городе Алма-Ате. Фактически мы чуть ли не первыми получали их разведсводки, а они — ежедневные бюллетени нашего радиоперехвата и аналитические материалы. Редакторы спецредакции полковники Семуков Г.Ф. и сменивший его Сюсюкалов И.А великолепно владели китайским, были очень вдумчивыми и добросовестными, обладали хорошими аналитическими способностями. Погранцы с удовольствием сотрудничали с ними и с другими офицерами (И. Попов, А. Михайловский, Д. Богатырев, Ж. Накупов, В. Кышпанаков, С. Шорохова) при подготовке наиболее серьезных материалов, выводов и оценок. Генерал Волкогонов, по крайней мере, дважды говорил, что на основе наших донесений докладывал начальнику ГлавПУ СА и ВМФ генералу армии Епишеву А.А. об обстановке на границе.

К концу лета пришло распоряжение от Волкогонова о прибытии 27.09.83 г. в Ташкент на совещание по активизации изучения и внедрения опыта 40-й ОА и армии ДРА по ведению политической работы среди афганского населения и бандформирований. Предусматривалось проведение конференции по данной тематике. Мне было поручено выступить с сорокаминутным содокладом и отчитаться за изучение и внедрение такого опыта в Среднеазиатском ВО.

В отделе служил старший инструктор майор Давыдов А.П., выпускник Новосибирского ВВПУ. В свое время курсантам этого училища преподавался китайский язык, благодаря чему Саша и оказался в нашей структуре. Он обладал хорошим

оформительским даром и предложил: «Давайте разработаем подробную схему, где графически отобразим, какие в округе используются формы и методы изучения, внедрения, участия и содействия. Волкогонов ведь ученый, ему надо все по полочкам…» Такую схему размером два на три метра мы отработали, изготовили стенд с фотографиями, которых тоже набралось достаточно. Были среди них и отражавшие факты пребывания в округе делегаций афганских военнослужащих. Знакомство с советской действительностью особенно шокировало солдат, вырванных из боевых условий и своего средневековья и вдруг очутившихся в мирной обстановке в таких невиданных для них городах, как Алма-Ата, Фрунзе, Душанбе или Ташкент. Даже облик Кабула не шел ни в какое сравнение с любым из маломальски приличных райцентров европейской России, Украины или Белоруссии.

В Ташкенте мой содоклад должен был состояться после первого перерыва, во время которого были развешаны наши схемы. Они привлекли внимание в то время первого заместителя начальника ПУ ТуркВО генерал-майора Овчинникова А.И. Постояв с минуту руки за спину и покачиваясь с носка на пятку, А.И. как бы с досадой произнес: «Надо же! Ни хера не делают, а такие схемы рисуют!»

Тем не менее на следующем перерыве после выступления он подошел, пожал руку и извинился: «Не ожидал, действительно удивился, услышав из твоего доклада, что в САВО проводится такая работа!» Позже, в дни августовского путча 1991 года, Александр Иванович, уже в звании генерал-полковника будучи назначен начальником ГлавПУ СА и ВМФ, фактически так и не успеет вступить в должность и уйдет в запас.

Генерал Волкогонов содоклад расхвалил. В конечном счете я «довыступался». 21 октября того же 1983 года, будучи на отдыхе в Сочинском военном санатории им. К. Ворошилова, через дежурный персонал получил команду срочно связаться с «каким-то Волкогоновым». Тут же из вестибюля 7-го корпуса позвонил ему. Генерал Волкогонов ошарашил предложением отправиться в Кабул на должность советника начальника управления спецпропаганды Главного политуправления армии ДРА. Курортное настроение сразу улетучилось. Я что-то промычал вроде того, что вообще-то являюсь китаистом… Он добродушно заметил: «Да ты уж там разобрался… Подумай, завтра перезвони!»

Назавтра свое согласие «перезвонил». А еще через несколько дней меня там же, в Сочи, уложили в инфекционную больницу с гепатитом. Видимо, подхватил месяцем ранее в Ташкенте.

Расстроился. Подумают, струсил. Доложил в Москву, попросил пару месяцев на реабилитацию, «посидеть» на диете после выздоровления. Так врачи советовали. Созвонились с Романенко А.В., которого должен был менять. Алексей Васильевич, до Афгана бывший начальником отдела в Закавказском ВО, не возражал. По возвращении в Союз он подлежал увольнению в запас, поэтому готов был защищать народную власть еще сколько угодно. К тому времени он уже несколько месяцев безвылазно сидел в Кабуле и, как и некоторые другие советники афганского ГлавПУ, строчил свой раздел в диссертацию шефу, генерал-полковнику Кизюну Н.А.

30 ноября в округе получили внезапное известие о гибели в Афганистане Саши Давыдова. Он был направлен советником в политотдел 2-го армейского корпуса (ак) в Кандагар и пробыл там всего два месяца и один день. 29 ноября 1983 года, в безоблачный погожий день пара вертолетов с командиром корпуса, начальниками отделов и служб 2-ак и их советниками вылетела в Мукур для плановой проверки 7-й пехотной дивизии (пд). При заходе на посадку «по-самолетному» на полевой грунтовый аэродром ведомый вертолет, в котором был Саша, еще один советник и офицеры штаба 2-ак, проскочил ровное место, выкатился на ухабы и глубокие, до полуметра, рытвины, перевернулся и загорелся. Экипаж выскочил через остекление кабины. Дверцу в салон заклинило. Вертолет лежал на левом боку, где находится входная дверь, все пассажиры сгорели заживо. Сашу Давыдова похоронили 5 декабря 1983 года в Алма-Ате.

Через год я побывал на месте катастрофы. Мы летели в Гардез с промежуточной посадкой в Мукуре. Чуть поодаль от стоянки нашего «Ан-26» я увидел те самые рытвины и остатки вертолета. Сердце екнуло. Подошел поближе — обгоревший, метра полтора кусок хвоста, кое-что от обшивки, часть редуктора, несколько шестеренок. Подъехавшие советники страшную догадку подтвердили. Некоторые из них были свидетелями. Они рассказали, что лежали уткнувшись лицами в жесткий каменистый грунт, так как участок, где их застала катастрофа, был ровный как стол. Над головами свистели почти мгновенно начавшие рваться НУРСы из боекомплекта «Ми-8», а из лежавшего на боку вертолета неслись крики обреченных.

Пишу подробно с мыслью, чтобы хоть какая-то память осталась о Саше Давыдове. И еще хочу добавить, что нехорошее предчувствие у него было изначально. Когда накануне летом из Москвы поступило распоряжение подготовить кандидатуру на эту должность, я вначале предложил другого офицера. Забраковали.

Затем попытался выдвинуть еще одного. Обругали. Тут подходит старший инструктор отдела А. Михайловский и говорит по секрету: «Ты вот предлагаешь кому попало, а Давыдов обижается!» Спрашиваю Давыдова: «Это правда?» — «Да».

Ладно. Оформили документы, пришел вызов. Провожаем буквально перед моей поездкой в Ташкент. Выпили. Вышли покурить. Спрашиваю: «Саша, ну как настроение, готов?» А он вдруг: «Знаешь, все время хотел. А сейчас вот почему-то кошки скребут. Как-то муторно на душе…» Из Москвы звонил расстроенный. Его первоначально готовили на 1-й, кабульский корпус, а затем «переиграли» на Кандагар. Когда я вернулся в Алма-Ату на его похороны, дома ждало письмо, отправленное им незадолго до гибели. Это письмо храню. Оно написано в несвойственных для него выражениях: «Завтра на боевые… Для меня это как шаг в бездну, в мрачную неизвестность…» и т. д. Глазам не верил, так как по жизни он обычно был оптимистом, веселым, добродушным.

Первые впечатления

1 апреля, в такой вот «шуточный» день пересек воздушную границу и прибыл в Кабул. Встречал А. Романенко. Почти сразу же отправились в Министерство обороны. Представился начальству. Советником афганского ГлавПУ уже был генерал-лейтенант Силаков В.Н., старший группы наших советников и мой непосредственный начальник — генерал-майор Манойлов М.Н. Познакомились с начальником управления спецпропаганды, моим подсоветным, тогда еще полковником Абдулом Вахедом и офицерами управления. Спецредакция входила в состав управления на правах отдела. При ней советник — однокашник «перс» Леня Трубников. Его через несколько дней сменит другой «наш» и тоже «перс» Михаил Андриенко. У Миши уже второй заход. Потом будет и третий, хоть и более кратковременный.

Абдул Вахед — пуштун, «халькист», то есть из числа тех, кто совершал революцию, в то время как руководство «парчама» в апрельские дни 1978 года занимало пассивную, трусливо-выжидательную позицию. Однако халькисты-пуштуны с приходом к власти Б. Кармаля были оттеснены на второстепенные роли, хотя именно пуштуны всегда являлись господствующей нацией в стране. Тем не менее то ли по неведению, то ли по глупости, то ли с дальним умыслом (при более подробном рассмотрении скорее последнее) к руководству Афганистаном сподобились привести парчамистов во главе с потомком иранского иудея. Те создали под себя свою, фракционно-однородную, сплошь «парчамистскую» службу безопасности — ХАД, аналог советского КГБ. Одновременно они старались захватывать ключевые посты во всех структурах вооруженных сил, несущих основную кровопролитную тяжесть гражданской войны. Офицеры-халькисты нередко «зажимались» по службе, будь то продвижение или присвоение воинских званий. Именно по этой причине межфракционный раздрай наиболее остро ощущался в армейских соединениях и частях. По этой же причине начальнику спецуправления полковнику Абдулу Вахеду под различными предлогами так долго не присваивалось генеральское звание. Он в свое время заканчивал в Союзе два высших учебных заведения, включая Академию тыла в Ленинграде, был очень грамотным, умным, можно сказать, мудрым и, что немаловажно, высокоавторитетным в войсках офицером. По своему интеллекту Вахед нередко был гораздо выше многих непосредственных начальников. Мне часто приходилось наблюдать, сколь искренне уважительно относились к нему генералы и офицеры в

управлениях министерства и войсках. Вахед был и великолепным шахматистом, постоянно занимая призовые места на чемпионатах своей страны.

В целом же почти десятилетние потуги наших советников в ЦК НДПА, партийно-правительственном аппарате, вооруженных силах и, разумеется, посольства СССР примирить сторонников обеих фракций оказались тщетными.

Скрестить в пробирке ежа с колючей проволокой не удалось.

Хотелось бы привести уникальный по своей точности и емкости анализ одного из афганцев — пуштуна из провинции Гильменд Мохаммеда Камаля. Не так давно мой старый знакомый радиодиверсант из бывшей мюнхенской «Свободы» Валерий Коновалов прислал из Германии свою книгу «Век «Свободы» не слыхать». С Камалем они познакомились чисто случайно в одном из пивбаров Мюнхена, где Валерий в свойственной ему манере для начала успел обозвать его душманом. Однако знакомство оказалось полезным.

«Пуштуны, — пишет В. Коновалов, — в его понимании — хозяева Афганистана, коренное население страны. Таджики, хазарейцы и иже с ними — пришлые нацменьшинства. В этом вся разница». «Мы можем уживаться с ними, но Афганистан принадлежит нам, пуштунам…» — не раз подчеркивал в разговоре Камаль. Отсюда и его мнение о насильственном устранении Хафизулы Амина и замене его Бабраком Кармалем как о страшнейшей политической ошибке, допущенной тогдашним советским руководством. Именно этот шаг, а не ввод советских войск Камаль считает политической ошибкой. По его словам, при другой, умной развязке событий присутствие советских войск все равно было бы необходимым, но отношение к «шурави» оказалось бы совсем иным.

Эту ошибку Камаль видит, во-первых, в том, что Амин никогда не был и не мог быть американским шпионом.

Здесь с ним надо согласиться, так как эту пропагандистскую «утку» советская пресса с подачи Ю. Андропова запустила для пущей убедительности в необходимости ввода наших войск. Потом авторы многочисленных книг и публикаций старательно списывали друг у друга тексты личных просьб и обращений Амина по этому поводу. «Агент ЦРУ» хлопочет о советском присутствии в Афганистане. Нормально?

«Именно такая картина ложного видения Афганистана и мнимой продажности Амина заокеанским хозяевам и была навязана советскому руководству», — утверждает Камаль. «Умело поданная извне и изнутри, чтобы в нужной интерпретации быть

доведенной до ушей Брежнева».

Здесь прерву цитирование Камаля. Эта его последняя фраза — ключевая в понимании того, как мы оказались в Афганистане и кто нас туда вводил. Он «бьет в копеечку». Ряд исследователей уже определили эти каналы «извне». Многое на свет проливают рассекреченные материалы американского посольства в Тегеране, захваченные хоменеистами в начале ноября 1979 года. Более подробно об этом писал бывший генерал КГБ В. Спольников в своих публикациях, в том числе в журнале «Азия и Африка сегодня» № 12 за 1989 г.

Недавно прочел книгу Снегирева В.Н. и Самунина В.И. «Вирус «А». Как мы заболели вторжением в Афганистан: политическое расследование». В аннотации сообщается, что в ней — «ключ к разгадке многих событий и процессов, происходивших на Среднем Востоке… содержит много уникальных, ранее не опубликованных фактов». Да, фактов в ней много, особенно раскрывающих «кухню» работы чекистов в Кабуле и частично — в Москве. Хочу подчеркнуть — именно в обеих столицах, в то время как Афганистан — это далеко не только Кабул. Фактура, собранная авторами, отражает эпизоды лишь верхушечной борьбы в афганских и советских верхах, в том числе между руководством КГБ и военного ведомства по поводу мотивации, а в связи с нею — и подходами к оценкам обстановки в ДРА на различных ее этапах. Слишком различными, более того, противоположными оказались их цели, по крайней мере до ввода советских войск. Смею утверждать, что аппарат военных советников занимался созиданием, в то время как в деятельности кабульской резидентуры и представительства КГБ четко просматриваются разрушительная направленность, в чем можно убедиться даже из содержания «Вируса «А».

Не собираюсь рецензировать книгу, но, с моей точки зрения, «ключ к разгадке» оказался основательно зашифрован, многое принципиально важное как бы угадывается между строк, почему-то упущено или сокрыто, смещены акценты, а потому заведомо искажается суть некоторых событий, особенно связанных с негативной ролью ПГУ КГБ. Возможно, не случайно, поскольку Валерий Самунин, прослужив в его «афганских рядах» свыше семи лет и стремясь представить как можно более фактов, тем не менее вынужден соблюдать определенное чувство меры… Это ведет к превратному представлению о первопричинах происходившего и всего последующего. Например, весьма туманно и искаженно представлены события периода 11–16 сентября 1979 года, совсем смазан эпизод с таким важнейшим событием, как так называемый «Пагманский заговор». Но спасибо

авторам — именно они сподвигли меня более внимательно отнестись к его рассмотрению как наиболее ключевому. В результате анализа связанных с ним фактов и информации о развитии ситуации в последующие полтора года вплоть до декабря-79, я написал новую главу под названием «Пагманские тайны». Она будет изложена ниже.

Ряд фактов использован для усиления аргументации по некоторым другим разделам, хотя, каюсь, они идут вразрез и далеко не всегда совпадают с многими оценками искренне уважаемых мною В. Снегирева и В. Самунина. На фоне многих других повествований книга неординарна, поэтому с этим «расследованием» придется попутно разбираться по ходу, так как при поверхностном и неискушенном взгляде богатая фактура и, прямо скажем, достаточно талантливо, броско написанный материал могут многих ввести в заблуждение. Слово «расследование» в названии их повествования мною взято в кавычки лишь потому, что до его завершения слишком далеко.

Авторы

Важнейшими для понимания вопроса, где родилась идея Афганского похода, являются материалы сверхсекретной переписки моссадовских экспертов, приводимые в книге Николая Иванова «Операцию «Шторм» начать раньше…».

С ведома Н. Иванова приведу выдержки:

«Согласно вашим указаниям представляю свою ориентировку плана NX.

Для стабилизации обстановки в регионе и дальнейшего ее поворота к нашим интересам необходимо в первую очередь заставить уйти с Ближнего на Средний Восток Советский Союз. Для этого, на мой взгляд, ныне представляются благоприятные возможности в связи с событиями в Афганистане. Необходимо безотлагательно направить все наши усилия на то, чтобы афганские лидеры не прекращали просить не только экономическую, но начали настоятельно просить и военную помощь от СССР. Анализ обстановки дает основания предполагать, что его нынешнее руководство даже без нашего влияния через своих лиц в Москве (жаль, список не оглашен!) способно пойти на этот шаг: если Анголе, Кампучии, Сирии, другим государствам, просившим того же, предоставлялось все-таки только оружие и советники, то в государство, с которым имеется общая огромная граница, Сов. Правительство при определенной степени опасности поражения Апрельской революции может ввести какое-то количество войск. Положительный опыт с Чехословакией и Венгрией будет только способствовать этому.

К тому же нынешний председатель КГБ СССР Ю. Андропов — лицо достаточно влиятельное в Политбюро — был руководителем тех акций.

Следует взять в расчет и интересы Соединенных Штатов в том регионе. Если только мы добьемся ввода советских войск в Афганистан, мы столкнем две сверхдержавы, которые станут там решать тактические задачи…»

(От автора: в этой связи обращает на себя внимание загадочное похищение и убийство в феврале 1979 года американского посла в Кабуле Адольфа Дабса. Оно не могло не повлиять на решение США более энергично «заняться» афганской проблемой.)

«Америка в таком случае сделает все, чтобы не выпустить СССР из Афганистана, и тем самым подорвет и его политический авторитет в мире, и просто разорит экономически. СССР не умеет

и не хочет понимать свои ошибки и потому будет стоять на афганских рубежах до последнего. (По крайней мере, пока не сменится правительство. Но в ближайшем окружении Брежнева я не вижу людей, мыслящих по-иному.) Афганцы же, в свою очередь, не позволят чужим солдатам, пусть даже и советским (а при необходимости подтолкнуть, посодействовать этому), находиться на своей земле (примеры — те же попытки англичан покорить эту страну).

В итоге СССР вместо друга получит фанатичного врага и волей-неволей вынужден будет переместить центр своего влияния из нашего региона на свой юг. Это будет пропасть, куда, хочет СССР того или нет, его будут толкать уже обстоятельства. Наверняка произойдет раскол и среди арабов в оценке действий Москвы. Все сведется к выяснению отношений СССР с мусульманским миром. Над этим клубком будет стоять, выгадывая свои интересы, США. Но над всем этим станет Израиль, добившись сразу стратегических задач в своих интересах.

Поддерживаю план NX в этой части…

Для ориентировки.

Эксперт Центра».

Н. Иванов по понятным соображениям не раскрывает источники столь важных сведений. Остаются неустановленными автор («эксперт Центра») и адресат. В переписке изложен лишь общий замысел.

Почти через два десятилетия З. Бжезинский назовет это «тайной операцией». В изложенной «ориентировке плана NX» отсутствует упоминание важнейшего для разработчиков действа — подписания 5 декабря 1978 года Договора между СССР и Афганистаном о дружбе и взаимопомощи, который и послужил в дальнейшем юридическим и пропагандистским обоснованием «законности» действий СССР.

Это может являться основанием предполагать, что, во-первых, замысел вызревал ранее, ближе к осени 1978 года. Для подготовки такого Договора требовалось время, а во-вторых, сам факт его подписания и есть подтверждение, что «процесс пошел».

Обращает на себя внимание компетентность и уверенность «эксперта» в реализации задуманного. Хоть и несколько завуалированно, однако недвусмысленно он намекает на возможности Ю. Андропова. И уж совсем откровенно подтверждает наличие и «влияние своих лиц в Москве».

Судя по высшей степени информированности, менталитету и геополитическому масштабу мышления, автор донесения, во-

первых, лицо высокопоставленное и потому смело выражающее собственное мнение, явно независимое от всяких кнессетов; во-вторых — находящееся в Израиле; в-третьих — адресующее свою «поддержку» явно какой-то вышестоящей надгосударственной инстанции, «согласно указанию» которой он и представил «свою ориентировку плана NX».

Исключая при этом ООН, придется вспомнить о существовании других надгосударственных масонских структур, таких, как Бильдербергский клуб, Трехсторонняя комиссия, Римский клуб.

По утверждению директора Центра русских исследований Московского Гуманитарного университета Фурсова А.И., в создании двух последних видную роль сыграл З. Бжезинский. Фурсов называет его «наймитом Рокфеллеров». Да, все Рокфеллеры участвуют в деятельности этих «клубов». Они же финансируют замыслы и проекты типа «NX», в том числе агентов влияния в разных странах, так как их основной капитал сосредоточен в принадлежащих им крупнейших международных банках. Однако все эти «клубы» существуют в рамках единого сионистского организма, у которого, как и у всякого другого, есть лишь одна «голова» — мозговой центр в составе наиболее умных экспертов — бжезинских. Так что называть Збигнева чьим-то «наймитом» — значит явно недооценивать его.

А. Фурсов, выступая в октябре 2012 года на аналитическом онлайн-телеканале «День ТВ», говорил: «…Он (Бжезинский) играл очень большую роль на последних стадиях холодной войны против Советского Союза… В частности, он был одним из разработчиков идеи заманивания Советского Союза в Афганистан… И он это признал откровенно в конце 90-х годов… Когда французский журналист из «Нувель обсерватер» спросил его: «Не сожалеете ли вы о том, что погибло так много афганцев во время войны?», Бжезинский ответил: «О чем жалеть? Тайная операция была блестящей. В результате ее мы заманили русских в афганскую ловушку, а вы хотите, чтобы я сожалел об этом?.. Что важнее для мира — один-два мусульманских фанатика или выдавливание СССР из Центральной Европы, прекращение существования СССР и окончание холодной войны?» Яснее не скажешь, — констатирует А. Фурсов. — Очень четкая позиция!»

Но Афганистан явился лишь частью геополитических разработок закулисы, реализованных в 70–90-е годы. Афганскую эпопею, например, в силу совпадения целого ряда факторов необходимо обязательно рассматривать в совокупности с практически одновременно состоявшейся ирано-иракской войной. Авторское первенство принадлежит, очевидно, все тому же

«наймиту» и в целом мозговому Центру, им руководимому. Она была очень важна в первую очередь для Израиля.

Из вышеупомянутой Н. Ивановым переписки «эксперта Центра»: «Что касается Ирака. Это практически последняя страна в арабском мире, оставшаяся без нашего влияния… Если разыгрывать «исламскую» карту, желательно подтолкнуть Ирак к конфликту с любой другой страной региона. Это не только еще раз расколет арабов, но и ослабит нашего главного противника».

Подчеркну, что в то время об Иране речь не шла — он еще являлся союзником, сателлитом США. Высказывалась лишь идея. Это подтверждает мое предположение, что переписка могла датироваться второй половиной 1978 года.

Однако через несколько месяцев ситуация изменилась, когда в феврале 1979 года в той стране произошла антишахская, антиамериканская (а следовательно, и антиизраильская) революция. Вскоре начал вырисовываться и замысел, форсированию которого способствовал разгром хоменеистами американского посольства в Багдаде и захват ими заложников из числа его сотрудников. Для разжигания конфликта поводов было предостаточно. Прежде всего, это были территориальные притязания Ирака на ряд приграничных участков с богатыми нефтяными месторождениями, курдская и суннитско-шиитская проблемы, время от времени случавшиеся стычки на границе. Для детонации событий достаточно было диверсионным группам какой-либо «третьей силы» поочередно обстрелять погранпосты каждой из враждующих сторон с последующими взаимными обвинениями из Ирана и Ирака — и разразились бы полномасштабные боевые действия. Плюс подстрекательство заинтересованных зарубежных СМИ, дипломатические уловки США и их внезапный разворот в поддержку Саддама Хусейна. Все это и произошло по задуманному сценарию.

Невзирая на отвлекающую болтовню борзописцев, следует иметь в виду, что главной целью развязанной войны (началась 22.09.80) являлось прежде всего уничтожение военно-промышленного потенциала Ирака. Его жесткая и бескомпромиссная враждебная позиция в отношении Израиля, бесспорное лидерство в арабском мире и антиизраильском сопротивлении, подкрепленное достаточно мощной современной армией, представляли серьезную угрозу безопасности еврейского государства. Под шумок ведущихся боевых действий нетерпеливые израильтяне, явно не удовлетворенные ходом событий и торопившиеся к скорейшей ликвидации наиболее опасных для них объектов, в июне 1981 года взяли на себя «инициативу» и вместо иранцев сами разбомбили иракский

ядерный реактор под Багдадом. Возможно, они при этом полагали, что Иран недооценивал его важность в качестве военной цели. Скорее всего, так и было. Потому и пришлось самим устранить этот недостаток. Мгновенно вслед за происшедшим зарубежные СМИ, возможно от избытка радостных чувств за соплеменников, явно поторопились пискнуть об успехе израильтян, но тут же не по своей воле заткнулись. Изначально-то задумка была переложить ответственность на Иран, но не вышло.

В этой связи внимание на себя обращает практически никем не замеченная бомбардировка в середине 1982 года строящейся иранской АЭС в Бушере. По логике, этот объект для Ирака тогда никакой важности или опасности явно не представлял — только зря расходовать самолето-вылеты и драгоценные ракеты или мощные бомбы. Предполагать, что это было в отместку Тегерану за якобы разрушенный им собственный багдадский — тоже нелепо, так как Саддам уже знал, что это было делом израильской авиации. Во всяком случае, в определенных иранских кругах существует точка зрения, что это были именно израильтяне. По крайней мере, о том рассказывали мои бывшие однокашники Михаил Ежиков и Леонид Трубников, долгие годы после возвращения из Афгана принимавшие участие в строительстве АЭС (Трубников — целых 15 лет!). Однако достоверной информации нет — информационные агентства, перестаравшись годом ранее, хранили молчание. Интересно, какой шум они бы подняли, если бы в те времена советская авиация вдруг нанесла бомбоштурмовые удары по базам и центрам подготовки мятежников на территории Пакистана в отместку за участие в необъявленной войне против ДРА! Кстати, «израильский след» в нападении на Бушерскую АЭС косвенно может подтверждаться сегодняшними угрозами в адрес Ирана в связи с его ядерной программой.

Война продолжалась почти 8 лет, однако возлагавшиеся на Иран надежды не оправдались. При относительном равенстве сил и вялотекущем характере боевых действий в середине 80-х надежды сионистов на уничтожение военной мощи Ирака чужими руками иссякли. Единственным их достижением в тот период было лишь то, что Багдаду, увязшему в войне, было недосуг коситься вражьим глазом на Израиль. Однако все еще сохранявшийся военный потенциал Ирака по-прежнему вызывал беспокойство Тель-Авива и его покровителей. Нужно было предпринимать более решительные меры. К тому же некстати разгорелся «Ирангейт». На прямую агрессию против Ирака рассчитывать было нельзя — еще существовал СССР, создававший

вооруженные силы Саддама. К тому же вот-вот должна была выводиться из Афганистана мощная, приобретшая современный боевой опыт группировка 40-й армии, которая могла стать серьезным аргументом в защиту Ирака, благо для ее переброски в близлежащий регион особых усилий не требовалось. Да и инфраструктура Туркестанского военного округа была максимально приближена к прифронтовой. Войну, как малоперспективную с вышеизложенной точки зрения, было решено прекратить и взамен заманить Ирак в Кувейт, подставив его под удар теперь уже более мощной группировки войск НАТО во главе с США.

Состоялось. Причем при поддержке предательской позиции горбачевского руководства, с активным посредническим участием бывшего главы МИД СССР Шеварднадзе Э.А. Есть информация о том, что за свои усилия он был неплохо вознагражден благодарным зарубежьем.

Армия Ирака понесла серьезные потери (разгромлено свыше 40 дивизий, утрачено 3700 танков, в том числе Т-72 и Т-62 советского производства, 2400 единиц бронетехники), но уничтожена не была. Более того, срочно принимались меры по восстановлению ее боеспособности. К тому же оставался жив и невредим бескомпромиссный Саддам Хусейн, даже в ходе вторжения в Кувейт продолжавший обстреливать израильскую территорию ракетами «Скад». Следовательно, и на этом этапе сионисты вновь не добились главной цели. Лишь после развала СССР, подготовив основательно международное общественное мнение к необходимости «устранения угрозы миру» (читай: безопасности Израилю) со стороны иракского воображаемого оружия массового поражения, они пошли на прямую агрессию, вторжение в Ирак в марте 2003 года и убийство Саддама Хусейна. Только теперь они достигли долгожданной цели, к которой двигались с конца 70-х, о чем так откровенно поведал нам вышеупомянутый «эксперт Центра». Так что про саддамовские мнимые козни, «рассекреченные истинные цели американцев — прибрать к рукам нефтяные богатства Ирака», защиту демократических ценностей — все это писано для наивных. Дабы скрыть истинный смысл и не привлекать внимания к Израилю, все делалось руками США под прикрытием международной «коалиции» (сионистской) — и все только в интересах Израиля.

Вышеизложенное казалось бы очевидно, но… «Признательных показаний», за исключением откровений уверенного в безнаказанности Бжезинского, мы практически не имеем. Приходится судить по результатам, разрозненным фактам, косвенным признакам и, подвергая анализу, выстраивать

логическую цепь и приходить к выводам. Их восприятие или неприятие происходит в зависимости от информированности, патриотического или космополитического менталитета. Ведь не секрет, что определенное число наших граждан, с первого класса привыкших списывать у соседа по школьной парте задачку по математике или диктант, всю последующую жизнь «списывают» все, что им подсовывается в качестве истины с телеэкранов, газет, радио. Не случайно в известных «Протоколах собраний сионских мудрецов» (фактически это 2-я часть считающейся полностью уничтоженной большевиками-иудеями книги Сергея Нилуса «Близъ есть при дверехъ») в протоколе 12 говорится: «Теперь мы сумели овладеть умами гоевскихъ обществ до той степени, что все они почти смотрятъ на міровыя события сквозь цветные стекла техъ очковъ, которые мы имъ надеваем на глаза…»

Неожиданную информацию, не вписывающуюся в ранее затрамбованную официальную версию, такая категория читателей нередко встречает с недоверием: «Как, неужели возможно в таких масштабах манипулировать другими странами? Неужели было возможно по чужой воле двинуть СССР в Афганистан, словно пешку на шахматной доске? Да нет, это просто наши маразматики случайно ошиблись, и мы потеряли полтора десятка тысяч убитыми и полсотни тысяч искалеченными, а страну развалили коммуняки!»

Такие «случайности» в целенаправленной агрессивной геополитике против СССР и Афганистана Бжезинский уже наглядно и цинично обнажил. В реализации его сценариев исключительно важную роль нередко играл и играет «МОССАД». Леон Крис, автор книги «Эксодус», подчеркивает: «МОССАД — пожалуй, самая сильная разведка мира. Она опирается на патриотические и религиозные чувства еврейских общин, разбросанных по всему миру и имеющих влияние в самых высокопоставленных кругах. У нее есть огромные деньги и начисто отсутствует какой-либо кодекс чести и уважение к закону… У евреев было еще то преимущество, что любой еврей в любой стране мира был потенциальным источником информации и поддержки для агента МОССАДА» (ч. 1 гл. 8).

От себя добавлю — даже в Штатах, скорбное подтверждение чему — судьба Д.Кеннеди. Почему? Да потому, что незадолго до своей гибели он пытался воспрепятствовать Израилю в стремлении того к созданию собственного ядерного оружия и даже перешел к угрозам в адрес еврейского государства, если оно не прекратит таких устремлений. Видимо, уверовав во всемогущество власти президента американской державы, создавал тому серьезную помеху, которую и устранили. А нам

уже полвека «сквозь цветные стекла техъ очковъ» навязывают многочисленные байки-версии по поводу других возможных причин его убийства. Так что вместо известного французского изречения впору употреблять «МОССАД» ищите!».

В этой связи более обширную информацию при желании можно узнать из книг Р. Ключника (т. 10), О. Платонова, Р. Перина и других. Понятно, что СССР и Россия — не исключение, и у нас нашлись лица выше высокопоставленных. Потому и оказались в Афганистане. Но об этом дальше.

Прежде чем непосредственно перейти к делам афганским, на примере событий арабо-израильской так называемой войны 1973 года («октябрьской» или «Судного дня») попытаюсь еще раз продемонстрировать, сколь легко осуществляются на практике подобные «конспирологические» сценарии. Хотя и в уменьшенном масштабе, но результативно.

Для справки приведу определение вышеупомянутого А.И. Фурсова из его работы «Конспирология — веселая и строгая наука»: «Обычно под конспирологией подразумевается сфера знаний, в которой история, особенно резкие ее повороты, рассматривается сквозь призму тайной борьбы, заговоров и контрзаговоров неких скрытых сил — орденов, масонских лож, спецслужб, тайных международных организаций…».

Итак, по порядку. В результате «шестидневной» арабо-израильской войны 1967 года (5–10.06) Израиль нанес противнику сокрушительное поражение с одновременными значительными «приобретениями» территорий — Сирия потеряла Голанские высоты, Иордания — западный берег реки Иордан. Египет утратил сектор Газа и, самое главное, Синайский полуостров. Израильтяне вышли к Суэцкому каналу, судоходство было парализовано, в результате чего и вдобавок ко всем бедам египтяне тогда лишились существенных поступлений в казну от его эксплуатации.

В то время, будучи еще курсантом танкового училища, я был далек от понимания многих геополитических процессов. Недавно сокурсник по ВИИЯ Эдмундас Касперавичюс в своей рукописи книги «Доля советского офицера» (это его уже третья книга), коснувшись тех событий, напомнил анекдот на ту же тему: «Курсант Кремлевского ВОКУ, мастер спорта по военному многоборью, рано утром возвращался в училище из увольнения. Выйдя из метро, безо всякой на то причины вдруг набросился на мужчину характерной еврейской внешности, начал его избивать, скрутил и попытался его передать подоспевшему наряду милиции. Однако вместо этого был сам задержан и доставлен в

отделение. Там начали составлять протокол и требовать объяснений по поводу подобной агрессивности. «Никакой агрессии не было, — утверждал он. — Я утром проснулся и услышал по радио, что Израиль атаковал Египет, Иорданию, Сирию, Ирак. Пока завтракал, радио сообщило, что Израиль захватил Газу. Выходя из дому, услышал, что он овладел уже Синаем, а перед входом в метро узнал о захвате им и Суэцкого канала. Выхожу из метро — а они уже здесь! Ничего не оставалось, как броситься на защиту Родины…»

Последующий период проигравшие изо всех сил старались «доить» СССР, восстанавливая свою боеспособность и мечтая о реванше. Советско-арабское сотрудничество активно развивалось, и, говорят, якобы по инициативе Ю. Андропова были прерваны дипломатические отношения с Израилем. (Впрочем, вовсе не исключено, что это был дальновидный ход словно в шахматах, когда в жертву приносится какая-то фигура ради выигрыша всей партии. Но ведь действительно «выигрыш» состоялся, когда Ю.В. Андропов оказался во главе государства!) Наши специалисты и советники во многих сферах, включая военно-техническую, толпами направлялись на Ближний Восток.

Не оставался в стороне и Военный институт — переводчиков со знанием арабского готовили и направляли туда сотнями. Когда я поступил на первый курс, на нашем специфичном факультете была группа третьекурсников-арабистов. К тому времени они уже успели побывать на годичной стажировке в различных странах того региона. По окончании 3-го курса в связи с острой нехваткой переводчиков они были вновь и срочно направлены за рубеж. Однако вскоре (кажется, в середине 1972 г.) по инициативе арабской стороны по каким-то причинам произошло резкое охлаждение отношений. По-видимому, более всего там не нравились советские попытки противостоять реваншистским настроениям, тем более что к тому времени произраильские силы в нашей стране уже набирали вес во власти. Оказавшись не у дел, выдворенные и погрустневшие курсанты вновь продолжили учебу, установив тем самым рекорд ее продолжительности.

К 1973 году арабы уже сочли свою боеспособность восстановленной и были преисполнены решимости вновь атаковать Израиль, что, естественно, вызывало глубокую обеспокоенность не только у него, но и всех ему сочувствовавших за рубежом, включая СССР. Прекращение судоходства по Суэцкому каналу ударило не только по экономике Египта — страдали и европейские Ротшильды. Им ведь все эти годы пришлось таскать ближневосточную нефть в Европу чересчур дальним и дорогостоящим путем вокруг Африки. Да при этом еще

и фору дали Союзу, Китаю, Индии. Их терпение уже иссякло, слишком велика была упущенная выгода. Надо было срочно что-то решать. И «мозговым Центром» выход был найден… Уж кто-кто, а потомки когда-то изошедшего из Египта племени Моисеева знали, с кем дело имели. Помните роман «Пером и шпагой» Валентина Пикуля? «Пора бы вам знать, что, с тех пор как в древности финикияне изобрели денежные знаки, дипломатия народов упростилась до предела!»

6 октября 1973 года наступлением египетских армий была преодолена израильская оборонительная линия Бар-Лева на северном берегу Канала, и кровопролитный спектакль начал развиваться согласно режиссуре. Не буду описывать фабулу, равно как и состав противостоящих группировок, количество войск, танков или верблюдов с каждой из сторон — на эти темы опубликовано достаточно много воспоминаний и исследований. Просто обратив внимание на некоторые странности, подвергну краткому анализу результаты.

В те дни мне и некоторым моим сокурсникам довелось стать очевидцами отдельных эпизодов происходившего. Из ВИИЯ в распоряжение авиаторов была откомандирована группа слушателей и курсантов, в определенной степени владевших английским. Задача заключалась в обеспечении переговоров с диспетчерскими службами пересекаемых воздушных районов полетной информации (Будапешт-, Белград-, Бриндизи-, Афины-, Каир-, Алеппо-, Багдад-контроль), а также при взлете-посадке в аэропортах назначения.

Большую часть вылетов мне пришлось выполнять в составе экипажа «Ан-12» с бортовым номером 11945 Тульского военно-транспортного полка. Перед первым вылетом командир сообщил, что самолет у них хороший, на нем они облетали весь мир, включая Африку, Латинскую Америку, Австралию, Юго-Восточную Азию, не считая более близкие европейские регионы. При этом добавил, что самолету «уже давно пора в капремонт, но пока и так летает». «Ни х…ра, — подумалось, — самолету требуется капремонт, а тут лететь в район боевых действий!». Не помню точно, но только этим бортом довелось потом слетать 8 или 9 раз и в Каир, и Сирию, и Багдад. Еще несколько рейсов было в составе других экипажей.

На первом предполетном инструктаже стало известно, что накануне во время авианалета израильтян на сирийский аэродром Алеппо под Дамаском был разбит и сожжен советский «Ан-12». Некоторые другие были повреждены. На острове Крит совершил вынужденную посадку «Ан-22».

Где-то 10–11 октября вылетели в первый рейс. Вначале по

Союзу собирали груз. Затем Будапешт — аэродром сосредоточения и формирования «воздушного моста». Оттуда через какой-то промежуток времени самолеты взлетали с интервалом в две минуты и брали заданный курс. Все транспорты были без военной символики, только флаг СССР да бортовой номер. Экипаж — по «гражданке». Вооружение демонтировано, однако бортстрелок — на своем месте в хвостовой башенке.

Посреди Средиземного моря — точка, где караван делился на «1-й — 2-й». Первый — на Каир, второй — Дамаск, некоторые в Багдад. Американцы точку засекли, поставили там авианосец с группой кораблей. В перекрестном направлении курсом на Израиль с аналогичной задачей работала их авиация. Подлетели. Вдруг борт-стрелок сообщает по внутреннему переговорному устройству (ВПУ): «Командир, два «Фантома» в хвост заходят!» Все насторожились, памятуя об уже имевшихся потерях. Командир, слегка задумавшись, в ответ: «А ты вытащи з…пу, и поводи, поводи! Влево-вправо, вверх-вниз — поводи, поводи! Может, испугаются и не будут вые…ться!» От неожиданности все расхохотались, напряжение несколько спало.

«Фантомы» подлетели, сбросили скорость. Один слева чуть ниже, другой справа, повыше. Очень близко. Отчетливо видны лица пилотов. Фотографируют. Наш штурман тоже «щелкает» их на память. Американские истребители несколько раз поменялись местами над и под нами, качнули крыльями и отстали. Наш «Ан», тоже качнув в ответ, продолжил полет.

Вскоре зарубежные авиадиспетчеры нередко стали игнорировать нас — очевидно, слишком много добавилось им работы, особенно в ночное время. По-видимому, просто регистрировали информацию, не утруждаясь ответами. А однажды часа в четыре утра при входе в афинскую зону на мой «ван ван найн фор файв…» (бортовой номер 11945) молодой, смешливый женский голос на русском языке, передразнивая, вдруг выдал: «Иван-Иван, куда пошел?»

У воюющих арабов был месяц рамазан, когда мусульмане от рассвета до заката пищу не принимали. Повсюду ощущалось напряжение войны. Разгрузка вручную, а ведь это были в основном запасные двигатели к танкам и самолетам, тактические ракеты, ящики с артиллерийскими и противотанковыми снарядами. Утомленные, угрюмые лица солдат. Вести с фронта, вначале обнадеживающие после успешного форсирования Суэцкого канала и прорыва линии Бар-Лева, затем — обескураживающие. В то время советские СМИ, особенно вначале, освещали происходившее как-то уж очень невыразительно, обтекаемо. Да и вообще информации было слишком мало.

Египтяне, продвинувшись в глубь Синая чуть более полутора десятка километров, по непонятным тогда причинам были остановлены по приказу своего президента, хотя, как свидетельствовал в своих мемуарах бывший начальник их генштаба, армейское командование настаивало на развитии наступления. Садат, видимо, был единственным в арабском лагере, ведавшим секретным сценарием, да и то в части касающейся. Его и здесь перехитрила противоположная сторона. Правда, он и сам нарушил договоренности, продвинувшись, вероятно, несколько дальше ранее согласованного рубежа. Образовалась пауза в пользу противника.

На сирийском направлении тоже все застопорилось, но здесь уже по причине активности израильтян. И это невзирая на то, что сирийские войска были усилены иракским экспедиционным корпусом численностью около 20000 человек (с 500 танками и 700 БТР). Значит, здесь Израиль действовал всерьез. Вскоре Дамаск оказался в зоне досягаемости огня дальнобойной артиллерии израильтян.

На Синае они, вроде бы отступив, на удивление быстро, словно были готовы заранее, произвели отмобилизование и выдвижение основных группировок и перешли в контрнаступление. Используя египетские же понтонные переправы, как бы в ответ на излишне глубокое продвижение войск Садата, рванулись в глубь Египта и вскоре окружили Порт-Саид, грозя его взятием. «Клещи» они разжали лишь по мере отвода египетской группировки на, по-видимому, устраивающий их рубеж, именно тот, на котором и должны были чуть ранее остановиться египтяне.

Это уже походило на военную игру в «поддавки», и чем дальше, тем более странным все казалось, хотя ясности в быстро меняющейся ситуации еще не было. В то время в Багдаде мне пришлось наблюдать искреннее негодование иракских генералов и офицеров, удивленных прекращением наступления и нелогичным развитием событий, вначале казавшихся такими многообещающими для арабов. Ненавидя Израиль и мечтая о его долгожданном разгроме, они с нетерпением ловили и обсуждали поступающую информацию из районов боевых действий, одновременно на чем свет кляня Садата за прекращение наступления.

Хотелось бы отметить еще некоторые «странности» той войны. Во-первых, загодя отмобилизовав и создав группировку в составе двух полевых армий численностью свыше 800 тыс. человек, Египет только на своем направлении обеспечил себе двукратное превосходство над противником, но его не

реализовывал.

Во-вторых, «МОССАД», который день и ночь бдит и обычно реагирует на каждый шорох и подозрительные движения в арабском стане, на этот раз почему-то «проглядел», как в течение месяца отмобилизовывалась, разворачивалась, проводила боевое слаживание, выдвигалась и занимала исходные районы мощнейшая из когда-либо созданных, та самая наступательная группировка египтян. По странному совпадению, не выявила этого и военная разведка, в современных условиях обладающая в совокупности обширным комплексом возможностей — ни тактическая визуально, ни радио— или радиотехническая, ни авиационная, ни даже агентурная, в силу специфики арабского общества всегда отличавшаяся особой результативностью. «Не сработала» и космическая разведка США. Просто поразительно — никто и ничегошеньки! Более того, почти за две недели до часа «Х» из Каира началась и проводилась эвакуация целого ряда зарубежных посольств. Поверит ли сегодня кто-либо, что «МОССАД» и армейская резидентура и этого не заметили и никто в Тель-Авиве не насторожился? Показательно и то, что в Израиле затем не произошло никаких разборок по поводу якобы столь явных провалов спецслужб и разведорганов. А ведь уже отмечалось, что они, израильские, считались и считаются сильнейшими в мире! Случись подобные провалы и застань египтяне Израиль на самом деле врасплох, какие бы последовали «оргвыводы»…

В-третьих, Израиль лишь за пять суток до египетского времени «Ч» привел в повышенную боеготовность свои войска, однако на передовой линии «Бар-Лева» — на главнейшем для него направлении — продолжал держать всего три пехотные бригады, должные почти символически обозначать довольно растянувшиеся оборонительные рубежи. В то же время на менее опасном для израильтян антисирийском фронте была сосредоточена куда более мощная оборонительная группировка. Значит, и «МОССАД», и армейская разведка на том направлении смогли увидеть то, чего не «заметили» на синайском. Значит, так было надо. Напрашивается вывод, что там «поддавки» не намечались, и Израиль был серьезно готов действовать против объединенной сирийско-иракской группировки, нацеленной воевать всерьез. Кстати, усиленной еще и контингентом целого ряда других арабских государств. Следовательно, сирийский лидер Хафез Асад просто на волне антиизраильского панарабского патриотизма «повелся» на провокационную инициативу Анвара Садата, в отличие от которого действовал вслепую и честно.

Все отмеченные и неотмеченные «странности» октябрьской войны являются лишь косвенными, хотя и несомненными признаками тщательно отрежиссированной акции. Еще более красноречивы результаты, прямо подводящие к выводу о классически разыгранном геополитическом трагиспектакле. Как уже отмечалось, кровопролитном. Явно просматривается существование некоего сговора и секретного плана, известного, по-видимому, очень узкому кругу лиц в высших сионистских кругах, израильском руководстве, и частично — А. Садату. Сценаристами заведомо приносилась в жертву определенная часть еврейского и арабских народов. Безвозвратные потери Израиля при этом составили около 2,5 тысячи солдат и офицеров, в то время как Египта — свыше 15 тысяч, Сирии — 3,5 тысячи человек.

О вероятном сговоре свидетельствует и отсутствие в той довольно скоротечной войне победителей и побежденных, так как «выиграли» все главные участники, за исключением одураченных Сирии, Ирака и некоторых других вовлеченных арабских стран. Конечно же, на потеху закулисе значительные расходы понес и СССР, но Россия в качестве его правопреемника всем все простила.

Итак, в результате выиграли:

1. Европейские страны, в банковском секторе и экономике которых господствует еврейский капитал. По возвращенному Египту Суэцкому каналу нефть из Персидского залива и Ближнего Востока потекла в Европу кратчайшим, а не дорогостоящим обходным путем вокруг Африки, как это осуществлялось до того с 1967 года.

2. Египет. В результате достигнутых «международным сообществом» договоренностей, вернув в собственность Канал и возобновив по нему судоходство, страна вновь обрела существенный источник формирования госбюджета со всеми вытекающими последствиями. Именно поэтому в Египте с той поры ежегодно 6 октября официально празднуется «День победы».

3. Израиль. Вынужденно «уступив» 14 километров бесплодной Синайской пустыни (именно на столько было разрешено продвинуться войскам Садата), он тихой сапой получил буферную зону, своего рода «пояс безопасности» вдоль границы с Египтом (а заодно и с Сирией). Туда по решению все того же «международного сообщества» был размещен контингент войск ООН, расходы на содержание которого теперь легли на плечи всех других, ничего не подозревавших стран-миротворцев. Следовательно, «жертва арабской агрессии» Израиль с той поры значительно сэкономил на расходах по обеспечению своей

безопасности, великодушно переложив их теперь на всех членов Организации Объединенных Наций. Разумеется, включая и арабские страны, которым при всей их враждебности к нему пришлось участвовать в том «общаке». В том числе и СССР, а теперь и России. За что боролись! Так что израильская разведка благоразумно знала, что делала — каждый действовал согласно сценарию, потому о разборках у них там не могло быть и речи.

Судя по всему, кое-кто в Египте постепенно пришел к пониманию всей подоплеки произошедшего, особой роли и мотивации А. Садата. Впервые он был обвинен в предательстве после его визита в Израиль в ноябре 1977 года за нарушение Хартумской декларации 1967 года, провозглашавшей принципы «трех Нет»: «Нет» — миру с Израилем, «Нет» — признанию Израиля, «Нет» — переговорам с ним. После подписания 26 марта 1979 года в Кэмп-Дэвиде (США) «Египетско-израильского мирного договора» участь А.Садата была предрешена — 6 октября 1981 года он был убит группой исламских фундаменталистов во время парада по случаю празднования Дня победы в той самой «октябрьской» войне. Возможно, и день убийства был выбран не случайно.

Исполнители, или Конспирология на афганскую тему

Напомню, что под конспирологией подразумевается рассмотрение исторических событий сквозь призму тайной борьбы неких скрытых сил (масонских структур, спецслужб и др.) ради достижения поставленных целей. Описанные сценарии ирано-иракской и 4-й арабо-израильской войны — лишь некоторые наглядные примеры, как нередко решаются важные геополитические проблемы. Не явился исключением и Афганистан.

Хочу вернуться к изложению мыслей гильмендского пуштуна А. Камаля (он, кстати, учился в одном из ленинградских вузов) об «умело поданной интерпретации» видения афганской проблемы «извне и изнутри… чтобы быть доведенной до ушей Брежнева…».

Что касается «извне», то афганская ловушка или «тайная операция», разработанная сионистским мозговым центром, абсолютно вписывается в концепцию, обозначенную еще полтора столетия тому. В 1871 году на тот момент масон № 1 Альберт Пайк, «курировавший» Соединенные Штаты, в письме масону № 3 Мадзини, «опекавшему» Ватикан, писал, что «в будущем веке мы развяжем три мировых войны, две из которых состоятся в Европе, а третья — между православным христианством и мусульманским миром».

Подразумевалось, что в Первой мировой стороны должны схлестнуться таким образом, чтобы в результате развалились четыре империи — Российская, Германская, Австро-Венгерская и Оттоманская, оказавшись во власти ставленников сионизма. При этом неважно, как бы они назывались — революционерами, большевиками, коммунистами, эсерами, социал-демократами, национал-социалистами. Тот замысел был успешно реализован. Исключение составила лишь Германия…

Тайный смысл и механизм раскрутки Второй мировой войны также должен был заключаться в столкновении, и теперь уже взаимоистреблении российского и германского государств. В 1871 году про фашизм, гитлеров и прочих дуче-диктаторов тогда еще не было известно. На эту роль исполнители «извне» и «изнутри» нашлись бы по обе стороны, так же как и источники финансирования. Главное — сценарий, прочные позиции масонских структур во власти, их осмысленные, целенаправленные и разрушительные действия на достижение результата.

Что же касается третьей мировой, то ее должен был сдетонировать конфликт между православием и исламом. В этих целях последователями А. Пайка и замышлялось втягивание СССР в афганский капкан.

Понятное дело, что одной лишь разработки сценария явно недостаточно. Нужны осмысленные действия тех самых «изнутри». Таковые в СССР имелись, иначе сценарий смысла бы не имел.

Одним из ключевых моментов являлось развитие ситуации в ДРА таким образом, чтобы резко вздыбить основную массу населения на противодействие не только вторжению, но и смене режима традиционно господствовавшей пуштунской власти на власть национального меньшинства. Не следует забывать, что здесь мы имели дело с отсталой страной с чрезмерно развитыми средневековыми племенными предрассудками. В данном случае это и произошло, когда во главе государства оказался «таджик» Бабрак Кармаль, а председателем правительства — хазареец Султан Али Кештманд.

«Мозговой центр», навязавший сценарий, основательно изучил историю и традиции той страны. В том числе, видимо, и труды русского ученого-военачальника Снесарева А.Е. В отличие от советских представителей, часть из которых действовала умышленно, а другая, несведущая, проявляя некомпетентность, щелкая каблуками, головотяпствуя.

Яркий пример тому — первые информационные сообщения о смене власти в Кабуле в конце декабря 1979 года, когда нового афганского лидера, находившегося к тому времени уже полтора года то ли в Чехословакии, то ли в Союзе, вначале назвали «Кармаль Бабрак». Лишь спустя несколько дней, спохватившись, исправили на Бабрак Кармаль…

Так оно и пошло дальше, наперекосяк.

Что же касается бравой некомпетентности и смутного представления о происходившем, то даже один из видных военачальников 40-й позже напишет: «Нам было все равно, кого поддерживать, хальк или парчам, лишь бы держалась кабульская власть». Как у батьки Махно — «бить красных, пока не побелеют, бить белых, пока не покраснеют!».

Другим ключевым моментом замысла Бжезинского являлось, очевидно, «ограничение контингента», о чем речь пойдет ниже. Изначально концепция заключалась в старательно навязываемой внешне благой и безобидной идее, что советские войска в незначительном количестве войдут и станут гарнизонами, лишь одним своим присутствием вроде бы способствуя стабилизации обстановки. Например, подобно Чехословакии.

По этому поводу Виктор Верстаков, высмеивая тогда сообщения советской печати, написал шуточную песню, где были слова:

…Ведь контингент наш очень мал,
навряд ли больше взвода,
границу перешел и стал,
любуется природой,
дает концерты в кишлаках,
а в паузах-антрактах
детишек носит на руках
и чинит местный трактор…

На деле стараниями нового лидера наши войска были вынуждены сразу же втягиваться в боевые действия, «обеспечив» то самое кровопролитие среди афганского населения, на что и делалась ставка в разжигании гражданской войны сопротивления.

Еще что касается «извне». За рубежом в СМИ была развернута массированная кампания, имевшая целью продемонстрировать наращивание военной мощи США, в том числе на Среднем Востоке. Постоянно муссировалась тема об их намерениях по созданию СЕНТКома, в орбиту которого предполагалось и включение Афганистана. Эта «деза» усиленно тиражировалась и доморощенными бжезинскими в прессе, радио и ТВ. Журналисты-бовины стращали общественность угрозой и от «непотопляемого авианосца США» — острова Диего-Гарсия в Индийском океане, и «першингов» в Европе и др. Массированная дезинформация шла по каналам разведорганов.

Свою лепту внес и Институт востоковедения АН СССР. Будучи летом 1989 года в гостях на даче у бывшего сотрудника этого института — Королева С.И., я, основываясь на собственных впечатлениях и опыте, рассказывал ему о нелогичности наших действий в Афганистане. Тогда Станислав Иванович мне прямо сказал: «Афганистан — это акция Израиля. У них были свои люди в Москве, в том числе и в нашем институте».

Позже, вспоминая его слова, мне пришлось встретить в переводе с иранского журнала «Дунье» ссылки на шифровку американского резидента в Тегеране. Он сообщал в Госдеп: «Израиль что-то замышляет в отношении СССР и Афганистана». Она оказалась среди прочих, захваченных в ноябре 1979 года и рассекреченных документов американского посольства в Иране.

С. Королев рассказывал, как у них в институте под руководством Примакова Е.М. проходили так называемые «ситанализы» (ситуационные анализы) по Афганистану. Для

участия в них привлекались представители 1-го управления (ПГУ) КГБ, ГРУ, международного отдела ЦК КПСС. От спецуправления ГлавПУ СА и ВМФ обычно участвовал направленец по ДРА полковник Олег Чернета. С его слов, коллегиально там звучали здравые мысли. Однако резюме затем, видимо, кем-то правилось и «уточнялось», а в результате оказывалось таковым, что «если не мы в Афганистане, то американцы, если не наши ракеты на Памире, то американские». По сведениям Валерия Коновалова, непосредственно это осуществлял сотрудник международного отдела ЦК КПСС Генрих Поляков, который, однажды разоткровенничавшись, поведал ему о том. С его слов, Евгений Максимович лишь подписывал готовый доклад. С этими оценками и выводами на полторы странички Примаков якобы лично знакомил Генсека. Доступ к телу, очевидно, обеспечивал ему лично Андропов, который к тому времени уже давно его «опекал». Другими словами, Брежнев исподволь «воспитывался» в духе необходимости афганского похода. Об этом же сообщает и генерал А. Ляховский в своей книге «Трагедия и доблесть Афгана».

В книге О. Платонова «Терновый венец России» утверждается, что Е. Примаков является масоном и агентом влияния. Как и Юрий Андропов, он же — Урия Либерман по кличке «Ювелир». (Р. Перин, «Гильотина для бесов», ч. 2, гл. 1. Птенцы гнезда Андропова.)

В «Молодой гвардии» в № 12 за 1989 год С. Королев напишет об этих «ситанализах» более подробно. Он рассказывал, как через день после публикации ему дважды звонил вышеупомянутый «редактор» этих документов Генрих Поляков с вопросом: «На что вы намекаете?»

Участие в них принимал и коллега Примакова — Ю. Ганковский, считавшийся авторитетом по ДРА. Когда с 1989 года пошли «разборки», этот хитрокрученый «авторитет», забыв про «ситанализы», срочно начнет умничать в прессе «об уроках, которые надо усвоить».

Еще пару слов о С. Королеве. Более эрудированной и неординарной личности встречать не приходилось. Артем Боровик, познакомившись с ним на моих проводах к новому месту службы в конце августа 1989 года, заинтересовался им настолько, что они вдвоем проговорили до 4 утра, пока я не вызвал такси и не проводил изрядно уставшего Артема.

Когда на 1-м Съезде нардепов СССР группа «афганцев» потребовала разобраться, как и откуда «выросли ноги» у Афгана, и была создана комиссия Верховного Совета СССР под руководством А. Дзасохова, то самое деятельное участие в ней

приняли Е. Примаков и Г. Арбатов. Ладно, Примаков Е.М. востоковед. (Кстати, Евгений Максимович эти события старается не афишировать.) А при чем тут директор Института США и Канады? Очевидно, как «свой человек в Москве» тоже забеспокоился, если верить О. Платонову.

Как-то зимой 1989 года мы с Николаем Пиковым, моим однокашником и сослуживцем по Афгану, все пытаясь докопаться до истины, по наивности забрели в «Известия» к А.Е. Бовину, будущему послу России в Израиле (!). «Терновый венец России» мы тогда еще не читали.

Н. Пиков — удивительный человек. Ради любой информации по Афганистану он готов был перерыть всю Москву.

В разговоре вдруг всплыла тема о готовящемся Е. Примаковым и Г. Арбатовым докладе для Верховного Совета. Бовин тут же снял трубку и позвонил Примакову: «Женя, ты, говорят, доклад по Афганистану готовишь?.. А я почему ничего не знаю?.. Завтра?.. Ну, давай!»

Доклад готовился скользкий. Н. Пиков по приглашению Дзасохова присутствовал при обсуждении его вариантов и кое-что с собою прихватил. Докладывал Г. Арбатов, начиная с искажения действительности вроде «с вводом советских войск началась война в Афганистане». Николай помчался в международный отдел ЦК КПСС, который, кстати, в работу комиссии посвящен не был. Кое-что подправили, однако народные депутаты ответа на свой вопрос так и не получили. Вместо этого появилась отписка: мол, это была ошибка; личную ответственность несут Брежнев, Андропов, Громыко, Устинов, Суслов; советские солдаты, офицеры и генералы честно и мужественно выполняли свой интернациональный долг, были верны присяге и т. д.

Мы здесь, в России, еще толком не разобрались со всеми этими загадками, едва начинающимися проясняться, а вот «мюнхенский» пуштун Камаль уже давно утверждает о существовании тех самых «изнутри», вдохновивших Брежнева на Афганский поход.

Откровения М. Камаля являются настолько важными и интересными для понимания подоплеки заведомой обреченности всей афганской эпопеи, что проигнорировать их просто невозможно.

«Не будем ни скрывать, ни забывать, — продолжает Камаль, — Амин был жестоким человеком, но он был патриотом Афганистана и пуштунским националистом… Мы же часто говорим себе, что, во-первых, мы пуштуны, во-вторых, мы афганцы, и только в-третьих, мы мусульмане. В нас сильна национальная идея, истребить которую не удалось никому за всю

нашу многовековую историю. Ни Александру Великому, ни Чингисхану, ни английским колонизаторам… (Кстати, об этом же еще в 20-х годах прошлого столетия писал начальник Академии ГШ РККА генерал-лейтенант А.Е. Снесарев. — *Прим. авт.*) Амин тоже был таким. Для него Афганистан и пуштунская идея были связаны неразрывно. Он стоял у истоков Саурской революции, имел огромное влияние в афганской армии… был более искренним другом Советского Союза, чем двуличный Бабрак Кармаль…

Амин не мог спокойно смотреть, как безвольный Тараки шаг за шагом сдает позиции таджикам-парчамистам. К чему это приводило? «Парчам» — это фракция мелких таджикских и хазарейских лавочников в НДПА, а также некоторых представителей таджикской аристократии… «Хальк»… пользовался влиянием у военных и у части крестьян-пуштунов. Свой вес у фракции «хальк» был и в зоне пуштунских племен. Пуштунские земли искусственно рассечены линией Дюранда после раздела Индии англичанами и образования Пакистана. Часть Пуштунистана оказалась на пакистанской территории, но племена никогда не признавали такого передела своей земли. Конечно, они не признавали и власть Кабула, но уживались с нею, если это была та же пуштунская власть и она не мешала жить племенам.

Так было при короле Захир-Шахе и при принце Дауде. Амин тоже старался не нарушать этой традиции. Известно, что Амин «перегнул палку» с мусульманским духовенством, но все-таки пуштунам было легче понять друг друга… А что сделали вы… устранили Амина, так как он не угодил Брежневу… Но почему на его место… поставили не пуштуна, а таджика Бабрака Кармаля?.. (Здесь Камаль несколько заблуждается, но о том ниже. — *Прим. авт.*) Худшего оскорбления пуштунов нельзя было и придумать…»

Камаль был в достаточной степени информирован и, надо полагать, владел обстановкой. Его тесть являлся одним из высокопоставленных руководителей органов госбезопасности Афганистана еще со времен короля Захир-Шаха, в том числе при Дауде, Тараки и Амине. Разумеется, был халькистом, потому и был уволен с приходом к власти парчамистов. Вне зависимости от объективности или субъективности восприятия оценок Камаля, его устами глаголет истина, которую многие из нас познавали в те годы на практике. Многочисленные авторы (некоторые осознанно) десятилетиями внушали общественности, что, мол, обе фракции НДПА отличались лишь незначительными теоретическими разногласиями, что практически они — «одно и

то же», и др.

О национальном факторе, лежащем в основе их борьбы, — практически ничего, это равнозначно либо лжи, либо табу. Даже в наши дни при освещении событий, связанных с движением талибов, многое замалчивается. Камаль же несет свою правду из недр пуштунского сознания. Для него это аксиома. «Для пуштуна, который связал свою жизнь с НДПА, было абсолютно нормально состоять в «хальк», — подчеркивает он. — Ненормально, когда пуштун состоял в таджикско-хазарейском «парчам», как это имело место с Наджибом».

Еще раз от автора: в этом же и истоки возникновения и развития движения «Талибан» в ответ на «президентство» таджика Раббани, причина уничтожения сильного лидера таджикского нацменьшинства Ахмед Шаха Масуда и др.

Из Википедии: «…Предки Б. Кармаля… ассимилировались с таджикским сообществом Кабула… Отец — Мухаммед Хуссейн Хошэми (до революции генерал-полковник) скрывал свое непуштунское происхождение и говорил только на пушту… Мать Кармаля была персоязычная». Несколько странное утверждение, поскольку известно, что она вроде бы была из пуштунского племени сулейманхейль. Возможно, она просто владела этим языком (как и многие «двуязычные» афганцы), постоянно общаясь на нем с мужем — отцом Кармаля и окружением?

Здесь придется остановиться подробнее. В одном из присланных мне писем сообщили, что, по имеющейся версии, народность сулейманхейль — потомки принявших ислам и «опуштуненных» евреев, в древности якобы насильственно переселенных в эти края Александром Македонским. Возможно, это ошибка. Однако более достоверная информация отсутствует. Если это так, то интересно, какая мотивация была у прославленного полководца? Или просто врожденные маркитанты двигались вослед его войскам, занимаясь снабжением и в расчете на поживу от грабежа покоренных?

Не так давно к рассматриваемой теме подключился Сулейман Лайек, советник президента Афганистана по этноплеменным вопросам. Несмотря на то что его имя на слуху у многих, прошедших Афган, напомню, что он — личность авторитетная не только в своей стране, но и далеко за ее пределами — ученый, поэт, политик. И до 1979 года, и в период советского пребывания последовательно занимал ряд министерских постов, являлся президентом Академии наук ДРА, членом политбюро ЦК НДПА, возглавлял государственное радио и телевидение, востребован и сейчас. По воспоминаниям известного специалиста по Афганистану М.Ф. Слинкина, «С. Лайек отличается прямотой

суждения, независимыми взглядами, неоднократно выражал несогласие с некоторыми аспектами политики высшего руководства страны, а значит, и установками, исходящими из Кремля». По его словам, это вызывало значительное неудовольствие советского посольства и представительства КГБ. (Справка дана из Википедии.)

По правде говоря, лишь догадываюсь, каким образом попали к Лайеку мои размышления, однако поступила информация, что «он разделяет расставляемые акценты в вопросе привода Кармаля к власти в Афганистане кремлевской закулисой в лице Андропова» и что я могу «прямо ссылаться на него в своем материале». А сообщил он следующее: «Его (Кармаля) дед был персоязычный кашмирец, когда-то привезенный англичанами в Индию. Известно, что из Персии в Индию, в частности в Кашмир, англичане привозили довольно много местных иранских евреев, более-менее грамотных. Там он являлся фуражиром, то есть поставлял корм для британских кавалерийских частей, на чем и разбогател, впоследствии перебравшись с семьей в Афганистан». Вот почему Википедия скромно сообщает, что «предки Б. Кармаля ассимилировались с таджикским сообществом Кабула». Напомню, что Сулейман Лайек — ученый-этнограф, а потому его информация надежна. Он считает, что «Кармалю присущи семитские, а не пуштунские или таджикские черты лица».

Некоторые зарубежные специалисты обратили особое внимание на душманские карикатуры на Кармаля, в изобилии распространявшиеся в ДРА. Цитирую: «Его единственного из руководства НДПА всегда изображали с еврейским шнобелем. От афганцев эта характерная странность в лице не укрылась». Так же как и в лице Андропова, хотя он в качестве руководителя СССР на фоне всей продолжительности войны засветился практически меньше остальных.

Образцы душманских листовок — для наглядности.

Именно некоторые семитские черты внешности Кармаля (не только нос) выдавали его истинное происхождение. Потому и неудивительно, что созданная им в противовес пуштунскому «хальку» фракция «парчам» явилась своего рода афганским прототипом еврейского БУНДа, соперничающего с РСДРП в дореволюционной России. Как известно, в конечном счете большевики-бундовцы (это даже У. Черчилль признавал!) пришли к власти, пролив реки русской крови. Приход к власти их последователя в Афганистане обернулся таким кровопролитием для народа (и нашего контингента), по сравнению с которым репрессии дуэта Тараки — Амин стократно или более уступают

по масштабу, хотя и их никто не оправдывает.

Опять странное попадание. Пишу и сам удивляюсь. Антисемитом никогда не был, у меня даже официальное удостоверение есть, что являюсь интернационалистом. А с учетом спецкомандировки на Ближний Восток в октябре 1973 года — дважды. Правда, по роду деятельности тогда действительно пришлось участвовать «фифти-фифти» то ли в антиизраильской, то ли произраильской, хотя и потешной «войне». Но, во-первых, задумывалась-то она где? Во-вторых, нам тогда о том ничего не было известно, и мы выполняли приказ, за что благодарная страна расщедрилась даже на ордена. Потому заранее прошу не обвинять меня в разжигании того, что клавиатура сама, подлая, выстукивает.

* * *

Скажу честно — приступая к работе о событиях там, «за речкой», прежде всего хотелось разобраться, как же все изначально происходило на самом деле. Шила ведь в мешке не утаишь, и просачивавшаяся из различных источников информация стала превращаться в качественное опровержение существующей официальной версии. Какой? Той, что изложена в совсекретной «Выписке из протокола № 172 заседания Политбюро ЦК КПСС от 31 октября 1979 года». О ней еще речь пойдет, но многие авторы, не особо задумываясь и взяв ее за основу, старательно переписывали друг у друга правдоподобное «что попало», тем самым вновь и вновь трамбуя заведомо искаженное представление о происходившем. Кое-кто из них о самом Афганистане имел, видимо, весьма смутные познания.

По прошествии времени, вследствие состоявшихся исторических изменений и появившейся массы свидетельств очевидцев, в определенном смысле стало намного легче разбираться, невзирая на лукавые и изощренные попытки «своих лиц в Москве» (например, «документальные» фильмы Киселева, Боровика-отца, Лещинского, Кожевникова и др.) увести общественность как можно дальше от истины, скрыть, умолчать. Ведь последние годы даже в февральскую годовщину вывода войск подконтрольные им средства массовой информации практически «забывают» и упоминать о том. Мол, сколько можно — все уже давно рассказано, и хватит, забудьте! Значит, не случайно — так надо.

Смутные сомнения давно одолевали. Постепенно фактура безо всякой предвзятости, как-то сама по себе стала

выстраиваться в логическую цепь, и вот — на тебе, приехали! — во-первых, какой-то сионистский «мозговой Центр» с проектом «NX» во главе с Бжезинским, во-вторых — сменивший фамилию Урия Либерман (по матушке Флекенштейн), он же Юрий Андропов, в-третьих — внук иранского еврея Бабрак Кармаль (кстати, тоже сменивший имя Султан Хусейн на, похоже, истинно афганское). И все вдруг оказались сородичами и взаимосвязанными общими интересами по времени и месту! Случайное ли совпадение или тайна за семью печатями? Опять сплошная конспирология!

Продолжу мысли гильмендского пуштуна Камаля:

«…Именно так мы, пуштуны, и восприняли Кармаля… Самозванцы не из пуштунов в нашей афганской истории уже были. Вы, нынешние шурави (советские), плохо учили нашу историю… Надир, будущий правитель Афганистана и отец короля Закир-Шаха, даже помог Советской России в борьбе с басмачеством. Он боролся не против мусульман-единоверцев, а против таджикских и узбекских бандитов, проникавших на афганскую территорию, получавших деньги от ненавистных ему, пуштуну, англичан и тем самым угрожавших безопасности Афганистана. Так что не только присутствие советских войск… хотя и оно тоже негативно сказалось на завязке событий в Афганистане, а неумение и нежелание понять нашу национальную особенность привели к тому, что шурави в глазах пуштунов, даже из тех, кто поддерживал Сауру и состоял членом «хальк», из друзей стали превращаться во врагов.

Пропагандистскому аппарату моджахедов в Пешаваре вами же самими был дан в руки очень веский козырь: шурави не только враги ислама; они хотят отобрать Афганистан у пуштунов и отдать его таджикам, узбекам, хазарейцам и прочим нацменам…

…Что же касается самой 40-й армии, то армия, которая годами топчется на месте, не выполняя боевую задачу ввиду либо ее отсутствия, либо отсутствия четкой формулировки самой поставленной перед армией задачи, плюс к тому ввиду плохого тылового обеспечения, неминуемо деморализуется…

Если бы в одном из кишлаков, например, убили бы моего брата… я бы взял в руки автомат и ушел бы к моджахедам… Так, к сожалению, часто случалось, так и поступали многие, у кого в результате необдуманных боевых действий гибли близкие. Тем более что пуштуны видели, что армейское командование только и делает, что заключает бесконечные перемирия с таджиком Масудом, которые он тут же и нарушает. Как можно было уважать согласно нашему кодексу чести «пуштун-вали» такое весьма странное поведение ваших высоких армейских командиров?

Кстати, о моджахедах… Неоднородность и внутренние противоречия в Пешаварском альянсе были столь очевидны, что только слепой не мог их не увидеть и только дурак не мог не обратить их себе на пользу. Однако и тут все пошло по знакомой схеме: непримиримые и умеренные. К последним отнесли таджика Раббани… Моджадедди, Гелани… Но пуштунский национализм и интересы пуштунов как нации не в меньшей, а в большей степени представляли те же «непримиримые» моджахеды-пуштуны Хекматияр, Халес, Сайяф. Начатый парчамистом Наджибом процесс «национального примирения» также был в первую очередь обращен к «умеренным», что могло быть воспринято пуштунами как еще один реверанс по отношению к таджикам и прочим нацменьшинствам. А ведь тот же Хекматияр достаточно откровенно шел на диалог с Кабулом и советскими и даже освободил не меньше советских солдат, чем таджик Ахмад Шах Масуд. Начни с ним диалог советские представители с позиции уважения пуштунов как нации и прояви они должную лояльность к исламу… вопрос национального примирения мог бы быть быстрым и весомым для обеих сторон, а не декоративным мероприятием в стиле Наджибуллы — Горбачева».

В отношении казненного талибами Наджиба:

«Да, он пуштун, но всегда был членом фракции «парчам». В конце концов, даже родной брат Наджибуллы сбежал к моджахедам в Пешавар.

Он, Наджиб, увольнял халькистов из ХАДа только потому, что того хотели таджики — парчамисты во главе с Кармалем, а в результате полностью развалил госбезопасность… Будущее пока что вижу за талибами. «Талибан» — это не только религиозное, это и пуштунское движение. Его успехи и неудачи — закономерный процесс возвращения Афганистана к национальным и духовным истокам, без которых не может быть и территориальной целостности государства… Иншалла!» (Аллах с нами!)

Расставленные М. Камалем с В. Коноваловым точки — самый емкий и хлесткий вердикт на фоне всего обилия материалов, когда-либо опубликованных по Афганистану. Не соглашусь, пожалуй, лишь с упреками в адрес 40-й, поскольку она выполняла волю политиков, которыми и была предопределена ей роль слона в посудной лавке.

Без сомнений, личный состав армии проявлял мужество и героизм. Поэтому огульно критиковать армию — это перебор.

Но главное, пожалуй, в том, что низкий КПД 40-й ОА изначально был заложен в термине «ограниченный контингент».

Видимая сторона «медали» — пропагандистская. Для успокоения общественности. А вот вторая вольно или невольно может скрывать совсем другое. Численность этого самого контингента после вывода из его состава за ненадобностью шести зенитных полков и некоторых танковых частей колебалась в пределах 105–110 тысяч человек. При этом значительная часть была задействована для охраны и обороны собственных городков. По данным командарма Б. Громова, только для тылового обеспечения, то есть для подвоза боеприпасов, продовольствия, ГСМ, ремонта техники, было задействовано до 70 % личного состава.

Много сил отнимала охрана Саланга, различных магистралей, гидроэлектростанции, аэродромов, других важных объектов. Например, Баграмскую авиабазу охраняло до 4 батальонов, примерно столько же — остальные аэродромы в Кабуле, Кандагаре, Шинданде.

Часть подразделений была недоукомплектована в результате боевых потерь как убитыми, так и ранеными, находившимися в госпиталях. Плюс отпускники. Многие переболели инфекционными заболеваниями, продолжая числиться в списках личного состава.

Опять сошлюсь на авторитетное свидетельство Б. Громова, тоже отлежавшего с гепатитом полтора месяца в госпитале: «В конце 1981 года эпидемия гепатита… захлестнула наши части — только в 5-й мотострелковой дивизии одновременно болело около 3 тысяч человек, то есть каждый четвертый солдат».

Генерал-полковник В. Меримский позже укажет на несколько десятков тысяч военнослужащих контингента, переболевших инфекционными заболеваниями и тем самым вырванных из состава боевых частей.

По мнению многих военачальников, КПД 40-й ОА не превышал 20 %. Другими словами, для непосредственного участия в операциях могло привлекаться не более пятой части от всей численности соединений и частей.

В результате нередко возникали проблемы при создании необходимых группировок, особенно при подготовке к более-менее важным операциям. Например, для боевых действий в Панджшере или операции «Магистраль» части и подразделения приходилось подтягивать издалека — из Газни, Джелалабада, Мазари, Кандагара. В такие периоды остававшаяся в гарнизонах часть армии фактически становилась полупарализованной, и мятежники в их зонах ответственности получали передышку и относительную свободу действий — «кошка с дому — мышки в пляс!».

Когда духи обнаруживали движение колонн, с разных направлений идущих в один и тот же район, им все было понятно. Они попросту растворялись, оставляя лишь мелкие заслоны, имитирующие их присутствие. Упорной обороной удерживались лишь базовые районы.

Все попытки армейского командования добиться увеличения группировки 40-й ОА оказывались безуспешными. Войска из западных групп войск снимать было нельзя — там «империализм наращивал свою агрессивность». На востоке «свирепствовал китайский гегемонизм», и ослаблять антикитайские округа тоже считалось опасным. Одновременно Москва разъясняла, что увеличивать численность вооруженных сил в условиях нарастающих экономических и финансовых проблем — непозволительная роскошь. Когда же Афганистан сыграл свою роль, все эти группировки мигом оказались ликвидированы Горбачевым.

Когда во Вьетнаме американцы ставили перед собою решительные цели, они создали там группировку численностью свыше 560 тыс. человек.

В боевых действиях на иракском фронте группировка США и в целом НАТО достигала 800 тыс. человек.

Если бы в Афганистане советских войск было хотя бы в два-три раза больше, еще неизвестно, какой мог быть результат и не оказались бы мы на побережье очередного океана.

Поэтому и сам термин, и реальный численный состав 40-й ОА вызывают вопросы — кем и для чего был предусмотрительно «ограничен» наш контингент?

Фактически такое положение дел и обеспечило достижение целей, заранее определенных «зарубежьем» — втянуть СССР в как можно долее затяжную войну, еще более ослабить экономику и ускорить развал СССР, подорвать авторитет нашей страны; пролить как можно больше «исламской» крови (а ограниченной численности ОКСВ для этого было вполне достаточно); спровоцировать враждебность мусульманских стран по отношению к Советскому Союзу, максимально отвлечь их внимание от противостояния с Израилем. В конечном счете создать линию фронта между христианством и исламом вдоль той самой «дуги нестабильности» З. Бжезинского, теперь уже реально проходящую от Афганистана и Таджикистана через Нагорный Карабах, Северный Кавказ, Крым вплоть до Косово и Сербии, развернуть стратегию Советского Союза (а теперь и России) от противостояния «Запад — Восток» на «Север — Юг». Одним словом, шла активная реализация проектов З. Бжезинского.

В качестве примера остановлюсь на «раскачке» ситуации на Кавказе и Черноморском побережье в преддверии Чеченской войны. В этих целях активно шла раскрутка вопроса о предоставлении независимости шапсугам (южным адыгам), проживающим на территории от Адлера до Туапсе включительно. Задумывалась попытка возвращения на родину из Турции потомков нескольких десятков, а может, и сотен тысяч убыхов, эмигрировавших туда в период Кавказской войны. Был снесен памятник Лазареву М.П., руководившему подавлением их восстания. Было осуществлено насильственное переселение из Узбекистана в пределы Краснодарского края турок-месхетинцев. Добравшись до Адлера, они намеревались совершить «марш мира» и явочным порядком якобы вернуться в Месхетию, что было на грани вооруженного кровопролития на тогдашней российско-грузинской границе и могло спровоцировать конфликт с Грузией. Начало этим событиям положила провокация 8 апреля 1989 года в Тбилиси…

Кстати, отработанная на Афганистане методика применения «ограниченного контингента» была впоследствии применена в ходе грузино-абхазской войны 1992 года. Для начала той войны понадобилось введение на территорию Абхазии незначительной группировки грузинских войск, явно недостаточных для «наведения порядка», но достаточных, чтобы спровоцировать восстание сепаратистов и «решить» вопрос о ее отделении.

Первоизбранный президент Грузии З. Гамсахурдия был дружен с Джохаром Дудаевым и, не исключено, знал о существовании в 1990–1991 гг. замысла по созданию «Великой Черкесии», в состав которой включалась бы и Абхазия. Дело оставалось только за выходом ее из состава Грузии, что и произойдет менее чем через два года, но уже в рамках другого сценария. (Тем не менее о «великочеркесских» амбициях некоторых абхазских националистов россиянам не следует забывать и при сегодняшнем статус-кво.)

Образование такого «государства» предполагало отторжение всего Северного Кавказа и Черноморского побережья от России одновременно с развалом СССР.

Поскольку Гамсахурдия вследствие его дружеских отношений с Чечней вряд ли решился бы на ввод грузинского «ограниченного контингента» в Абхазию, его пришлось срочно свергать и заменять на Э. Шеварднадзе. Последний, известный в Грузии по прозвищу «Подлая белая лиса», исполнил предательскую миссию по отношению к своему народу.

В 1989–1990 гг. в ряде регионов вслед за выводом войск из Афганистана почти одновременно прокатилась серия вроде бы не

связанных между собой событий. В Узбекистане, особенно в Фергане, вдруг ни с того ни с сего возникли межнациональные конфликты между «местными» узбеками и татарами-переселенцами из Крыма, а затем и с турками-месхетинцами. В Сумгаите и Баку вспыхнула резня между армянами и азербайджанцами. Жили люди десятилетиями (а где-то и столетиями!) в мире и согласии — и вдруг такие взрывы ненависти. Вскоре все затихло.

Однако наивно было бы предполагать стихийность вспышек и развитие происходивших конфликтов якобы на бытовом уровне либо вследствие внезапно обострившейся активности каких-то радикалов-националистов. На самом деле очевидно, что по времени, целям, результатам во всех этих «горячих» точках действовали организованные, заранее подготовленные и оплаченные группы наемников, то есть исполнителей.

В Узбекистане они вначале поочередно обходили дома и квартиры переселенцев с настойчивыми уговорами «подумать» о возвращении на родину предков. Упорствующим угрожали, затем стали загораться их дома, квартиры, дачи, автомашины. Были случаи, когда людей обливали бензином и поджигали, вынуждая к переезду в Крым. СМИ с усердием освещали развитие конфликтов, в немалой степени содействуя тому. Следовательно, были и заказчики, а значит, существовал и сценарий.

Цели были частично достигнуты — турки-месхетинцы организованно двинулись в Краснодарский край, между армянами-христианами и мусульманами-азербайджанцами разразилась война в Нагорном Карабахе, татары стали возвращаться в Крым. И хотя на полуострове «процесс» тоже пошел, однако темпы были явно недостаточными — не хватало критической массы (и пока не хватает!) магометан для «демократизации» его по чеченскому варианту — численность славянского населения к тому моменту достигала там свыше 95 %. Требовалось ускорение.

За две недели до августовского путча произошло малозаметное событие, вряд ли бросившееся в глаза основной массе советских граждан. В начале августа-91 бывший в то время «павловский» кабинет министров успел издать постановление о предоставлении льгот крымским татарам в организации их возвращения на родину предков. В частности, предусматривалась оплата государством переезда членов семей и перевоза багажа, выделение земельных участков, выдача денежных ссуд, предоставление строительных материалов по госрасценкам (в то время острый дефицит). Это подействовало. Приток переселенцев заметно возрос. По крайней мере, до того, как Ельцин, Кравчук и

Шушкевич «сообразили на троих» в декабре 1991 года. Таких льгот не получили ни армяне, бегущие из Азербайджана, ни азербайджанцы из Армении, ни русские, изгоняемые из Прибалтики. Просто надобности в том не было. А в Крыму была. Полуостров до сих пор остается «отстающим звеном», и если каша там заварится по-настоящему, то расхлебывать ее теперь уже Украине. Может, поэтому Хрущев передал ей Крым? А куда смотрели окружавшие его «мудрецы»? Видимо, их позиции после сталинских усилий еще были слишком слабы, иначе наряду с кавказской досталась бы эта проблема опять же России. Маху дали.

Говорят, Архимед утверждал: «Дайте мне точку опоры, и я переверну земной шар!» Именно Афганистан явился подобной «точкой опоры», развернувшей стратегию СССР, а теперь и России на Юг. Вот и задумайся теперь, ради каких целей создается противоракетный «зонтик» в Западной Европе. Возможно, лидеры США и Запада в чем-то почти искренни, пытаясь убедить Россию в «ненаправленности» новой системы ПРО против нас.

Ведь защитила же когда-то Русь Европу от полчищ Чингисхана. Начнись серьезный конфликт между православием и исламом с применением средств массового поражения — эта система ПРО может Европе пригодиться.

* * *

По прошествии времени тайное все более становится явным, в том числе и существование и деятельность масоно-сионистских структур и агентов влияния в СССР и России. В книге генерала КГБ Ю. Дроздова «Записки начальника нелегальной разведки» в главе «Агенты влияния и последствия развала СССР» сообщается об очень интересном факте: «Как-то в один из приездов в Москву бывшие американские разведчики в пылу откровений за ужином в подвальном ресторанчике на Остоженке бросили неосторожную фразу: «…Пройдет время, и вы ахнете, если это будет рассекречено, какую агентуру ЦРУ и Госдепартамент имели у вас наверху». Наверное, он забыл упомянуть при этом и МОССАД.

Ну, от фамилий калугиных, яковлевых, арбатовых, бовиных, примаковых мы вряд ли ахнем. А вот далее деликатно говорится: «Может быть, именно в этой фразе кроется разгадка, почему Горбачев М.С., обладая максимумом достоверной информации… поддался чужому влиянию…» Но у Горбачева был предшественник — Ю. Андропов. А генерал Ю. Дроздов ведет речь об агентуре, то есть не о единственном агенте.

Более прямолинейный бывший начальник КГБ Крючков В.Н. высказался еще конкретнее: «Приведите мне хотя бы один пример в истории, когда во главе государства стоял бы предатель, который развалил бы его своими руками… Во главе государства оказался ренегат и предатель».

Это о Горбачеве, которого старательно взращивал все тот же Андропов. Он, лежащий в ЦКБ, хотел даже собрать заседание Политбюро прямо в своей больничной палате и избрать Горбачева Генсеком тут же. Врачи отговорили. Мол, вы скоро выздоровеете, а сейчас не стоит перегружать себя. Он же «приютил» и дал ход в большую политику Е. Примакову.

В действиях и судьбе Андропова много схожего с У. Черчиллем. У того тоже было раздвоение личности. С одной стороны, Черчилль вроде бы верой и правдой служил Великой Британской империи и свято чтил ее интересы. О том свидетельствует увековеченная память в виде величественной статуи у входа в Палату общин британского парламента. За всю многовековую историю этого государства подобной чести удостоены лишь два премьера — он и Ллойд Джордж. С другой стороны, будучи откровенным сионистом, он являлся одним из главных действующих лиц по созданию Государства Израиль. (См. книгу П. Джонсона «Черчилль».) Об этом он мечтал еще со времен 1-й Мировой, в конечном счете принеся в жертву определенные геополитические интересы Великобритании как в арабском мире, так и в соперничестве с Советским Союзом. В частности, в 1942 году У. Черчилль согласился с сионистским проектом по открытию второго фронта в обмен на обещание И. Сталина всемерно содействовать созданию независимого еврейского государства на территории Палестины. Факт малоизвестный и тщательно скрываемый. По инициативе тогдашнего президента США Т. Рузвельта и в обстановке величайшей секретности в Америку весной 1942 года приглашался И. Сталин, но вождь под предлогом серьезной обстановки на фронтах вместо себя делегировал В. Молотова. Вначале, когда В. Молотов в мае 1942-го прибыл в Лондон на переговоры по данному вопросу, у Черчилля возобладали чувства великобританского патриотизма. Молотов продолжил вояж в Вашингтон, где посетовал на несговорчивую позицию Лондона. К его величайшему изумлению, ему тут же было сообщено, что британскому премьеру уже «пришлось» срочно пересмотреть точку зрения, а Молотову предстоит на обратном пути вновь посетить вдруг образумившегося Черчилля и обо всем договориться теперь уже в лучшем виде. Отсюда понятно, что стратегия сионизма вырабатывалась в Штатах, и Черчиллю оставалось лишь

повиноваться. В дальнейшем все так и произошло, но в своих мемуарах высокочтимый в Англии бывший премьер об истинной цели визита Молотова и подробностях сговора по созданию Государства Израиль благоразумно умалчивает. Понятно, почему.

Это одна из наиболее охраняемых тайн 2-й Мировой. Замышляя бойню (а ее возможность была предопределена, как уже говорилось, еще А. Пайком в 1871 году), лидеры сионизма преследовали цель взаимоистребить СССР и Германию, использовав фашизм и Гитлера. Именно они спонсировали и сподобили его на Восточный поход. Это — главная тайна, о которой фюрер попытался сообщить в своем предсмертном «политическом завещании». И чем больше публикаций о холокосте и жертвах евреев в той войне, тем дальше и глубже должна быть сокрыта от толпы сокровенная тайна — дескать, не могли же они ее спровоцировать, раз уж в результате сами потеряли едва ли не больше, чем СССР и Германия, вместе взятые! Гитлер же по предварительной договоренности с ними должен был отвоевать у Англии ее колонию Палестину в качестве территории для создания Израиля. По их же заданию евреи во всех оккупированных гитлеровцами странах собирались эсэсовцами вначале в гетто, чтобы вслед за изгнанием англичан из Палестины быть «добровольно» отправленными в качестве освобожденных узников на Землю обетованную. Что впоследствии и было осуществлено. В том числе и после передачи советскими войсками освобожденных из концлагерей в американскую зону оккупации. Это также являлось одним из пунктов тайных договоренностей со Сталиным весной 1942 года. Ведь для образования государства помимо территории необходимо было и соответствующее количество населения. А где же было его взять, как не из Европы? Своих-то, местных, там было мало — всего лишь несколько десятков тысяч. Это — тоже тайна, хранимая за семью печатями от сородичей. Чего доброго, могут обидеться и даже возненавидеть!

В соответствии с договоренностями Гитлера со «спонсорами» в этих же целях немецкий корпус Э. Роммеля уже в начале 1941 года оказался в Северной Африке (а иначе что ему там было делать?) и настойчиво рвался к востоку через Египет. На том этапе Гитлер свое слово держал. Однако после разгрома фашистов под Москвой вслед за изменениями обстановки на советско-германском фронте последовали изменения и в геополитических раскладах лидеров сионизма. Определенно зарвавшийся в антисемитизме фюрер уже вызывал опасения в плане возможного отказа от более ранних договоренностей в отношении Палестины. Возможно, сработала гитлеровская

разведка, узнав о результатах переговоров Молотова с Рузвельтом и У. Черчиллем, что и положило начало трагическому уничтожению евреев в концлагерях с весны 1942 года. Не исключено, что и сионисты разнюхали что-либо о намерениях возненавидевшего иудеев фюрера «кинуть» их с Палестиной по мере достижения Роммелем цели. Иначе как объяснить, что только после этого, лишь в середине 1942-го, то есть спустя полтора года после его высадки (и вскоре после договоренности со Сталиным), англо-американцы срочно начали создавать там такую группировку своих войск, которая в конечном счете смогла остановить, а затем и разгромить корпус Э. Роммеля. Сценарий кардинально менялся, и теперь уже должен быть осуществлен «добровольным» отказом Великобритании от мандата на управление Палестиной в ходе послевоенного переустройства мира.

Следовательно, ради создания Израиля Черчилль со товарищи пожертвовал английской колонией — Палестиной. Сталин сдержал свое слово, когда на 2-й сессии Генассамблеи ООН 29.11.47 г. СССР вкупе с «подконтрольными» голосами Украинской и Белорусской ССР, Польши и Чехословакии обеспечил большинство при голосовании по данному вопросу, вызвав большое удивление в мире.

Однозначно, что появление Государства Израиль — один из главных, заранее запланированных результатов Второй мировой войны. У. Черчилль — в числе его крестных отцов. Он написал великолепные мемуары с подробнейшим изложением даже самых малоизвестных событий той войны. Очень интересны его описания проблем послевоенного переустройства мира, обсуждавшихся на Тегеранской и Ялтинской конференциях. Но нигде он даже не заикнулся о потаенных замыслах по созданию Израиля, как будто их вообще не существовало. Но они-то имелись и цель была достигнута! (См. Churchill W.S. The Second World War.)

Не исключено, что у Андропова «раздвоение» происходило на той же почве — с одной стороны, вроде бы интересы советского государства, с другой — главенствующая роль в реализации сионистского проекта «Шторм-333», выдвижение Горбачева, в конечном счете приведшие к финалу «Беловежская Пуща-666».

З. Бжезинский утверждает, что именно он, а не кто-то иной является автором «афганского» и развального «перестроечного» проектов. По поводу Афганистана спору нет. А вот что касается сценария развала СССР, то З.Б. скорее явился лишь одним из главных действующих лиц по его реализации. Сам сценарий был разработан еще в начале 50-х. В 1954 году, за 31 год до начала

«перестройки», в Штатах была попытка его детальной публикации в одной из русскоязычных газет. В экстренном порядке она была пресечена, однако в 1983 году, теперь уже за два года до горбачевских «инициатив», ее сценарий благодаря «Штази» (служба безопасности) был все же опубликован в ГДР.

Как известно, первые «перестроечные» наметки исходили именно от Андропова. Он же примерно в течение 10 лет внимательно присматривался и «взращивал» Горбачева. По странному стечению обстоятельств за этот период по различным причинам с политической арены то ли сошли, то ли были устранены такие сравнительно молодые государственники, как Машеров, Кулаков, Романов, Щербицкий. О некоторых из них Брежнев открыто говорил как о своих возможных преемниках, отчего Андропов, если верить воспоминаниям кремлевского лейб-медика Чазова, заметно волновался и постоянно и настойчиво интересовался состоянием здоровья Ильича. Другими словами, опасных конкурентов на пути Андропова, а затем и Горбачева более не оказалось.

Почему же при авторстве Бжезинского и других зарубежных «заказчиков» в реализации обоих этих проектов случайно или нет, но ключевую роль сыграл «исполнитель» Андропов?

Вернусь в 1979 год. Для действовавших «изнутри» очень важна была соответствующая информация из Афганистана. Причем такая, сообразно которой и производилась бы оценка обстановки в нужном ключе. В ключе, способствовавшем бы принятию необходимого решения. Того, что и было принято 12 декабря 1979 года.

Как теперь выясняется, конкретно предназначавшаяся «для ушей Брежнева», она поступала по каналам КГБ и МИДа. По свидетельству ряда очевидцев, посол А. Пузанов свои оценки согласовывал с представителями КГБ, фактически не проявляя самостоятельности и идя у них на поводу.

Особняком стоял характер информации из Кабула по линии военных советников, которая игнорировалась как не соответствовавшая замыслу. Этот аппарат возглавляли генерал-лейтенант Горелов Л.Н. и советник начальника главного политуправления армии ДРА генерал-майор Заплатин В.П.

Ситуация складывалась неоднозначная и требует подробного рассмотрения. Это важно, чтобы разобраться в событиях второй половины 1979 года, без чего невозможно понять истинный смысл происходившего. А оно во многом перевернуто с ног на голову, в том числе и в книге «Вирус «А».

Прежде всего, надо отметить, что по своему статусу персоной № 1 из числа советских представителей в Кабуле являлся посол

Пузанов А.М. Касалось это прежде всего вопросов межгосударственных отношений. Однако в условиях, когда основной «движущей» силой Саурской революции явилась армия, статус главного военного советника Горелова Л.Н в глазах Н. Тараки и Х. Амина должен был играть не менее важную роль, особенно в повседневной, рутинной работе. Это и имело место в начальный период его пребывания. Постепенно ситуация менялась, особенно со стороны Х. Амина, у которого со временем стало развиваться более настороженное отношение к послу, генералам от КГБ, главному военному советнику.

Человек всегда по многим признакам ощущает отношение окружающих к себе. Возможно, влияли некоторые «пропарчамистские» симпатии одних, склонность принять «на грудь» и беспринципность других, еще какие-то личностные факторы. В частности, в отношении Л. Горелова это проявлялось еще и потому, что он до Апрельской революции работал со свергнутым Даудом, и это помимо прочих его качеств инстинктивно вызывало у обоих лидеров какие-то антипатии.

Авторы «Вируса» тоже как бы вскользь намекают на чрезмерное увлечение спиртным некоторых «представительных» кагэбэшников. Но делают это с изрядной долей лукавства, от имени генерал-майора Заплатина В.П. Так, они сообщают, как он, неоднократно убеждая и министра обороны СССР Устинова Д.Ф., и кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС Пономарева Б.Н. в недостоверности информации по линии КГБ, говорил: «Пить им поменьше надо, тогда и информация будет объективной!» Мне Василий Петрович рассказывал про одного из «больших» чекистов: «На приеме в посольстве разливают официанты водку по рюмкам, а товарищ Б., посмотрев по сторонам — не видит ли кто? — под шумок быстренько заполняет свой фужер водкой вместо минералки, а затем, опустошив рюмку, не спеша вроде как «запивает» ее из него». Справедливости ради скажу, что речь при этом не шла о личном представителе Андропова генерал-лейтенанте Иванове Б.С. У него, говорят, с «обликом морале» проблем не было. Да и прибыл он в Кабул позже. Однако, как оказалось, вышеупомянутому попустительствовал.

При этом в отличие от некоторых наших представителей абсолютно беспочвенны кивки в адрес Амина, что он был «выпивоха». Близко знавший его В. Заплатин утверждал, что Хафизулла позволял себе лишь дважды в год поднять стопку водки — на 9 мая и 7 ноября. Уж более красноречивых фактов трудно представить, в том числе чьим «агентом» он являлся.

Потому и явилось определенным парадоксом, что наиболее авторитетным представителем для Х. Амина мало-помалу стал

генерал-майор Заплатин В.П. Особое доверие к нему питал и Н. Тараки. Оба нередко предпочитали решать многие повседневные вопросы именно через него, в обход Горелова. Характерен эпизод, когда в присутствии Заплатина Горелов что-то докладывал министру обороны СССР. В ответ на очередное указание Устинова Д.Ф. тот необдуманно ляпнул: «Есть, сейчас же направлю к Амину Заплатина!» Министр рассвирепел: «Кто такой Заплатин, знать не знаю! Вы там главный или нет?» Но не мог же Горелов объяснить Устинову, что Амин больше всего прислушивается и доверяет Василию Петровичу, а его не жалует.

И еще один эпизод, когда в начале декабря 1978 года афганское руководство убывало в Москву. Перед вылетом Тараки вызвал к себе Заплатина и поставил ему просто-таки поразительную задачу. Случай был раньше описан Н. Ивановым, поэтому приведу с его слов: «Товарищ Заплатин, мы все улетаем завтра в Москву на подписание Договора». — «Счастливого пути!» — «Спасибо. Ну а управление армией мы решили доверить вам. Остаетесь старшим». — «Я? Но ведь есть еще главный военный советник. Посол, наконец…» — «Понимаете, для нас армия — это все. Наш народ любит армию, а в армии уважают вас. Так что придется дня три-четыре побыть главой…» Все же, как поведал мне Василий Петрович, он смог убедить Тараки, что этого делать не следует, а они с Гореловым и так примут все меры, чтобы обеспечить порядок в отсутствие руководителей страны.

Случай уникальный. Интересно, бывало ли что-либо подобное с нашими советниками или послами за рубежом?

Жаль, что Василий Петрович до сих пор не написал своих воспоминаний. Его правдивый рассказ пролил бы свет на многие события того периода.

Мне довелось в 1986–1989 гг. служить с ним в политуправлении Сухопутных войск, и он многое рассказывал. И сейчас хоть изредка, но созваниваемся. Кое-что из его воспоминаний опубликовано в книгах ряда авторов и в прессе. Но далеко не все.

Особые отношения Амина и Тараки к Заплатину явно складывались в силу его качеств: принципиальности, прямого характера, честного отношения к делу, искреннего переживания за происходящее и трудолюбие. Кроме того, он — человек опытный, вдумчивый, по-житейски мудрый. Сам Заплатин об Амине также отзывался высоко, хотя и между ними не все бывало гладко. Так, однажды в середине лета 1979 года на проходившем заседании Ревсовета, где одним из обсуждавшихся вопросов являлась обострившаяся обстановка в приграничной провинции Кунар, Амин обрушился с обвинениями в адрес жителей

примерно 12 кишлаков, поддерживавших мятежников. Обращаясь к присутствовавшим Горелову и Заплатину, он вдруг потребовал от них срочной поставки из Союза то ли напалма, то ли огнеметов — на корню выжечь там всю заразу, дабы остальным неповадно было. Заплатин взял слово и так «поддал» инициатору за жестокие намерения по отношению к своему народу, что тот затем в течение нескольких дней с изумлением все повторял: «Ну и врезали вы мне всенародно!» Потом извинился и признал, что был не прав, мол, погорячился. Но, видимо, за принципиальность «невзирая на лица» — зауважал советника еще больше.

При мне Заплатин являлся секретарем партийной комиссии Сухопутных войск. Хотя и эта должность была достаточно высокой и требовала особых моральных качеств, армейского и житейского опыта, однако он был достоин большего. К сожалению, Василий Петрович явно оказался в опале вследствие его лояльности Амину. Но об этом позже. Хочется добавить, что Заплатина исключительно ценил и уважал генерал-полковник Попков М.Д., в то время член военного совета — начальник политуправления Сухопутных войск. Они и сейчас поддерживают тесные отношения. А уж М. Попков, сам человек-глыба во многих отношениях, знал и умел ценить таких, как Заплатин. И еще добавлю, что после ознакомления с данным материалом Василий Петрович в телефонных разговорах помимо ряда уточнений неоднократно настаивал, чтобы я убрал из текста все лестное в его адрес. Однако, посчитав сказанное абсолютно объективным, я решил, что это было бы несправедливо — в афганской летописи это должно сохраниться. И еще о его личном — однажды я пытался дозвониться, чтобы поздравить его с днем рождения, но не мог — телефон был беспрерывно занят. Дозвонился. Говорю: «У вас что-то с телефоном случилось, полдня не работал?» — «Да нет, просто много звонков было… Из Голландии — Экбаль (бывший его подсоветный, начальник главпура армии ДРА); звонили находящиеся в эмиграции афганцы из Лондона, Германии, Парижа, московские…» Интересно, многим ли бывшим советникам звонят или поздравляют спустя более тридцати лет помнящие их афганцы? Значит, уважают и помнят по заслугам.

Столь подробная характеристика В. Заплатина необходима, чтобы с наибольшей серьезностью относиться к его информации. И подтверждение сказанному — множество ссылок на него в серьезных работах по Афганистану.

Итак, по мнению Заплатина, сведениям Л. Горелова и практически всех исследователей, оценки обстановки в донесениях аппарата военных советников резко отличались от кагэбэшных.

В этой связи убедителен генерал-полковник Меримский В.А. Его как-то незаслуженно подзабыли, а ведь он более четырех лет являлся одним из руководителей оперативной группы МО СССР. Он и до ввода войск в течение нескольких месяцев 1979 года в составе группы Главкома Сухопутных войск генерала армии И. Павловского объездил практически все гарнизоны, армейские корпуса, дивизии и части афганских войск и великолепно владел информацией от самых низов до Министерства обороны ДРА. Он знал лично и часто встречался с Тараки, Амином, а позже и Кармалем, давая четкие, с глубоким знанием дела оценки обстановки, а также меткие характеристики всем троим лидерам ДРА.

В книге «Загадки афганской войны», а затем и в ее более полном варианте, вышедшем уже под другим названием, В. Меримский напишет: «В силу возложенных на меня обязанностей, я имел доступ к донесениям, отправляемым некоторыми ведомствами. (Сомневаюсь, что ко всем. — *Прим. авт.*). И должен сказать, что наиболее полная и объективная информация готовилась аппаратом Главного военного советника, а следовательно, и нашей группой. Я это говорю не для защиты чести мундира, а основываясь на фактах… В каждой дивизии (от себя добавлю — и армейском корпусе. — *Авт.*), бригаде, полку, танковом батальоне, авиационных частях имелись наши военные советники. Они постоянно находились в контакте с офицерами, сержантами, солдатами, а также представителями местных партийных и административных органов власти, от которых получали всевозможную информацию. Советники других ведомств (читай: КГБ) имелись только в провинциальных структурах». Понятно, что при таком раскладе полнота информации по военным каналам в сотни раз превосходила ведомство Андропова.

Далее на примере Андараба и личных впечатлениях я еще проиллюстрирую правоту Меримского. И еще адресовал бы интересующихся к воспоминаниям Б. Громова, где он столь подробно расписал всю систему сбора информации в 40-й ОА снизу, чуть ли не от роты. Вряд ли кто будет оспаривать эти утверждения. Он также сообщит: «К мнению военных не прислушивались, и я думаю, что была информация по другим каналам. Скажем так, не совсем достоверная, несколько искаженная информация, на основе которой рождались соответствующие представления о политической ситуации в этой стране…»

Другими словами, аппарат военных советников, руководимый Л. Гореловым и В. Заплатиным, обладал более обширной, более

детальной информацией, притом также шедшей с самых низов. Следовательно, более достоверной, отражавшей истинную картину.

Кагэбэшники довольствовались более куцыми возможностями, причем из источников, удаленных от гущи событий, — их представители восседали не далее провинциальных центров, откуда и гнали в Кабул что ни попадя. Нередко это были данные «двойников», а то и «бред, — как позже напишет Громов, — какого-нибудь обкурившегося агента».

В Кабуле все это обобщалось и направлялось Андропову. При этом под «выводы» подпрягался посол и другие. Был случай, когда прибывший в ДРА замминистра МВД генерал-лейтенант Папутин В.С. тоже было подмахнул подготовленную чекистами шифровку. В. Заплатин от возмущения в полном смысле слова схватился с ним «за грудки», убеждая в необъективности и поспешности. В. Папутин вынужден был от подписи отказаться, так как в действительности еще нигде не побывал и обстановкой не владел, доверившись чужим аргументам. Аналогичным образом чекисты, в частности Б. Иванов, пытались «перевербовывать» и И.Павловского с В. Меримским, о чем чуть ниже.

По возвращении из ДРА В. Меримский (вместе с И. Павловским), докладывая обстановку министру Д. Устинову, с полным основанием позволит себе утверждать о нецелесообразности ввода войск. Об этом в своей книге он напишет: «После возвращения нашей делегации из Афганистана в октябре мы представили министру обороны доклад, в котором четко указали, что вводить в эту страну наши войска нецелесообразно. (Здесь, по-видимому, он проговорился, так как из данного утверждения проясняется, что при убытии им все же ставилась такая задача — прозондировать вопрос целесообразности ввода войск? — *Прим. авт.*) Кроме того, мы подчеркивали, что свободолюбивый афганский народ не смирится с этим вмешательством извне, и приводили ряд фактов, подтверждавших эти выводы. Я напомню вам только один из них, когда нашему одному советнику командир афганского полка ответил: «Мы вас сюда не звали. Уезжайте в свою страну, а мы здесь разберемся сами». Я уверен, что мнение этого командира разделяли многие офицеры».

В ноябре-79 В. Меримский будет встречаться с маршалом С. Ахромеевым, который сообщит ему, что «несколько дней тому назад наше руководство приняло решение ввести войска в Афганистан…» (видимо, речь шла о предварительном решении согласно постановлению Политбюро от 31.10.79). Меримский

удивился: как же так, они с Павловским представили Устинову достоверные данные с выводом о нецелесообразности ввода туда советских войск. Ахромеев разъяснил: «…Ты знаешь, информация из Афганистана поступает по дипломатическим, военным и экономическим каналам. Но есть еще один источник, который пользуется особым доверием и отличается от уже названных мною. Это информация по линии КГБ, которая считается приоритетной».

Получается, что организация, которую мы не в шутку называли «Контора Глубокого Бурения», обладала поверхностной, а скорее всего, тенденциозной информацией, по сравнению с более достоверными сведениями военных. Тем не менее она признавалась приоритетной.

Андропов наверняка знал и свои кадры, и их расстановку, и о том, что военные пашут глубже. Однако он игнорировал все, что не соответствовало его установкам, заодно вводя в заблуждение Генсека. Зато его «данные» почему-то совпадали с замыслом Бжезинского.

В этой связи уместно дополнение от ранее упоминавшегося Валерия Коновалова: «Здесь можно вспомнить еще и видного советского пуштуноведа Дворянкова Николая Александровича. Он пытался убедить Кремль в том, что крыло «парчам» — насквозь прогнившая буржуазная прослойка в НДПА, и упор необходимо делать на «хальк». Дворянков был близок к Тараки, совместно с ним написал ряд книг на пушту. Он хорошо относился к Амину. Никто, конечно, не послушал, а Андропов вообще приказал отозвать его из Кабула».

Еще неизвестно, с чьей подачи руководство ДРА с середины 1979 года зачастило с просьбами в адрес Кремля об оказании той или иной помощи советскими войсками, о чем так рекомендовалось в вышеизложенных тезисах «эксперта Центра». Раджа Анвар в книге «Трагедия Афганистана» со ссылкой на некоторых близких к Тараки афганцев сообщит об одном из эпизодов в августе 1979 года, когда посол Пузанов «советовал» Тараки готовить очередное обращение в адрес советского руководства с просьбой о вводе войск.

Почти под каждой информацией об очередной подобной просьбе стояли подписи Б.И. Иванова либо «представителя КГБ». Но с него взятки вроде бы гладки, так как он лишь докладывал о том по долгу службы.

* * *

Не так давно с легкой руки полковника Евгения Логинова, основателя сайта «EL@VKIMO.com» (Военного института МО), была развернута дискуссия по первому варианту моей работы. Активное участие в ней принял полковник В.К., в свое время бывший советником одного из управлений афганского ХАДа. По-доброму отозвавшись по ряду моментов, он тем не менее обрушился на меня с критикой в связи с категоричным несогласием по поводу роли Андропова. В представлении В.К., его бывший шеф почти стерилен. В подобных случаях я обычно отвечаю такому специалисту на его же языке — «базар нет!», а полемику с ним в целях экономии времени прекратил, тем более что, когда иссякли аргументы, он уже не по теме перешел на ругань в мой адрес. Поскольку, возомнив себя чуть ли не гуру в делах «за речкой», он решил не дискутировать, а не очень вежливо назидать, я решил все же познакомить интересующихся с уровнем его познаний. Фамилию пока называть не буду, если он не будет настаивать. Может, одумается.

В одном из писем он сообщил: «У меня к деятельности Ю.В. Андропова на этапе подготовки вторжения в Афганистан больше вопросов и претензий, чем у вас (сразу видно, специалист с амбициями, себе цену знает! Но тогда как быть со «стерильностью»? — *Прим. авт.*)…

КГБ были совершены фатальные ошибки, в большей степени Крючковым (имеется в виду Первое Главное Управление, в те времена входившее в состав КГБ и подчинение Андропова), в меньшей степени самим Андроповым. И я буду писать об этом открыто (в будущей книге). Что теперь скрывать по прошествии стольких лет? Но тогда во внешней разведке КГБ имела место глобальная ошибка: она занималась изучением властных структур зарубежных государств, их спецслужбами и внешнеполитическими ведомствами, но никогда не занималась изучением обществ зарубежных стран. В результате по состоянию на 1979 год внешняя разведка КГБ имела очень хорошие позиции в афганской власти, партии и армии (сомнительно, судя по результатам. — *Прим. авт.*) и не имела подлинных знаний об афганском обществе… (Тогда зачем она дестабилизировала обстановку, охотясь на Амина, или, скажем, во время Ришхорского восстания, о чем еще пойдет речь? — *Прим. авт.*) Именно эта методологическая ошибка и подвела КГБ до ввода ОКСВ. КГБ просто не знало (? — *Прим. авт.*), куда оно (? — *Прим. авт.*) само (?) лезет (ошибки в окончаниях слов — так по тексту В.К.) и куда толкает нашу армию…»

А вот если верить коллеге В.К. — соавтору «Вируса «А» В. Самунину, в то время резидент КГБ в Кабуле полковник В.

Осадчий, оценивая складывавшуюся обстановку, говаривал: «Иногда мне кажется, что мы сами лезем в намыленную для нас кем-то петлю!» Вот так!

Продолжу мысль В.К.: «Но обвинять в этом Андропова и КГБ неверно, ибо структуру внешней разведки КГБ, равно как и других органов КГБ, определял ЦК КПСС и ни на шаг в сторону. На тот момент ГРУ (Главное Разведывательное Управление. — *Прим. авт.*) чуть лучше понимало афганское общество, хотя все равно явно недостаточно для принятия таких глобальных решений, как ввод войск ОКСВ…» Стоп. При чем здесь «структура внешней разведки», если речь о задачах?

В общем, приехали. Кто-то что-то понял? Пока можно лишь согласиться с вынужденным признанием более высокой квалификации военной разведки в лице ГРУ. И на том спасибо — хоть шерсти клок. Но к сведению В.К., если он внимательнее почитает мои аргументы, речь нужно вести не о малой толике роли ГРУ, а об оценках всей советнической разведструкутуры Минобороны в ДРА, квинтэссенцией которых являлись обобщения аппарата Главного военного советника. В Политбюро ЦК КПСС заслушивался не начальник ГРУ, а генерал-лейтенант Лев Горелов, который и пытался опровергать доводы представителей Андропова, которые, если перефразировать В.К., «чуть хуже понимали афганское общество». И еще спасибо за откровение по поводу КГБ, «толкавшего нашу армию» в ДРА. Выходит, амбиции из оппонента прут, а подспудное сознание невольно истину глаголет? Значит, польза даже в нелицеприятных спорах присутствует. Потому продолжим с удовольствием.

По поводу того, что «структуру внешней разведки КГБ… определял ЦК КПСС». Тогда понятно — сидел в ЦК какой-то чижик и сочинял штатную структуру уважаемого ведомства, а вышестоящие товарищи вплоть до члена Политбюро Андропова соглашались или нет, но «ни на шаг в сторону»! Во-первых, из уважения к оппоненту вынужденное разъяснение, хотя и не по теме публикации: проблема совершенствования оргштатной структуры любого ведомства прорабатывается самим этим ведомством исходя из решаемых задач, но в рамках бюджетного финансирования. Если же оно при этом пыталось выйти за рамки оного, то на основе серьезной аргументации ставило вопрос перед Совмином, хотя, понятное дело, на уровне шефа КГБ договариваться с Н.А. Косыгиным было легче, чем кому-либо. Но не все было так просто, поэтому совершенствование штатов, как правило, осуществлялось за счет внутренних пертурбаций, а не по воле цэковских клерков. Это к сведению.

Во-вторых, что за бред по поводу структуры, если речь надо вести не о ней, а о задачах, повторяю, задачах и обязанностях уже существовавшего аппарата в Кабуле и в целом по Афгану, тем более что он с небольшой численности летом 1978 года стараниями самого Андропова, а вовсе не какого-то отдела административных органов ЦК, разросся до нескольких сотен человек, не считая численности спецназа? Или это тоже вершили чиновники в ЦК, а член Политбюро брал под козырек, разворачивая «Зенит», «Альфу», «Гром»? Кто ставил задачи подчиненным в Кабуле? Чьи команды они выполняли и «ни на шаг в сторону»? Кто готовил докладные в Политбюро и подговаривал Брежнева к устранению Амина и вводу войск в Афганистан, в то время как военные советники и комиссия во главе с Главкомом Сухопутных войск, а также начальник Генерального штаба костьми ложились на пути «приоритетной информации, шедшей по каналам КГБ»? Так что структура внешней разведки, «разрабатывавшаяся в ЦК КПСС», вовсе ни при чем, а ставший в позу ментора В.К. просто нагородил бессмысленную чушь…

К этому же относится и утверждение о «фатальных ошибках» КГБ, «в большей степени Крючкова, в меньшей степени самого Андропова». Значит, «сам» плясал под дудку подчиненного, начальника 1-го Главного управления, и не ведал, что его дурачат? И в Политбюро наибольшим влиянием пользовался Крючков, а не Андропов? А личный представитель Андропова в Кабуле генерал-лейтенант Б. Иванов, оказывается, вместо добросовестного и беспрекословного выполнения приказов всемогущего шефа чуть ли не в сговоре с Крючковым (которому он фактически не подчинялся, тем более когда был назначен на должность руководителя группы консультантов при председателе КГБ) тоже вводил Андропова в заблуждение? Подчиненные совершали «фатальные ошибки», а Андропов, передоверившись им, лишь хлопал ушами да внимал разлюбезному джазу, потакал диссидентам и наращивал интеллектуальный потенциал Израиля, поощряя их выезд туда…

Обратимся к более серьезным аргументам классиков в лице В. Снегирева и В. Самунина. Писали они вдвоем, но все же Валерий Самунин, ветеран 1-го Главка, знает ту кухню достаточно глубоко изнутри. Думаю, его информация внушает доверие.

Вот что написано о Б. Иванове: «17 марта (1979 года), учитывая обострившуюся обстановку, в Кабул была направлена оперативная группа КГБ СССР во главе с генерал-лейтенантом Б.С. Ивановым. Первый заместитель Крючкова в ПГУ, он

возглавлял политическую разведку… Борис Семенович считался крупным специалистом в американских и европейских делах. Две длительные командировки за океан в качестве резидента, работа в официальных советских делегациях на переговорах с президентами США Никсоном, Фордом и Картером, разработка и реализация комбинации по обмену чилийского коммуниста Луиса Корвалана, участие в операции «Дунай» (вторжение советских войск в ЧССР и смена руководства этой страны), создание «специальной экономической разведки» и кратковременное руководство самым секретным в ПГУ 13-м отделом — вот далеко не полный перечень из послужного списка генерала Иванова. Но, возможно, главным достижением Бориса Семеновича было то, что к концу 70-х он стал одним из самых доверенных людей председателя КГБ. Иванов мог напрямую, минуя своего непосредственного начальника Крючкова, выходить, когда он считал нужным, на Андропова и на некоторых других членов Политбюро.

Возможно, именно это сыграло свою роль при решении вопроса о том, кто должен возглавить всю работу структур госбезопасности в Афганистане, а главное — информировать политическое руководство страны о реальной (!) ситуации там. Андропову был нужен в Кабуле человек, которому он мог бы всецело доверять, человек, не зависимый от конъюктурных настроений в совколонии, авторитетный как среди дипломатов и политиков, так и среди военных. Человек, который в сложных ситуациях, не тратя драгоценное время на согласование с Центром, мог бы на месте принимать серьезные оперативные решения. Вот почему выбор пал на «американиста» Иванова, а, скажем, не на Медника, который тоже был заместителем начальника ПГУ и как раз курировал средневосточное направление…»

От себя добавлю — авторитет главного военного советника генерал-лейтенанта Л. Горелова, как окажется позднее, явно не устраивал Андропова. Ему нужны были более весомые козыри в достижении своих целей, и кандидатура Б. Иванова подходила как нельзя более кстати. Последующие события это подтвердят.

«Безусловно… Теперь (Крючкову) предстояло считаться с тем, что шеф КГБ будет сравнивать ту информацию, которая поступала из Кабула по линии резидентуры (Вилиор Осадчий) и представительства (Леонид Богданов) с информацией, получаемой непосредственно от личного представителя Андропова. Но, с другой стороны, глава ПГУ должен был возблагодарить судьбу за столь неожиданный подарок. Генерал Иванов был слишком независим, слишком авторитетен, слишком

профессионален, чтобы работать обыкновенным заместителем начальника главка. Крючков постоянно ощущал недоверие к своим начинаниям со стороны Иванова, который профессионально был, безусловно, на голову выше его. Человека с такими обширными связями на самом «верху» лучше было бы держать подальше от «леса» (лесного массива в Ясенево, где находилась штаб-квартира ПГУ. — *Прим. авт.*). И вот такая удача: решением Политбюро Иванова отправляют в Афганистан».

Очень важная деталь — «решением Политбюро», в то время как главный военный советник назначался туда лишь приказом министра обороны. Этим Иванову заведомо обеспечивался более высокий статус и приоритет в отношении оценок его информации в Политбюро, тем более представляемой лично через Андропова. С такими авторитетами Л. Горелову и В. Заплатину спорить было сложно. Выражаясь словами вышеупомянутых А. Камаля и В. Коновалова, «об умело поданной интерпретации видения афганской проблемы извне и изнутри, чтобы быть доведенной до ушей Брежнева», преимущество Андропову было гарантировано.

Умный ход или случайность? Это во-первых. А во-вторых, возникает резонный вопрос: а почему с такой характеристикой сам Б. Иванов не был назначен председателем КГБ СССР, как впоследствии, например, тот же В. Крючков? Какими более превосходящими профессиональными качествами, заслугами или чем-либо еще нам неизвестным перед державой обладал Андропов? И вообще, как он оказался руководителем всесильного ведомства?

Здесь надо убрать анонс еще не написанной главы «Версия на заданную тему». У нее будет соответствующий тротиловый эквивалент, но сейчас не успеваю.

Еще об исполнителях

Итак, во-первых, именно оценки и выводы Андропова возобладали «изнутри» при принятии окончательного решения Брежневым. Во-вторых, именно Андропов и его представители в Кабуле всегда делали ставку на «парчам», Бабрака Кармаля и Наджиба, склоняли Тараки к сотрудничеству с ними и устранению Амина.

Оценивая обстановку по прошествии некоторого времени после ввода войск, В. Меримский напишет: «Когда я узнал, что пост генсека НДПА, главы правительства и государства занял Б. Кармаль и к власти пришли члены фракции «парчам», это вызвало у меня недоумение. Я не понимал причин происшедшего. В течение 2 лет мы поддерживали халькистов, а теперь — парчамовцев. Как же нашим людям, военным и гражданским, работающим в Афганистане, смотреть в глаза халькистам? Что им ответить? Ответов на свои вопросы я не находил и обратился к более сведущему товарищу. Он мне ответил, что наш КГБ с давних времен поддерживал контакты именно с парчамовцами. По всей вероятности, руководствуясь их рекомендациями, Политбюро ЦК КПСС переориентировалось и сделало ставку на парчамовцев и их лидера Б. Кармаля. Халькисты занимали все ключевые посты в обществе, приобрели определенный опыт в управлении государством, были ближе к народу. Есть хорошая поговорка о том, что «коней на переправе не меняют». А мы сменили».

Еще один красноречивый эпизод описывает В. Меримский, когда сразу же по приезде в Кабул в августе в составе группы Главкома Сухопутных войск генерала армии И. Павловского во время встречи в нашем посольстве его «обрабатывал» главный кагэбэшник генерал-лейтенант Б. Иванов. Пригласив Меримского к себе в кабинет, он ознакомил его со справкой, где говорилось, какой плохой человек «этот Амин», очевидно, завербованный в США во время учебы там. Кстати, наш КГБ почему-то никогда не заикался о подобной возможности в отношении Тараки, в свое время тоже проживавшего и работавшего длительное время в той стране.

В. Снегирев, соавтор «Вторжения», напишет: «Когда нам представился случай спросить Б. Кармаля, зачем он объявил Амина агентом ЦРУ, бывший афганский горе-лидер горько усмехнулся: «Вы лучше задайте этот вопрос сотрудникам ваших спецслужб, которые тогда работали в Кабуле».

Действительно, в июле-79 в афганской столице впервые появились листовки, изображавшие Амина агентом ЦРУ. Сам он отреагировал на это репликой, что был бы «разочарован, если бы за этими попытками его дискредитации стояла советская сторона». Учитывая характер уже складывающихся к тому времени его отношений с командой Андропова, намек понятен. Кстати, появление таких листовок и ознакомление Меримского со «справкой» Иванова по времени тоже почти совпадают.

Если верить авторам книги «Война в Афганистане» (руководитель коллектива авторов Н.И. Пиков), известны факты переписки между Ю. Андроповым и Б. Кармалем еще до Апрельской революции и что Ю.В. «был очень «недоволен развитием событий 27.04.78», то есть, другими словами, захватом власти халькистами, а не «бундовским» «парчамом» во главе с Бабраком. Они же утверждают, что среди дипломатов и специалистов по Афганистану было немало тех, кто всячески поддерживал Б. Кармаля еще с дореволюционного периода.

Если это так, то еще с того времени прослеживается последующая цепь событий, управлявшихся не только симпатиями или антипатиями лично Ю. Андропова, но и каким-то известным ему планом. Опять конспирологическая случайность? Равно как и его подчиненными в Кабуле генерал-лейтенантом Ивановым Б.И. и полковником (впоследствии генерал-майором) Богдановым Л.П., которые, впрочем, просто имели от него конкретные установки и держали нос «по ветру». Как и водится среди некоторого служилого люда.

«Андропов получал из Кабула информацию о происках ЦРУ, «американской угрозе» и тому подобном. Его люди активно поставляли такую информацию…» — утверждают авторы книги «Вторжение» Д. Гай и В. Снегирев. Ссылаясь на ближайшее окружение Ю. Андропова, они акцентируют внимание именно на его доминирующей роли в реализации задуманного сценария по устранению Амина и замене его Кармалем.

Спустя двадцать лет В. Снегирев и обладатель ценнейшей информации В. Самунин (для которого в «Вирусе «А» многое автобиографично) будут эту тему конкретизировать. Привожу дословно, будучи абсолютно убежден в достоверности информации, поскольку Валерий Самунин являлся непосредственным очевидцем изнутри той самой «кухни», долгое время тщательно сокрытой от многих непосвященных. Речь будет идти о событиях последней декады августа 1979 года: «Да, видимо, обстановка в руководстве ДРА накалилась до предела, — озабоченно сказал Борис Семенович (Иванов). — Похоже, Амин торопится любой ценой убрать Тараки, обвинив его в

неспособности контролировать обстановку в стране… В такой ситуации мы должны очень убедительно телеграфировать о назревающем конфликте Юрию Владимировичу…» Телеграмма за подписью Иванова была доложена Андроповым Брежневу и некоторым членам Политбюро. Судя по всему, она произвела впечатление на советское руководство».

Обратим внимание, что это донесение было направлено Ивановым непосредственно в адрес Андропова, с которым он, будучи в это время еще в ранге зама начальника ПГУ, имел право общаться напрямую. А вот следующее, возможно, более важное, тут же почему-то ушло Крючкову. А почему? Мелочь, рабочие моменты? Как бы не так! Решались-то вопросы серьезные, и все продумывалось основательно, абсолютно в стиле Андропова. Помните его кредо «действия чекиста должны быть филигранными»? Расшифрую.

«…Озабоченность Центра еще больше усугубила вторая телеграмма, поступившая из Кабула на имя Крючкова 24 августа… (Еще раз подчеркну — не Андропова!) В этой телеграмме, как и в предыдущей, указывалось, что Амин подозревается в связях с ЦРУ. Что он намерен захватить власть для того, чтобы скомпрометировать политику СССР в отношении развивающихся стран и в перспективе превратить Афганистан в военную базу США на южных рубежах Советского Союза.

Из Первого Главного управления КГБ в адрес Андропова для доклада на заседании Политбюро был направлен серьезный документ за подписью Крючкова… Возможно, именно этот документ был принят за основу дальнейших политических рекомендаций, исходивших от советского руководства. В нем, в частности, говорилось:

«Внутриполитическое положение в Демократической Республике Афганистан продолжает резко обостряться… Правительство Тараки — Амина заметно теряет свой авторитет в народе… В сложившейся обстановке нельзя исключать, что завоевания Апрельской революции могут быть утрачены и интересам Советского Союза в этом важном районе мира будет нанесен серьезный ущерб… В этих условиях полагали бы целесообразным:

1. Изыскать форму отстранения Х. Амина от руководства страной, возложив лично на него всю ответственность за необоснованные репрессии, просчеты в вопросах внутренней политики. (Вот это прыть! Только Крючкова ли? — *Прим. авт.*)

2. Убедить Тараки в необходимости создания демократического коалиционного правительства, руководящую роль в котором должны занимать члены НДПА, включая

представителей «парчам».

…4. Провести неофициальную встречу с находящимся в эмиграции в ЧССР лидером «парчам» К. Бабраком. В ходе этой встречи обсудить вопросы, касающиеся стабилизации внутриполитического положения в ДРА…» (Здесь Крючков с помощью «вирусологов» прокалывается конкретно, а заодно подставляет Андропова, выдавая и косвенно подтверждая версию, излагаемую мною в главе «Пагманские тайны». — *Прим. авт.*)

Искушенные люди из тех избранных, кто был ознакомлен с этим документом, сразу обратили внимание на пункт 1-й, который предлагал найти возможность отстранить Амина от власти и возложить на него всю ответственность за плачевную ситуацию, сложившуюся в Афганистане. Опытный бюрократ, Крючков одним выстрелом убивал сразу двух зайцев: убирал занозу, какой для всех (для кого «для всех», кроме андроповцев?) становился Амин, и списывал на него все накопившиеся грехи». Будут ли после этого пункта вопросы по поводу роли КГБ и подготовленных к тому моменту покушений на Амина? Повторю очень важную мысль авторов о том, что, «возможно, именно этот документ был принят за основу дальнейших политических рекомендаций, исходивших от советского руководства…». Здесь авторы явно пытаются перевести стрелки на Крючкова, вольно или невольно как бы выгораживая Андропова.

Но спасибо им за фактуру, а за анализом дело не станет. И не надо лукавить — ничего он не «убивал», просто Андропов в присущей ему вкрадчивой и коварной манере осуществлял свой замысел руками Крючкова, который и действовал под его диктовку, лишь выполняя «филигранные» указания шефа. Но что касается «опытного бюрократа» — это уж точно. И, заметим, аппаратчика, великолепно ориентирующегося во властных кулуарах, где не принято бежать впереди паровоза. В изложенной им позиции содержатся не то чтобы поучения для Политбюро, но предложения и рекомендации, явно выходящие за сферу его уровня профессионализма (если вспомнить характеристику от В. Самунина) и компетенции как разведчика, хотя и главного. Крючков в жизни бы не осмелился столь дерзко, от своего имени, навязывать высшему руководству устранение от власти лидера соседней страны… Не его уровень. Он предварительно сто раз бы прозондировал «мнение наверху», прежде чем решиться высказать что-либо, да еще и с вытекающими оргвыводами. Вспомним хотя бы его осторожность при докладе Горбачеву о завербованном американцами А. Яковлеве, ближайшем соратнике главного «перестройщика». Следовательно, он работал под диктовку Андропова, который, как справедливо подчеркивается далее,

«хорошо понимал, сколь высоки ставки в этой игре, поэтому действовал без резких движений, осмотрительно». Именно его программа намерений устами якобы Крючкова навязывалась уже не слишком адекватному Брежневу, пока Устинов с Громыко еще толком не разобрались с потоком противоречивой информации.

Андропов имел четкий план и все события разруливал под него. В «этой игре», как чуть выше ее назвали, «подача» для Крючкова, само собой, осуществлялась, конечно же, из Кабула, где весь многочисленный аппарат председателя КГБ, судя по воспоминаниям В. Самунина, добросовестно гнал в Ясенево требуемую информацию. А Крючков столь же старательно ее анализировал и трактовал. Уверен, он все воспринимал за чистую монету и поступал в соответствии с указаниями Андропова, благо они основывались на не подлежащих сомнению докладах многоопытных сотрудников резидентуры и представительства КГБ, тем более под руководством самого Бориса Семеновича. Вот только портили ситуацию военные, опровергавшие те оценки, что нередко приводило даже к ругани между руководителями уважаемых представительств, но более высокий авторитет Лубянки и доверие к ней ЦК КПСС возобладали. «Перепалки между руководителем представительства КГБ и главным военным советником… сделались постоянными, — сообщают авторы «Вирус «А» (стр. 464). — Горелов никак не желал присоединиться к общей антиаминовской линии, которая все яснее просматривалась в приватных разговорах и телеграммах, отправляемых в Москву». Тогда как насчет «занозы, которой для всех становися Амин»? — Ото ж.

Вложив в записку Крючкова пункты об «отстранении Амина от власти» и организации встречи с «К. Бабраком» (вот откуда пошла путаница в переставленных местами имени и фамилии; даже не удосужились толком разобраться с правильным именем Бабрака Кармаля, разведчики-геополитики!), Андропов ведь уже втайне, заранее, не дожидаясь решения Политбюро, подготовил приезд Бабрака в Москву, а самое главное — убийство Амина, которое должно было состояться — внимание! — всего через две недели. Другими словами, Андроповым уже заранее были осуществлены действия, которые Крючков якобы по своей инициативе (да и то в обтекаемых фразах) осмелился докладывать на рассмотрение Политбюро. Но это позволило Андропову подготовить Брежнева к согласию на реализацию именно его сценария. Вот кто реально, за спиной всех высших органов советской власти творил то, что впоследствии З. Бжезинский назовет «ловушкой для СССР». Так что особая

благодарность В. Самунину и В. Снегиреву, снабдившим нас информацией для вышеизложенного анализа. Правда, в данном повествовании она используется под другим углом зрения, зачастую не совпадающим с их выводами.

Однозначно предстоит отказаться от каких-либо оценок как «ошибках», совершенных лично Андроповым, ибо их бесконечная череда и неумолимая последовательность выстраиваются в четкую логическую цепь, необъяснимую для непосвященных. Оттого и появилось так много слов «Загадки…», «Тайны…» и прочая конспирологическая лексика в названиях книг и исследованиях, посвященных афганской войне. В основе его действий, как будет рассмотрено далее, был явный умысел. Своеобразным был и «выбор» будущего главы ДРА.

Не так уж часто мы встречаем откровенные воспоминания людей, близко знавших Кармаля. В середине января 1980 года, то есть вскоре после ввода наших войск, состоялась встреча с ним маршала С. Соколова (в то время заместителя министра обороны СССР Д. Устинова) и В. Меримского. Подчеркну, только что возведенный в ранг главы государства Б. Кармаль, казалось бы, должен был со свежими силами и идеями энергично взяться за решение назревших проблем, иначе ради чего еще полтора года тому он замышлял вроде бы несбыточное — свержение власти халькистов, о чем пойдет вскоре речь.

Однако, судя по откровениям В. Меримского, лезть из кожи во благо афганского народа лидер, новоиспеченный непосильными трудами андроповцев, явно не спешил. «Обращала на себя внимание реакция Кармаля на все сказанное. Он почти не говорил, а в основном слушал, но никаких пометок не делал, как бы подчеркивая свою независимость. Изредка задавал тот или иной вопрос, как мне казалось, только чтобы поддержать разговор…

Вообще Кармаль не производил на меня впечатления государственного деятеля. При сравнении с его предшественниками Тараки и Амином он им во многом проигрывал. Сын крупного генерала королевской власти всегда жил в достатке. Его, пожалуй, можно было отнести к деятелям парламентского типа, как выразителя интересов своего класса… Я ни разу не слышал от него четко сформулированного своего взгляда на то или иное событие».

Подобные встречи происходили неоднократно. «Он с нами соглашался во всем, но пока ничего не делал. Интересная деталь, которая дает ему определенную характеристику, — в одной из бесед С. Соколов высказал мысль, что нужно иметь более тесную

связь с народом, опираться на него и ему периодически выступать перед ним. На что он ответил: «А о чем я буду с ним говорить? Если вы настаиваете, то напишите, что я должен сказать».

Красноречивое высказывание… Создавалось впечатление, что он сам считал себя временным деятелем на занимаемом посту. Так в действительности и произошло».

Приходилось слышать и от других о позиции Кармаля типа «вам надо — вы и делайте». Так он, словно высокопоставленная марионетка, и продержался до мая 1986 года, пока его не заменили на Наджибуллу, спровоцировав этим раздрай уже среди самих парчамистов.

«Очевидно, что Комитет госбезопасности СССР совершил ошибку, определив… в качестве лидера нового правительства Афганистана Бабрака Кармаля… — напишет в своей книге Б. Громов, — разложение личности Кармаля усугублялось его неприкрытым пристрастием к спиртному…»

Об этих «особенностях» Б. Кармаля люди Андропова, надо думать, докладывали своему шефу. Тот же их почему-то игнорировал — значит, нужен был именно он, и не иначе!

Пагманские тайны

Как уже отмечалось, есть основания полагать, что Ю. Андропов был изначально недоволен захватом власти в Кабуле халькистами и, видимо, поразмыслив, приступил к последовательному осуществлению своего плана по «парчамистскому» перевороту, то есть фактически плану контрреволюционному, если учесть, кем накануне была осуществлена революция. Его конкретные этапы будут затем воочию просматриваться в течение полутора лет вплоть до полной реализации 27 декабря 1979 года. Непосредственными, хотя и невольными исполнителями этого вначале явится резидентура, затем будет создано и постепенно развернуто представительство КГБ в Кабуле численностью до 350 человек (в августе 1978-го, если верить В. Самунину — всего восемь); появится полномочное и особо доверенное лицо Андропова — генерал-лейтенант Б. Иванов.

Незаурядный интеллект абсолютного большинства кагэбэшников во многих случаях наверняка вынуждал их сомневаться в целесообразности тех или иных акций (особенно по прошествии времени), но по долгу службы поставленные задачи они выполняли четко. Впоследствии им нередко приходилось выкручиваться изо всех сил ради сохранения имиджа Конторы ГБ, равно как и из-за собственной роли в том, в чем им пришлось поучаствовать по приказам вышестоящего руководства.

Некоторые бывшие чекисты в силу ряда причин иногда стремятся скрыть или преуменьшить тайную роль Андропова в подготовке афганского похода, перевести «стрелки» на других, например, на бывшего начальника ПГУ КГБ В. Крючкова или изобразить «ястребом» министра обороны СССР Устинова Д.Ф.

Будем разбираться по порядку на основе имеющихся фактов, постепенно «дешифруя» их, словно снимки из космоса — уж слишком далеко от нас те события!

Первый акт. По имеющейся информации, в июне 1978 года, то есть через полтора месяца после взятия власти халькистами (во главе с Н. Тараки и Х. Амином), на окраине Кабула якобы состоялось тайное совещание видных парчамистов под руководством Б. Кармаля. Оно вошло в историю как «Пагманский заговор». Факт этот не слишком широко известен. Ряд авторов предпочитает о нем умалчивать либо ставить его под сомнение, так как при этом вскрывается неблаговидная роль «парчама» и его покровителей, по вине которых после временного затишья вновь разгорелась ожесточенная борьба, стоившая затем жизни многим

сотням парчамистов, особенно осенью 1978 года. Именно это обстоятельство с той поры навсегда поставило крест на становящихся теперь уже навсегда немыслимых перспективах «единства». Андропов словно того и ждал — репрессии против них немедленно дали ему повод для дискредитации Амина и последующей жестокой охоты на него. Вне зависимости от того, был ли «заговор» или его инсценировка, но афганский «рейхстаг» был подожжен. Основные подозреваемые в «поджоге» при этом дружно, все разом срочно покинули страну. Б. Кармаль — послом в Прагу, Наджибулла — в Тегеран, Барьялай — в Пакистан, Нур Ахмад Нур — в Вашингтон, Анахита — в Югославию и т. д. На заклание остались двое — Султан Али Кештманд и Абдул Кадыр.

Нередко завеса этой тайны слегка приоткрывается авторами почти случайно. В качестве примера приведу отрывок из «Вируса «А», где описывается начальный период пребывания в Праге Б. Кармаля в качестве посла: «В середине августа его настроение вдруг резко ухудшилось… Из Кабула пришли известия, что оставшиеся там парчамисты под руководством Кештманда якобы пытались совершить государственный переворот. Информация была скудной: то ли они просто обсуждали в своем кругу возможность выступления против халькистов (почему вдруг, если те еще не сделали против них ничего плохого?), то ли предприняли какие-то реальные действия (без ведома шефа, находящегося в Праге!), но Тараки и Амин сразу воспользовались этим для того, чтобы окончательно добить своих недругов… (Но почему же «окончательно», если до того они не подвергались репрессиям?) Кештманд и его соратники были арестованы, брошены в тюрьму, их пытали и почти сразу же объявили заклятыми врагами революции…» Интересно, а по какой причине «оставшиеся в Кабуле» парчамисты могли бы «просто обсуждать в своем кругу возможность выступления против халькистов», если те еще не причинили им никакого вреда? Что или кто вдруг сподвигнул их на подобную и не присущую им прыть?

Скажу честно — прочитав этот абзац, от неожиданности расхохотался, посчитав его неуклюжей и наивной попыткой ввести читателей в заблуждение относительно истины. Полагая, что написал это соавтор Снегирева В.Н. — бывший сотрудник Службы внешней разведки полковник в отставке Самунин В.И., тут же созвонился с Владимиром Снегиревым, поинтересовался, кто автор этих строк и располагает ли он какой-либо дополнительной информацией по заговору в Пагмане. К моему удивлению, Владимир Николаевич сообщил, что, во-первых, писал их он, во-вторых, что это не имеет значения, так как

работали они в тесном содружестве, и, в-третьих, вообще о каком заговоре идет речь? Он искренне поведал, что, по его информации, ничего подобного не происходило, что в свое время встречался и подолгу беседовал с бывшими арестантами по этому делу — Кештмандом и Кадыром, которые напрочь отвергли какую-либо причастность к контрреволюционным деяниям и сам факт того события в июне. Тогда за что же они были арестованы и, более того, приговорены к смертной казни? В ответ прозвучало: «А черт их знает!»

Не в меньшей степени удивило молчаливое согласие с такой подачей эпизода В. Снегиревым его соавтора — промолчал или так надо?

Николай Иванов в книге «Операцию «Шторм» начать раньше» на основе документальных источников утверждает, что Кештманд на допросах называл другие сроки предполагаемого восстания — 3–4 сентября (праздник разговения), а не август. Но это непринципиально.

Почему могут темнить Кештманд с Кадыром — понятно. Тема чересчур щепетильна, прежде всего для них самих — гораздо выгоднее выступать в роли жертв злодеев-халькистов, а не в роли тех, кто выдал соучастников и отправил на гибель сотни парчамистов. Возможны и другие причины, вынуждающие их держать язык за зубами.

В связи с вышеизложенным зададимся вопросом: а возможно ли вообще представить, чтобы при таджикском или пуштунском националистическом менталитете, в отсутствие удаленного из страны парчамистского руководства за хазарейцем (при всем уважении лично к Кештманду) пошли и осознанно поучаствовали бы в той авантюре какие-то представители таджиков, а тем более пуштунов? Каюсь, смех меня разобрал именно при прочтении версии, что Кештманд был способен на подобное лидерство и как до такой хохмы вообще мог кто-то додуматься!

«Пагманский заговор», если он все же имел место, подставляет КГБ и Андропова. Аморфный Кармаль и компания ни в коей мере не решились бы на подобное без указаний и поддержки извне. Далеко не безумцы, они отлично осознавали, что реальных сил у них нет ни в армии, ни в целом по стране. На что или на кого они могли рассчитывать, идя на смертельный риск? Конечно же, не на ЦРУ или «МОССАД», а только на Андропова! Но, скорее всего, и риска никакого не было — был лишь иезуитский сценарий с заведомыми жертвами. Не зря же Бабрак перед вылетом из Кабула вызывающе и с явной угрозой бросил фразу что-то вроде того, что скоро вернется… Известны и некоторые другие его высказывания на эту тему, но уже за

рубежом. Следовательно, у него на это должны были быть веские основания и чьи-то гарантии, явно не посольского уровня. Личную переписку-то с Андроповым он вел давно. Последующие события это подтвердят…

Напомню, что Саурскую революцию совершили халькисты, в то время как парчамисты отсиживались по кустам. До этого они категорически отвергали возможность каких-либо насильственных действий против правящего режима, уповая на постепенные «демократические преобразования», за что получили от халькистов характеристику прислужников Дауда. Законная власть отныне по праву принадлежала пуштунскому «хальку», однако великодушно поделившемуся ею с «парчамом». Конечно, Кармаль и его сподвижники не без советского нажима получили некоторые второстепенные посты в НДПА и правительстве. Хотя как сказать, ведь Кармаль стал первым заместителем премьер-министра Тараки, а Нур Ахмад Нур — министром внутренних дел, Сулейман Лайек возглавил радио и телевидение. А это не так уж и мало.

Однако это их вроде как не устраивало. Но, рассуждая трезво, на что же они могли рассчитывать иначе, если Сауру осуществили пуштуны, обладавшие гораздо большим авторитетом, влиянием, решительностью и мужеством, мощной поддержкой в армии и без участия парчамистов в перевороте? Выходит, въехав в новый революционный рай на чужом, халькистском горбу, им теперь срочно понадобилась абсолютная и безоговорочная власть в стране, где подавляющее большинство за пуштунскими племенами? Неужели эти «соратники», ранее полтора десятка лет умеренно-миролюбивые (другими словами, трусливые и осторожные), вдруг по собственной инициативе превратились в оголтелых борцов, будто им вдули какой-нибудь озверин-антихалькин, и буром поперли на рожон, словно Матросов на амбразуру?

Нет. Их явно вели из-за кулис, возбудив амбиции и сыграв на этом эффективно. Очевидно, что и А. Кадыр мог быть вовлечен туда вследствие личных обид на власть, которая вопреки заслугам обделила его должностями, тем более что он не являлся халькистом. Но он и в «парчаме» не состоял! Следовательно, если кармалисты и примкнувший к ним Кадыр действительно собрались в Пагмане и решили взять курс на вооруженное восстание, свержение новой, революционной власти, то они фактически затевали контрреволюционный переворот. За что и должны были немедленно подвергнуться преследованиям по всем восточным строгостям, как только о том стало известно

руководству ДРА.

Еще раз необходимо подчеркнуть — до Саурской революции они протестовали против насильственных действий Дауда, а через полтора месяца, получив ряд высоких постов, пока еще абсолютно беспричинно замахнулись на собратьев по НДПА? Нелогично. Значит, внешний фактор был. Да и последующая отстраненная пассивность Бабрака, начиная с прихода к власти и вплоть до его отставки, как бы косвенно может свидетельствовать, что инициатива исходила вовсе не от него.

В дальнейшей цепи событий именно «Пагманский заговор» должен рассматриваться в качестве поворотного и ключевого. Именно он, и только он, в качестве ответных мер руководства «хальк» спровоцировал, инициировал и повлек за собой немедленное преследование и казни заговорщиков-парчамистов и их сторонников, начиная с сентября по конец ноября 1978 года, что и дало весомые козыри в руки Андропову. Обвинения в адрес Амина без ссылок на первопричины его «кровожадности» (с одновременным нечестным сокрытием не меньшей роли Тараки) послужили мощными аргументами для Андропова при докладах Брежневу.

Одно время мне казалось, что Тараки с Амином вначале не располагали информацией и, лишь заподозрив неладное, выслали главных смутьянов послами в различные страны. Однако поразмыслив, вынужден признать — вряд ли они выпустили бы их даже при малейшем подозрении. Значит, либо события не было, либо разведка просмотрела, либо попросту все было инсценировано задним числом. В то же время многие источники сообщают, что Кармаль и все его «парчамбюро» то ли в конце июня, то ли в начале июля под предлогом неудовлетворенности статусом, как будто в знак протеста вдруг разом, по своей инициативе запросилось на загранслужбу. Тараки с Амином тому, конечно, только обрадовались, мол, валите с глаз долой! Однако почему-то лишь в августе, получив откуда-то информацию, арестовали Кештманда с Кадыром, которые и «сдали» Кармаля с остальными. Похоже, что такая информация была специально вброшена властям, согласно имевшемуся сценарию. Лидеры «халька», поверив тому, попытались вернуть их для расправы. Те, разумеется, сразу же нашли убежище, которое, надо полагать теперь с большой долей уверенности, согласно сценарию, было готово заранее, благо лубянская «крыша» все держала под контролем.

Однако сегодня я не взялся бы однозначно утверждать, по чьим каналам их сподобили на заговор. Если много как бы случайных совпадений между замыслом Бжезинского и

действиями Андропова, можно ли исключать воздействие на Кармаля еще кого-то? Вряд ли Андропов действовал через свою резидентуру, хотя и такая версия, пусть и с оговорками, имеет право на существование. В этой связи стоит еще раз напомнить сакраментальную фразу резидента КГБ полковника Вилиора Осадчего. Помните? «Иногда мне кажется, что мы сами лезем в намыленную для нас кем-то петлю». В уме и проницательности ему не откажешь. Андропов знал, кому доверить важнейшее направление. Вот только кто же все-таки мог в Кабуле прорабатывать и осуществлять Пагманскую операцию? Ведь наверняка кто-то на месте этим занимался! Неужели резидентура?

В таком случае он мог осуществлять это лишь с ведома Брежнева, иначе был большой риск засветиться со всеми вытекающими последствиями. Но подобное на том этапе, еще в июне 1978 года, скорее всего было невозможно, если учитывать исключительную осторожность Андропова, хотя у него и были в резерве кое-какие козыри для приватных бесед с Ильичом. Однако то — на крайний случай. Значит, он действовал на свой страх и риск, ведомый четкой целью; у него был особый канал связи и своя целенаправленная логика, о чем не могли и не должны были знать до поры ни Генсек, ни другие члены Политбюро, включая руководителей Министерства обороны и МИДа. Они лишь спустя некоторое время будут поставлены перед фактом вдруг развернувшихся репрессий против сторонников Кармаля. Но то, что парчамистов кто-то спровоцировал и они действовали в рамках какого-то сценария — кажется очень вероятным. Повторюсь, Кармаль и его ближайшее окружение безумцами не были, они знали, на что шли.

Если за «Пагманским заговором» и торчали чьи-то «уши», то их хозяин или порученец мог вскоре объявиться. Так и произошло. Якобы не сумевшие скрыться С. Кештманд и А. Кадыр в августе были арестованы. Тут же у Тараки появился засланец — посол Пузанов А.М., энергично пытавшийся ходатайствовать об их помиловании. Тараки в жесткой форме отказался обсуждать с ним этот вопрос: мол, это наше внутреннее дело, и их судьбу решит трибунал.

На допросах С. Кештманд показал, что по решению Б. Кармаля и других заговорщиков именно А. Кадыр вновь назначался руководителем вооруженного восстания. Но как мог беспартийный Кадыр подчиниться приказу лидера «парчам»? Явная нестыковка. Ясно только, что, подставив Кештманда, с его помощью, согласно сценарию, приносились в жертву и безразличный Кармалю беспартийный нацмен Кадыр, и сотни

парчамистов — соратников Кармаля. Вскоре обоих приговорили к смертной казни, но в начале октября решение будет пересмотрено на длительные сроки заключения. С приходом к власти Б. Кармаля С. Кештманд станет премьер-министром, а А. Кадыр одно время будет являться министром обороны.

Кстати, пытаясь скрыть факт и значение «Пагманского заговора» (или его инсценировки), а заодно и первопричины требования Тараки и Амина о немедленном возвращении в Кабул Кармаля со товарищи на расправу якобы лишь просто вследствие их стародавней ненависти к парчамистам как таковым, лукавые приверженцы этой версии прокалываются на Кадыре, который, как говорилось, вовсе не являлся парчамистом. Ведь если до раскрытия заговора никаких преследований афганских бундовцев не осуществлялось, то с чего вдруг вскоре после отъезда их руководства могли бы взбрыкнуть лидеры «халька», решившись на жестокости против давних недругов? Тогда зачем их выпускали из страны? И при чем здесь беспартийный Кадыр? Ответ простой — не случись на самом деле замалчиваемый факт, то арестовывать и репрессировать, тем более приговаривать его к расстрелу было бы попросту не за что. Поэтому он и впредь может в своих подмосковных интервью плести что угодно, вопреки логике…

Спрятанный московскими и чешскими «товарищами» Б. Кармаль проживал на спецдачах и ждал обещанного часа, не забывая попутно грозить врагам скорым возвращением. Судя по упоминавшейся записке Крючкова, этот час наступил в конце августа-79.

Теперь попробуем еще раз проанализировать события.

На заседании Политбюро 31.10.79 года с подачи Андропова одними из главных аргументов в пользу устранения Амина являлись обвинения в массовых репрессиях против парчамистов: «Обстановка в Афганистане после событий 13–16 сентября (а про 11 сентября составители Записки вроде как и не ведали), в результате которых Тараки был отстранен от власти и затем физически уничтожен, остается крайне сложной… Действия Амина ведут к дальнейшему углублению раскола в НДПА, ликвидации здорового ядра в партии и ослаблению ее влияния на социально-политическую жизнь страны…

В Народно-Демократической партии Афганистана сохраняются здоровые силы, выражающие серьезную озабоченность складывающейся обстановкой в стране… Однако эти силы разобщены и находятся, по существу, на нелегальном положении (в основном в Серебряном Бору. — *Прим. авт.*)».

Следовательно, Юрий Андропов, как один из высших

руководителей СССР, вроде бы проявляет здесь озабоченность судьбой завоеваний Апрельской революции в Афганистане. Особая его забота о «здоровых силах» численностью аж с дюжину человек четко просматривается весь период с мая-78 до конца 1979 года. Этой легендой ему удавалось здорово дурачить Брежнева, то ли чересчур доверявшего шефу КГБ, то ли бывшего под его «колпаком».

Но «здоровое ядро партии» оказалось на нелегальном положении либо в результате провала «Пагманского заговора», инспирированного им самим же (или взаимодействующими структурами, согласно тому же плану «NX»), либо согласно еще какому-то сценарию. Но роль кукловода Андропова слишком очевидна. Разразившиеся репрессии против парчамистов немедленно вслед за раскрытием «Пагманского заговора» имели целью вначале получить необходимый компромат на еще непонятных для Брежнева «хальковцев», затем исподволь приступить к накоплению «доказательной» базы для устранения от власти халькистов, в том числе «афганского Сталина» Амина. Или это опять случайное совпадение? Следовательно, Андропову он неугоден был еще до осенних событий 1979 года, за полтора года до того! То есть задолго до репрессий и прочих «преступлений», позже вмененных Хафизулле. Так почему же председателю КГБ изначально были не по душе пуштунские лидеры с их «хальком»? Как покажет дальнейшее расследование, вся деятельность этого человека с раздвоившейся личностью будет последовательно и целенаправленно осуществляться в четко проявляющемся направлении — убрать их и всей мощью СССР заменить на «таджика» с иудейскими корнями, если теперь называть все своими именами.

Вот по этой причине «Пагманский заговор» долгое время и остается в статусе «Какой заговор? Да не было его, просто остававшиеся в Кабуле парчамисты под руководством Кештманда посидели, посовещались о чем-то, а Тараки с Амином и воспользовались этим для уничтожения своих недругов». Только вот Кадыр там уж совсем некстати оказался, всю картину портит. Но ведь и без ведома Кармаля этого попросту не могло быть!

И еще для полноты. Сборище парчамистов под руководством Кармаля, как свидетельствует обнародованная информация о результатах допросов арестованных, состоялось в Пагмане где-то в середине июня. (О чем, по словам В. Снегирева, Б. Кармаль вдруг узнал вроде бы как в Средине августа). По версии же Кештманда, общего собрания заговорщиков вроде как и не было — они «встречались друг с другом поодиночке». Зачем? Значит, о чем-то все же договаривались? А как быть с «посидели,

посовещались»? Однако вскоре вся их верхушка разом запросилась в зарубежные посланники. Почему, если этими «мужественными революционерами» были приняты столь серьезные решения? Где, как не в гуще событий, здесь же, в народных массах проявить себя самым «здоровым силам нации»? Появились подозрения, что халькистская служба безопасности что-то пронюхала? Так нет же, это легко проверялось… Попытаться что-то разведать можно было и через доверенных лиц в резидентуре (а таковые были), а Кармалю — и через личного куратора в Москве, ведь все говорит об их особой дружбе. Чуть ли не в один и тот же день принимают решения на подготовку контрреволюционного переворота и тут же — на дружное бегство из страны. Разве это не косвенное доказательство заведомой провокации, задуманной извне и осуществленной с участием парчамистской верхушки?

Она ведь была абсолютно спокойна, уже имея на то основания в виде согласия Тараки и Амина на их убытие. Значит, во-первых, информацией халькистские лидеры при всей их подозрительности в отношении оппонентов не располагали. Советская сторона тоже активно посодействовала благополучному убытию «парчамбюро». А во-вторых, спланировав «восстание», оно тут же дружно ударяется в бега. Так поступают только провокаторы… Исчезли все главные заговорщики, за исключением — внимание, это важно! — хазарейца Кештманда и чараймака Кадыра (национальность, близкая туркменам), вроде как по личному решению Кармаля назначавшемуся «руководителем вооруженного восстания». А с чего это А. Кадыр должен был подчиниться заочному «личному решению» лидера парчамистов, если не имел к ним никакого отношения? Думается, склонить его к соучастию в подобном заговоре мог лишь сам Кармаль, и только лично, а не через сомнительных посредников. И только при наличии серьезных аргументов и гарантий. В противном случае заведомой жертве — Кештманду в запланированной инсценировке отводилась роль «главного свидетеля». Если вожди чувствовали опасность — сваливать нужно было всем. Если была в том логика какого-то иного замысла, то хазарейца и чараймака — не парчамиста заведомо бросали «под танк». Значит, так и было, что лишний раз доказывает негодяйство Кармаля и его спонсора.

Тогда и возникает резонный вопрос: почему служба безопасности (АГСА), проморгав событие, узнает о том лишь после благополучного убытия Кармаля и его ближайшего окружения? АГСА только в августе получит информацию и шанс сделать из Кештманда с Кадыром жертвенных баранов. Опять так

получилось? В таком контексте сразу же бросается в глаза явно нереальное и абсолютно подозрительное «назначение» Кадыра Бабраком, — ведь ежу понятно, что никаких реальных сил у парчамистов тогда и в помине не было, потому и восставать было некому и, следовательно, командовать было бы некем. Тогда зачем умному и хитрому Кармалю был нужен весь этот маскарад с «назначением»? При заранее спланированном убытии всей компании за рубеж (а по хронологии событий этот вопрос был решен до предполагаемой даты сборища) какой был смысл в разработке какого-то «заговора»? И откуда вообще могла появиться подобная «революционная» прыть у трусливых бундовцев, ранее неизменно выступавших против любых насильственных действий против власти? Ведь они даже при гораздо более благоприятных условиях во время свержения режима Дауда полтора месяца тому умудрились благоразумно свинтить от опасного в том участия, лишь после успеха халькистов потребовав и для себя львиной доли праздничного пирога. Они бы и того не получили, не порадей за них московские сородичи. Следовательно, верна истина, что для решительного рывка вперед необходим пинок в зад. Значит, так и было.

Похоже, что на самом деле вместо заговора была лишь его инсценировка (что-то вроде афганского ГКЧП), потому и не замеченная службой безопасности, а вляпавшиеся, схваченные и «уличенные» с чьей-то помощью «заговорщики» в результате оказались приговоренными к смертной казни. Установить истину пока трудно, за исключением того, что при обоих вариантах, если судить по имеющимся фактам и конечным результатам, мы имеем дело с тщательно продуманными многоходовыми комбинациями, превратившимися, по признанию З. Бжезинского, в «ловушку для СССР».

Значит, более всего вероятен сценарий именно инсценировки. Следовательно, замысел мог быть таким.

Во-первых, обеспечить главным действующим лидерам «парчама» безопасность, предоставив им возможность скрыться за границей под весьма благовидным предлогом, сохранить их на будущее. Расчет был верным — Тараки и Амин выпустят их с превеликой радостью.

Во-вторых, произвести имитацию то ли какой-то встречи парчамистов в Пагмане, то ли просто «инструктажа» Кармаля обреченному Кештманду с обязательным вовлечением туда Кадыра, который получит провокационное «поручение» по «руководству восстанием». Все выглядело бы правдоподобным — летчик Кадыр, профессиональный, в прошлом высокопоставленный военный (начальник штаба ВВС и ПВО). К

тому же совсем недавно имевший подобный опыт как во время свержения короля Захир-Шаха в 1973 году, когда он сыграл немалую роль для Дауда, так и явившийся первым руководителем Ревсовета 27–28 апреля в году 1979 (теперь уже при устранении самого Дауда) — халькистами унижен назначением на неподобающую должность директора какой-то хлебопекарни, а потому может быть готов отомстить обидчикам. Так что «боевиком» Кадыр был со стажем и вполне подходил для задуманного. Во всяком случае, скорое следствие в том не усомнилось.

«Гражданский» Кештманд, человек не элитного окружения Кармаля — на роль военного «руководителя вооруженным восстанием» явно не тянул, — будет главным свидетелем обвинения. При этом сложнее всего было вовлечь Кадыра, беспроигрышно сыграв на его уязвленном самолюбии (может, он, осознав все задним умом, и темнит теперь?). Кроме того, непросто было обеспечить скрытность мероприятия от ищеек Сарвари, главы АГСА. Но на том этапе эта организация была еще слишком слаба. Впрочем, если это была имитация личного поручения Кештманду от Кармаля во время разговора с глазу на глаз — тогда и этого не требовалось. Зато кармалисты впоследствии получили возможность становиться в героическую позу, когда разглагольствовали по поводу «мужественной борьбы с тиранами».

В-третьих, оказавшись в безопасности, спустя некоторое время через какой-то канал «слить» информацию о состоявшемся «заговоре». Тем самым спровоцировать халькистское руководство на репрессии и заведомо и надежно дискредитировать его перед советским руководством, равно как и перед зарубежьем. Кстати, этим достигалось сразу две цели — одна уже обозначена, а другая — в интересах Бжезинского по дискредитации революционной власти ДРА в глазах мятежников. При этом на эшафот неизбежно и безжалостно отправлялось какое-то количество своих менее ценных сторонников — от них и так было мало толку, а задачу все равно предстояло решать советским войскам. Поэтому, невзирая на жертвы, игра стоила свеч — в последующем достигалась главная цель. Типично сионистский, подлый вариант, когда на кону стояли такие важнейшие ставки, как вышеупомянутый проект Бжезинского по развалу СССР.

В-четвертых, далее в активную фазу действия вступает Андропов, получивший мощнейший компромат на халькистов с акцентом на главную роль Амина в творимых жестокостях для воздействия на Брежнева и Политбюро. Одновременно

начинается склонение безвольного Тараки к сотрудничеству с Кармалем и внесение на той почве постепенного раздрая в руководство «халька» ввиду бескомпромиссно-жесткой позиции Хафизуллы (расчет был верный и оправдан); исподволь готовится серия акций по устранению ненавистного Амина и «высвобождению» тронного места под Кармаля.

В-пятых (уже втайне от Кармаля!), активно должна сработать команда «экспертов» Бжезинского по возможно максимальному вовлечению США в активизацию контрреволюционных сил в ДРА и неизбежному созданию тем самым условий для вынужденного обращения афганского руководства за помощью советскими войсками. Но, разумеется, во избежание непредвиденных последствий — лишь в составе ограниченного контингента.

Совпадение или нет, но гибель американского посла А. Дабса спустя несколько месяцев тому способствовала. Андропов тоже не погнушался этим воспользоваться, чтобы лишний раз очернить Амина, но о том в следующей главе.

Помните фразы «эксперта Центра» из его «ориентировки плана NX» о том, что «необходимо безотлагательно направить все наши усилия на то, чтобы афганские лидеры… начали настоятельно просить… военную помощь от СССР»? И далее еще: «Над этим клубком будут стоять, выгадывая свои интересы, США. Но над всем этим станет именно Израиль, добившись сразу стратегических задач в своих интересах»?

Все предельно четко — разработками занимались гроссмейстеры от геополитики. И афганская «ловушка» по своей важности, сложности, масштабам, размерам финансирования была не чета потешной арабо-израильской или ирано-иракским войнам!

В действительности все потом так и происходило, словно по сценарию…

Второй акт. После сентябрьских разоблачений в Кабуле постепенно началась активная, но скрываемая от Амина работа по склонению Н. Тараки к прощению и согласию на амнистию Бабрака. Н. Тараки, особенно после подписания в декабре Договора, шел на уступки. Как председатель Революционного Совета, глава правительства и Генсек НДПА, он к тому времени уже достаточно передоверил многие практические вопросы в стране и армии Амину, поначалу с восторгом и умилением наблюдая сверхэнергичную деятельность Хафизуллы. Однако встретив его неуступчивую, принципиальную позицию по поводу возможного возвращения Бабрака и других лидеров «парчама» и сотрудничества с ними, постепенно начал раздражаться. Не исключено, что это тоже делалось умышленно ради

провоцирования разногласий между ними. Но результат был именно такой.

Нередко масла в огонь добавляла «банда четырех» (как их называл Амин) в составе Ватанджара, Гулябзоя, Саравари и Маздурьяра, постоянно жаловавшихся Тараки на «наезды» со стороны Амина. Дело в том, что эти отличившиеся во время событий 27.04.78 года совсем еще молодые ребята, получив министерские посты, иногда были не прочь «расслабиться». За то они и получали и от Амина, и от Заплатина, пытавшихся их урезонить и удержать от поступков, по большому счету дискредитировавших новую власть. Надо знать особенности пуштунского характера, чтобы понять, сколь болезненно это могло восприниматься.

Особую остроту этим процессам придавало соперничество между Амином и ярым сторонником Тараки — Ватанджаром — по поводу дележа должности министра обороны. Она являлась ключевой для обладания реальной властью в стране. Отдав ее Ватанджару после гератских событий еще в апреле, Тараки тем самым положил начало противостоянию с Амином. В июле он вынужден был вернуть Амину руководство армией, но это еще более усилило конфронтацию между сторонами.

В июле — августе 1979 года трения между Н. Тараки и Х. Амином достигли апогея. Большую лепту вносили и советские представители, нагнетавшие накал страстей — дескать, Амин узурпировал власть и единолично распоряжается ею, игнорируя Тараки, вождя Саурской революции…

То, что без устранения Амина в Кабул Бабрака не вернуть, Андропову было понятно намного раньше. Да и нетерпение и консультации Бабрака также были целенаправленны.

Следовательно, формирование «мусульманского» батальона с мая 1979 года, почти одновременная подготовка «ломакинского» батальона ВДВ, появление в Кабуле тем же летом «Зенита-1» — конкретные этапы разработанного плана, ясного для Андропова, но еще смутного для военного ведомства и МИДа.

Далее следует третий акт. Действующие лица — все те же.

Охота на Амина

Ранее упоминался эпизод о похищении и убийстве американского посла в Кабуле Адольфа Дабса. Утром 14.02.79 года он был захвачен неизвестными при весьма загадочных обстоятельствах — остановил машину в непредусмотренном месте, разблокировал изнутри и открыл незнакомцам дверцу автомобиля; при нем оказался чемоданчик с личными вещами и туалетными принадлежностями, словно заранее собирался на ночлег вне посольства, и т. д. При попытке освобождения он был смертельно ранен. Штурмом руководил лично Амин.

Среди прочих версий развития событий появился намек — мол, Дабсу была известна информация о сотрудничестве Амина с ЦРУ и последнему было необходимо убрать того. Во-первых, автор этой байки нам уже знаком. Во-вторых, исходя из складывавшихся международных реалий, сочинять подобное мог лишь человек, считающий идиотами всех остальных.

Н. Иванов в своей книге приводит фразу Андропова из доклада Генсеку: «Амину была очень выгодна смерть посла!» Руководитель ведомства, запустившего утку об «агенте ЦРУ», утверждает, что тому была выгодна смерть посла страны-покровителя?

Такая версия, откуда бы она ни исходила, была явно сомнительной. Если в природе и существовало подобное «досье» ЦРУ на Амина как на агента, то о нем было бы известно не только А. Дабсу. Следовательно, и покушаться на него не имело смысла. Наоборот, Амин отлично осознавал, что гибель посла была чревата серьезным обострением отношений между США и ДРА и последующим, более активным вмешательством Америки в необъявленную войну на стороне оппозиции. Ему вряд ли было известно о разработках зарубежных «экспертов», но он был достаточно умен и пытался принять энергичные меры по спасению посла.

В российских источниках редко приходилось встречать, что афганская сторона до штурма комнаты № 117 в гостинице «Кабул» предложила посольству США выступить в роли посредников и сообщить Дабсу на немецком языке (он владел им), что он должен упасть на пол или укрыться в ванной комнате в момент, когда услышит первые, сигнальные выстрелы. У американцев это почему-то не получилось. Правда, в таком случае это могли сделать и афганцы. Очевидцы утверждают, что вели себя янки там как-то странно. Поразительно, просто неестественно спокойно во время переговоров через дверь

гостиничного номера вел себя посол. У некоторых присутствовавших сложилось впечатление, что и террористы словно не предполагали трагического для себя конца.

И еще. Захватившие посла террористы, якобы принадлежавшие к одной из маоистских группировок, выдвинули требование в обмен на посла освободить из заключения нескольких своих сторонников. Однако сразу же «прокололись», так как некоторые из предъявленного списка уже были то ли освобождены год тому назад, то ли их уже не было в живых. Явно действовала «третья сила», ибо истинным руководителям о том было бы известно. Авторы «Вируса «А» полагают, что накануне вечером в ресторане той же гостиницы некоторые очевидцы видели А. Дабса в обществе нескольких людей, очень похожих на захвативших его террористов.

Как бы там ни было, но убийство посла, к тому же имевшего русские корни, оказалось выгодно тем, кто выражал наибольшую заинтересованность в вовлечении США в дела Афганистана, а именно — Израилю.

То, что Андропов еще в феврале начал «наезжать» на Амина, говорит о многом. Применяя «двойной стандарт», своим атакам он подвергал только Хафизуллу, щадя при этом Тараки, хотя отлично был осведомлен о самой активной и не меньшей причастности Тараки к творимым жестокостям и репрессиям. Опять случайность? По свидетельству Заплатина, например, именно Тараки во время мятежа жителей и 17-й пехотной дивизии в Герате в марте 1979 года намеревался авиаударами стереть город с лица земли, и сделал бы это, если бы не решительное сопротивление руководства аппарата военных советников. Лишь их аргументация об исторической ценности этого древнейшего города и невиновности основной массы его мирного населения в конечном счете остудила его не в меру горячую голову. Приходилось читать в воспоминаниях «зенитовца» В. Курилова, как в его присутствии ставленник Тараки министр госбезопасности А.Саравари лично расстрелял строй военнослужащих, участвовавших в мятеже Джелалабадского гарнизона летом того же года. (Курилов В.Н., повесть «Операция Шторм-333», не путать с похожим названием книги Н. Иванова.) Позже, позабыв о собственно содеянном (и не только упомянутом), Саравари обвинял в кровожадности Х. Амина. Спору нет, основания на то у него были, но ведь ответственность за репрессии несли в равной степени оба лидера и их приближенные, а не только Амин.

Как любой человек при общении с окружающими, Х. Амин наверняка чувствовал, откуда ветер дул. Естественно, у него были

и свои источники информации.

В конце лета события стали вступать в решающую фазу.

«Дело было так, — напишут великолепно информированные в кабульской кагэбэшной «кухне» В. Самунин и В. Снегирев. — В конце августа с Саравари и Ватанджаром негласно встретился Б.С. Иванов, пожелавший из первых рук получить подтверждение о готовящемся путче. Афганцы заверили его, что сразу после отъезда Тараки в Гавану на очередную сессию Конференции Движения неприсоединившихся государств Амин начнет аресты всех его противников… Оба говорили о своем желании упредить Амина и нанести удар первыми… Внимательно выслушавший их генерал-лейтенант Б.Иванов… призвал проявить выдержку… Впрочем, он сказал это, видимо, так, что оба афганца ушли с уверенностью в поддержке своей миссии. Советские товарищи явно не возражали против их решительных действий».

Как известно, никакого аминовского путча в отсутствие Тараки не состоялось, просто «на воре шапка горела». Помимо КГБ в деле явно был и Тараки. Чуть ниже мы узнаем, как Андропов заверит Брежнева в предстоящей гарантированной ликвидации Амина. Кстати, Б. Иванов, располагая в таком случае информацией о готовящемся покушении на Амина, вовсе не озаботился о его предупреждении хотя бы ради сохранения стабильности в афганской верхушке, что, помимо всего прочего, отвечало бы и интересам СССР, безопасности которого он обязан был служить верой и правдой. Он ведь в другой ситуации, не будь плана уничтожения Амина, наверняка принял бы подобные меры. Наоборот, «после совещания у посла с участием Сафрончука (советник-посланник, личный представитель А. Громыко), представителей КГБ и ГРУ (? — *Авт.*), было решено направить в Москву телеграмму, подтверждающую достоверность коварных планов афганского премьера». Вопрос в отношении участия ГРУ возник у меня оттого, что генерал армии И. Павловский не только отказался ее подписывать, но и направил свою, противоположного содержания, чем, говорят, вызвал сильное раздражение начальника ПГУ В. Крючкова.

Отдаю должное ловкости авторов, сумевших и фактуру донести, и вроде как увести подозрения от роли и непосредственной причастности личного представителя Андропова и Конторы ГБ. Однако, забыв о конспирации, они же через несколько десятков страниц открытым текстом сообщат, что «планы по ликвидации Амина вызревали на Лубянке и в Ясенево (штаб-квартира ПГУ) с конца лета», «приговор Амину был вынесен», «маневры ПГУ в Европе, связанные с подготовкой находившихся в эмиграции парчамистов к будущему новому

перевороту Крючков на встрече (10.09) раскрывать не стал, эта информация оставалась засекреченной даже для коллег из ГРУ…». На эти фразы хотелось бы обратить внимание тех, кто, пытаясь выгораживать Андропова, винит Устинова. И еще, судя по осведомленности, например, временного представителя США в Кабуле Амстутца, эмигранты в силу присущей всем афганцам специфики очень оперативно «сливали» кому-то всю информацию о проводимой с ними работе КГБ по подготовке к перевороту и свержению Амина. Иначе откуда бы у него взялась вдруг необычная прозорливость, когда в своем донесении Госсекретарю США еще от 18.09.79 г. он напишет: «Поразительно, но Амин выживает, несмотря на заговоры против него, которые следуют один за другим… Лично я не дал бы ему более 50 процентов шансов, что он останется у власти в этом календарном году. Я считаю, что его шансы умереть в постели в преклонном возрасте равны нулю».

4 сентября 1979 года Тараки вылетел в Гавану на конференцию. В поездке его сопровождал министр иностранных дел Шах Вали и главный адъютант майор Саид Тарун — человек, преданный, однако, Амину. 7 сентября в Гавану позвонил начальник КАМ (служба безопасности) Сарвари, сообщивший Н. Тараки о последней вспышке конфронтации с Амином и завершении подготовки к исполнению некоего плана.

Судя по последующим событиям, Тараки знал, о чем шла речь. Возвращаясь через Москву, на встрече в Доме дружбы с афганскими студентами и военнослужащими, обучавшимися в СССР, Тараки 10 сентября уже позволит себе самоуверенно и во всеуслышание произнести: «У нас в партии образовалась раковая опухоль, но мы ее очень скоро вычистим!» Об этом сразу же стало известно и предполагаемому «пациенту» Амину.

В тот же день Н. Тараки был приглашен на встречу с министром иностранных дел СССР А. Громыко. Дальше развивался совсем уж детективный сценарий с появлением там вождя «здоровых сил нации» и пока еще невидимого фронта — Б. Кармаля. По причине секретности подготовленного Кремлем сговора лидеров «хальк» и «парчам», Шах Вали приглашен не был, что само по себе явилось беспрецедентным. Более того, оказалось, что Тараки был удостоен тайной аудиенции и у Самого. Через день, в Кабуле, подозрительный и чуявший недоброе Амин будет настойчиво допытываться, почему Тараки отправился к Громыко в одиночку. О встрече с Брежневым сообщений не было.

В ходе беседы Громыко убедится в готовности двух бывших врагов к компромиссу, а «проблему» Амина посоветует решить отправкой Хафизуллы послом в одну из соцстран. Тараки вроде

согласился. Этот факт может служить основанием полагать, что Громыко в отличие от Андропова о готовящемся покушении либо не знал, либо притворялся.

На следующий день перед вылетом из Москвы, прямо на аэродроме, в зашторенном автомобиле для Тараки будет организована еще одна встреча с Бабраком. Возможно, окончательно оговаривались вопросы, не подлежавшие огласке в ведомстве Громыко. Значит, здесь уже действовали люди Андропова.

Как окажется через полтора месяца, Тараки видел Бабрака последний раз в своей жизни. Однако улетал он в полной уверенности, что по прибытии в Кабул в живых Амина уже не будет. К тому времени Тараки все мосты уже сжег.

Почти одновременно с ним в Афганистан прибудет и Бабрак Кармаль. Но тайно, на другой аэродром, Баграмский, где и будет укрыт в одном из дальних капониров под надежной охраной чекистов и ломакинских десантников. Там он будет нетерпеливо ожидать отмашки из Кабула на триумфальное возвращение.

Так называемый «ломакинский» (по фамилии комбата подполковника Ломакина В.И.) парашютно-десантный батальон (ПДБ) из состава бывшей Ферганской дивизии ВДВ еще с 7 июля 1979 года под видом то ли «школы сержантов», то ли «отряда технических специалистов» был размещен на авиабазе в Багграме. Почти одновременно туда прибудет спецотряд КГБ «Зенит-1», а в сентябре, накануне предполагавшегося покушения на Амина, — «Зенит-2». Учитывая, что спецназ КГБ обычно появлялся перед «главными» событиями (как это было в сентябре, октябре и декабре), резонно возникает вопрос: какая же пока неведомая миссия могла возлагаться на «Зенит-1» еще в июле? Что-то еще замышлялось, но не состоялось? Возможно, в связи с ожесточившейся схваткой между Амином и Тараки по поводу должности министра обороны? Ничего другого существенного в середине лета не происходило, если не считать появившихся вдруг листовок об «агенте ЦРУ». Однако в воспоминаниях офицеров из состава первой команды на то нет и намека. Возможно, в верхах еще не было решения, но подготовка шла.

Официальными задачами, поставленными В. Ломакину, являлись охрана и оборона аэродрома, обеспечение безопасности полетов, а при необходимости — высадки «дополнительных сил и средств».

Эти самые «силы и средства» в лице Б. Кармаля и его сопровождающих впоследствии будут неоднократно прибывать под надежную охрану ПДБ и «зенитовцев» накануне каждой очередной попытки покушения на Амина, немедленно исчезая

вслед за их провалами. Лишь 27 декабря батальон выполнит главную задачу, ради которой и находился полгода в Баграме. Накануне он примет под охрану Бабрака, а затем вслед за убийством Амина доставит в Кабул нового лидера.

Следовательно, замысел на свержение Амина и тем самым замену пуштунской власти на «таджикско»-бабраковскую проясняется в деталях по целям, исполнителям, месту и времени, конкретизируясь как минимум с апреля — мая и опять случайно и полностью вписывается в задуманное З. Бжезинским.

Вряд ли Амин знал о московских встречах Тараки с Бабраком. Однако о готовящейся на него засаде 11 сентября по пути на аэродром для встречи «учителя» он был предупрежден, что тогда спасло ему жизнь. Он изменил маршрут и заставил самолет с Тараки лишний час кружить над аэродромом, пока его люди проверили дорогу, обеспечив безопасность. Сотни встречавших в аэропорту с недоумением глазели на непонятные маневры правительственного борта в воздухе.

Существует еще одна версия, что Амин якобы тоже и одновременно готовил покушение на возвращавшегося Тараки, намереваясь сбить его самолет над Кабулом, но «бдительный и преданный президенту Саввари успел чуть ли не в последний момент заменить зенитные расчеты, и коварный замысел Амина был сорван». К сожалению, к распространению этой байки причастны и некоторые уважаемые авторы. Видимо, они просто повелись на чью-то недостоверную информацию.

Сомневающимся поясню: во-первых, если бы Амин готовил свержение Тараки, он в первую очередь и без проблем арестовал бы «банду четырех» еще до его возвращения. Он этого не сделал. Более того, Амин лишь после прибытия Тараки поднял вопрос о снятии «четверки» с занимаемых постов, но отнюдь не об их аресте. О том речь пойдет лишь через двое суток, когда у него появится более подробная информация. Во-вторых, «заменить расчеты» можно было бы при наличии резервных, которых, увы, взять было просто неоткуда. Допустим, произошло недопонимание, и авторы имели в виду что-то вроде временного отстранения их личного состава от выполнения обязанностей или ареста. Опять же, какие конкретно расчеты? Если таковые были, то Амин наверняка держал бы столь серьезный замысел под контролем и никому походя вмешаться в его планы не удалось бы. Как покажут затем события последующих дней, реально хозяином положения в стране уже был именно он, без особых помех пресекая неуклюжие попытки заговорщиков, действия которых оказывались возможными лишь благодаря поддержке извне. Подтверждений по поводу подобных замыслов Амина

среди советников пока не нашлось. И вряд ли найдется.

В-третьих, именно в этой зенитно-артиллерийской части сильны были позиции как раз Тараки, а не Амина, что впоследствии было подтверждено намерением ее командования принять меры к спасению Тараки после его изоляции 14.09, а также готовившимся (но не состоявшимся) участием полка в антиаминовском мятеже спустя месяц. Поэтому Хафизулла, будь у него и впрямь подобное в мыслях, вряд ли бы задействовал командование или часть дежурных расчетов этого полка.

В-четвертых, при всем коварстве и уме Амина приписывать ему такую глупость или подлость, как вероломный расстрел правительственного самолета над городом среди бела дня, да еще при всем честном народе, — явно плод больного воображения. Распространители таких измышлений, видимо, не в курсе, что еще существовала ракетная бригада ПВО (где проходил службу один из моих однокашников-«персов» Михаил Ежиков), и, будь у Амина такое на уме, он бы скорее применил ракеты, чтобы, не засвечиваясь, сбить борт с вождем еще на дальних подступах, свалив потом все на кого угодно. Однако в той бригаде все было тихо, никаких похожих телодвижений тоже отмечено не было.

В-пятых, даже будучи уже осведомлен о заговоре и попытке покушения на него 11 сентября, а затем чудом спасшись от смерти 14-го (о том ниже), он, по крайней мере, проявил определенную выдержку и ответные меры в отношении Тараки предпринял лишь на основании решений состоявшегося 16.09 пленума ЦК НДПА и Ревсовета страны. Кстати, и без зениток никто не помешал бы ему провести эти решения накануне прилета Тараки, так как, еще раз подчеркну, вся реальная власть уже была сосредоточена в его руках. Но он этого не сделал по той простой причине, что еще не был спровоцирован. Да и вряд ли хотел. Лишь оказавшись перед фактом, когда решался вопрос «кто кого», вынужденно, только вынужденно пошел на крайние меры, да и то заручившись поддержкой высших органов коллегиальной власти. Он однозначно действовал с оглядкой на СССР, и беспричинно по ситуации на 11.09 пойти на устранение Тараки не посмел бы… В отличие от него Тараки внаглую и подло шел на спланированное в Москве убийство соратника. Следовательно, Хафизулла был гораздо честнее и порядочнее своего «учителя».

В-шестых, в сов. секретной Записке «Об обстановке в Афганистане…», подписанной Андроповым и Громыко и представленной на заседании Политбюро 31 октября 1979 года, невзирая на чрезмерное количество обвинений в адрес Амина, о том ни слова. Представим, каким мощным аргументом это могло

явиться, случись оно на самом деле. Ее авторы — люди были исключительно информированные и ушлые, а потому смогли позволить себе кое-что в ней скрыть, но только не компромат на обреченного Хафизуллу. Значит, чего не было, того не было.

И, наконец, в-седьмых… Скорее всего, «зенитная версия», неуклюжая и лживая, как и некоторые другие описания об обстановке в Афганистане тех дней, была наспех придумана для отвода глаз от истинных событий, связанных с охотой на Амина.

Практически во всех источниках сообщается, что Амина предупредил об опасности верный ему С. Тарун. Это может быть заблуждением, так как окончательный план устранения Амина группой снайперов и гранатометчиков созрел у Саравари в отсутствие Таруна, находящегося в Гаване, о чем Тарун попросту не мог знать вплоть до возвращения в Кабул. Версия, что Тараки мог проговориться уже в самолете, критики не выдерживает, так как вряд ли бы он это сделал. Да и Тарун выйти на связь с Амином в полете практически не мог. Если накануне в Москве и могли быть его какие-то телефонные переговоры с Кабулом, то они наверняка контролировались «прослушкой» сноудэнов из КГБ.

Скорее всего, прав автор «Трагедии Афганистана» Р. Анвар, за два с половиной года тюремного заключения в Пули-Черхи (1980–1983) накопивший для ее написания обильную информацию от сокамерников — бывших аминовских министров, приближенных и членов семьи Хафизуллы.

По его данным, Тарун действительно сделает это, но только в другом случае, через два дня. А о подготавливавшемся покушении 11.09 Амина предупредит заместитель начальника КАМ Саравари и его же родной племянник Акбари. Акбари по приказу своего дяди, уж никак не ожидавшего подобного предательства от ближайшего родственника, должен был отвечать за подготовку снайперов и гранатометчиков для «стрельбы по быстро двигающемуся автомобилю».

Этот факт косвенно подтверждается тем, что именно Акбари будет назначен Амином начальником КАМ буквально сразу же вслед за приказом об аресте Саравари.

Уважаемый мною генерал Александр Ляховский в книге «Трагедия и доблесть Афгана» (один экземпляр ее он подарил мне еще в далеком 1995-м) напишет: «Советские руководители сначала хотели направить для охраны Генсека НДПА «мусульманский батальон». Майору Халбаеву 10 сентября поставили задачу сдать все документы… выдвинуться на ташкентский аэродром, там личному составу переодеться в афганскую форму и вылететь в Кабул… (Не в Баграм, а сразу в

Кабул — слишком высоки были ставки! — *Прим. авт.*) Однако… последовала команда отставить. Ю. Андропову якобы удалось убедить тогда Л.И. Брежнева и Н.М. Тараки, что направлять батальон нет необходимости, так как Х. Амин будет уже в ближайшее время нейтрализован…»

Достоверность факта подтверждается хотя бы тем, что колонна «ГАЗ-66» батальона уже втягивалась в ворота аэродрома, когда была остановлена будущим руководителем штурма дворца Амина полковником Колесником В.В. и возвращена на базу. Однако, как будет потом рассказывать Хабиб Таджибекович и другие причастные из ВДВ, команда «Отбой!» в тот день общей готовности не отменяла.

Итак, во-первых, ясно, что Андропов уже действовал с ведома Брежнева, который и «дал добро» на уничтожение одного из лидеров соседней страны. Во-вторых, доводы и аргументы шефа КГБ оказались настолько весомыми и убедительными для Генсека, что он вынужден был с ними согласиться вопреки собственным, как оказалось позже, более предусмотрительным намерениям. Поверил им и Тараки.

В-третьих, можно только представить, на каких гарантиях своих людей в Кабуле (или еще кого-то?) зиждилась исключительная уверенность Андропова — переубеждал-то он самого Брежнева!

А. Ляховский продолжает: «Однако акция по устранению Амина провалилась, он поехал на аэродром встречать «учителя» по другой дороге, благополучно миновав устроенную для него засаду… Поэтому по прибытии в Кабул Н. Тараки увидел среди встречающих своего преемника…»

Добавлю, что в момент появления Тараки из самолета, по свидетельству очевидцев, он растерялся. Сильно побледнев, встревоженно начал высматривать среди встречавших своих ближайших соратников, причастных к заговору. Амин, перехватив его взгляд, усмехнулся — с ними пока все в порядке.

Если бы «акция» 11 сентября, а затем и 14-го удалась, то, возможно, и все дальнейшее пошло бы по иному руслу. Но все равно с таким же конечным результатом, как к 1989 году.

Дальше события развивались стремительно. Прибыв в свою резиденцию, Тараки сразу же встретился с заговорщиками. Он сообщил им, что в соответствии с рекомендациями советских товарищей сегодня же предложит Амину пост посла. А если тот заартачится — заставит его. Тараки при этом явно утратил чувство реальности.

Вот здесь как раз и начал играть свою роль С. Тарун, сообщив Амину замысел оппонентов. Тот решил упредить события.

Заготовив приказ об увольнении «четверки», он явился вечером к Тараки, который лишь мельком взглянув на документ, начал произносить заранее приготовленную речь. Смысл ее сводился к тому, что в сложившейся в стране и партии ситуации Амину следовало бы ненадолго уехать послом за границу, а по мере ее улучшения его вызовут обратно. Если верить Р. Анвару, Амин не позволил Тараки продолжать и закричал: «Это вы должны уйти! Из-за пьянства и возраста вы выжили из ума!» Вскочив, он быстро ушел. Амин в любой момент мог занять главный пост, а ему предлагают уехать из страны!

По возвращении домой он тут же позвонил Тараки и добавил: «Если вы не уволите этих четырех и не передадите их мне сейчас же, начиная с этого момента я не подчинюсь ни единому вашему приказу!»

В течение двух суток шли лихорадочные консультации Тараки со своими соратниками и советской «четверкой» в составе посла А. Пузанова, Главкома Сухопутных войск генерала армии И. Павловского, главного военного советника генерал-лейтенанта Л. Горелова, генерал-лейтенанта КГБ Б. Иванова.

Борьба между двумя лидерами НДПА вступила в завершающий этап.

* * *

В это время Сарвари предложил еще один вариант устранения Амина — пригласить его на обед 13.09 с участием всей «банды четырех» (афганской, конечно) якобы с целью примирения и просто застрелить, как только тот появится. Однако Сарвари вновь ввел в курс дела своего заместителя Акбари, который тут же предупредил Амина. Эту же информацию передал Хафизулле и Тарун. Амин отклонил приглашение на обед, заявив, что предпочитает услышать указ об их увольнении до обеда.

Тогда у Сарвари и созреет план с вовлечением советского посла якобы в качестве миротворца, а фактически — «подсадной утки». Заговорщики были уверены, что на такую встречу Амин согласится, к Тараки придет, где и будет ликвидирован. На этот раз почти все сработает, хотя верный Тарун вновь предупредит его, что «готовится что-то скверное».

Подтверждает это в своих воспоминаниях и бывший руководитель представительства КГБ Л.П. Богданов: «Утром (14.09) мы поехали на встречу (с Амином) вместе — Борис Семенович, переводчик и я… Потом в его кабинете появился

майор Тарун и стал что-то взволнованно говорить премьеру на пушту. Видимо, уловив наше недовольство, он дал понять Таруну, чтобы тот перешел на русский, которым хорошо владел (у него жена была русская). Тарун сказал следующее: «Я предупредил товарища Амина, чтобы он отказался от сегодняшнего приглашения прибыть на обед к товарищу Тараки. Если он появится во дворце, то будет убит. В кабинете Тараки специально приготовлен автомат Калашникова, а в письменном столе лежат два заряженных пистолета». Амин глядел на нас с плохо скрываемым торжеством: «Ну, что теперь скажете? А несколько минут назад точно такое же предупреждение мне сделал по телефону Якуб (начальник генштаба). Так ехать мне на обед или нет? Жду вашего совета». Мы с Ивановым переглянулись. Ситуация возникла щекотливая. «Я бы на вашем месте поехал, — ответил Борис Семенович. — Но окончательное решение за вами». («Вирус «А», с. 408–409.)

Эти же авторы чуть раньше, на с. 399–400, «сдают» и самого Богданова, в ночь на 13.09 срочно прибывшего из Москвы в Кабул и вскоре встретившегося с одним из главных заговорщиков — Сарвари, после чего он, по его же словам, позвонил Крючкову: «Надо немедленно нейтрализовать Амина, иначе будет поздно». Интересно, посмел бы он вдруг предложить подобное шефу, не имея на то установок? Судя по всему, Богданов как бы развивал ранее решенное. А позволил бы Крючков такое вольнодумство подчиненному, не имея на то соответствующих приказов сверху от Андропова? Думаю, ответ очевиден.

Вечером того же дня, 13.09, Богданов опять встретился с Сарвари, который в беседе с глазу на глаз тихо спросил: «Как отнесется Советский Союз, если мы ликвидируем Амина?» Я снова, в который раз, прибег к выработанной формулировке: «Мы выступаем за единство в афганском руководстве, это наша принципиальная позиция. Лично я считаю, что (внимание! — *Авт.*) нельзя кому-либо позволить расколоть партию. Больше я вам сказать ничего не могу. Это ваше внутреннее дело». Но Сарвари, кажется, понял меня так, что мы не будем возражать против реализации его радикальных планов. «Эх, как мы не догадались сделать это раньше! Я собственными руками должен был задушить Амина, когда он приходил к Тараки». (От автора: при его атлетизме и свирепости он был действительно на это способен.)

Итак, если читать между строк, Богданов не удержался от более чем откровенных признаний — ну должна же страна знать своих героев! Напомню, что еще утром он звонил В. Крючкову по поводу необходимости «немедленной нейтрализации Амина».

Завтра утром они с Ивановым выступят свидетелями того, как преданный Тарун будет предупреждать Амина об опасности на обеде…

Накануне в ночь на 14 сентября Б. Иванов участвовал в спектакле, когда советский квартет попытался сделать «ход конем» — создать у Амина видимость попыток руководства СССР к примирению сторон. Обоим — Амину и Тараки было зачитано обращение к ним «лично Леонида Ильича Брежнева», составленное наспех, а потому не до конца продуманное — его содержание фактически означало вмешательство во внутренние дела суверенного государства. Но уже было не до тонкостей… Решался вопрос «кто — кого».

Однако утром Иванов вместо того, чтобы предупредить Амина о грозящей опасности, не моргнув глазом и лишь «переглянувшись» с Богдановым, «посоветовал» Амину на обед к Тараки все же отправляться. Уж кто-кто, а он-то знал предстоящий сценарий и действовал только согласно личным указаниям Андропова, но в отличие от Богданова до сих пор хранит молчание…

Похоже, теперь понятно, кто на самом деле выдал Таруна, который вновь, теперь уже 14.09, предостерегал Амина от отправки в резиденцию Тараки и который через несколько часов погибнет сам.

Амин «клюнул», так как не подозревал вовлеченности советской стороны в попытки его ликвидации. Более того, присутствие у Тараки посла А. Пузанова, всей «четверки» вроде как гарантировало ему безопасность. Не возникнет у него подозрений вплоть до штурма его дворца вечером 27 декабря…

Перед этим Амин вновь перехватит инициативу, объявив о раскрытии заговора 11 сентября и снятии «банды четырех» с министерских постов.

По версии же Пузанова и других, получив днем 14.09 информацию о приказе Амина об аресте злополучной «четверки», наши представители расценили это как объявление им войны Тараки и якобы «решили спешно отправиться в резиденцию Тараки, чтобы вновь пригласить туда Амина и там опять попытаться убедить его» пойти на мировую.

Прокол рассказчика в том, что отправились-то они не в резиденцию Амина (где еще утром побывали два главных чекиста), чтобы там же и «убеждать» его, а именно к Тараки, куда Сарвари планировал заманить Хафизуллу и о чем ведали, но не сообщили предполагавшейся жертве Иванов с Богдановым.

Там они находились какое-то время в ожидании Амина. Что еще обсуждалось в кабинете Тараки — мы вряд ли узнаем, так как

рассчитывать на откровенность и искренность оставшихся в живых участников не приходится. Слишком неблаговидна их роль.

Известно лишь, что два старших лейтенанта, адъютант Тараки — Касым и порученец Бабрак (не путать с Кармалем!) получили задачу допустить Амина. Причем, как подчеркивалось, без оружия и без охраны, что само по себе могло оказаться унизительным и спровоцировать того на взрыв эмоций.

Они тут же зачем-то приготовили свои автоматы. В конце 1978 года Касым, как один из наиболее толковых, был отобран В. Заплатиным на должность начальника политотдела Баграмского авиагарнизона. Однако Тараки забрал его к себе. Заплатин вначале пытался возражать, мол, товарищ Тараки, это же лучшие кадры… на что тот отпарировал: «А мне, по-вашему, брать худших?» Заплатин, понимая важность этого назначения в ближайшее окружение первого лица, конечно, уступил. Вскоре Касым стал наиболее преданным и доверенным адъютантом.

Различными авторами описывается сцена, когда Бабрак и Касым, увидев приближавшегося снизу по лестнице Амина в сопровождении вооруженных С. Таруна, адъютанта Амина — Вазира Зирака и трех охранников, якобы по своей инициативе вдруг открыли огонь на поражение. Мол, была же команда без охраны и оружия!

Потом, в Союзе, А. Пузанов будет «трамбовать» эпизод: «Все в кабинете вскочили, засуетились, забегали… в окно увидели бегущего к машине Амина… Наверное, нам надо поехать к Амину, — предложит он же, — попытаемся узнать, в чем дело». Стрельба была рядом, за дверью, а «прояснять» случившееся он намеревался не с соучастниками здесь же, а где-то. Как видно, даже спустя годы он ничего более вразумительного так и не придумал, не смог.

Вкратце хочу подвести итог вышесказанному и подвергнуть дополнительному анализу сложившуюся ситуацию.

Итак, если существовала зарубежная разработка (а она, как выясняется, существовала), то нужны были ее исполнители, причем в высших кругах советского руководства. Бжезинский в геополитике являлся многоопытным практиком и знал, что делал. По-видимому, он был абсолютно уверен в возможностях тех, кому доверялась реализация «проекта». Надо полагать, существовал и соответствующий канал, по которому доводились все установки и отрабатывалось взаимодействие. Такие возможности мог обеспечивать, например, постоянный официальный представитель «МОССАДа» (!) в Москве. Да мало ли у него было и других возможностей, в том числе и «своих лиц в Москве»!

Одним из ключевых моментов при этом, как уже отмечалось, являлась замена вождя-пуштуна на нацмена. Кроме Б. Кармаля, других кандидатур в Афганистане от потомков БУНДа не было. Но на его пути существовало главное препятствие в лице Амина. Его необходимо убрать во что бы то ни стало. Именно в этом направлении как раз и действует Андропов. Игнорируя и не давая ходу любой информации, кроме дискредитировавшей Амина в глазах Брежнева, а затем, после 27 декабря, — и общественности.

Попытка убийства Амина 11.09 провалилась. Идя по следу, достаточно умный и энергичный Амин приказывает арестовать преданных Тараки министров. Они, по информации Акбари, — главные заговорщики, свидетели… И если безжалостный Амин их схватит и подвесит за самые чувствительные места, то вытрясет из них все. И «раковую опухоль» вычищать уже будет он. Конец Тараки, который может попутно сдать и Брежнева, и Андропова, и Бабрака (напомню, находившегося совсем рядом, в Багграме).

Троих из «четверки» наши спецслужбы срочно, через несколько дней, «эвакуируют» в СССР в деревянных ящиках, похожих на гробы.

Ждать другого подходящего момента уже некогда, времени просто нет. День-два, и Амин доберется до свидетелей рангом пониже. И, судя по всему, уже почти добрался. Для московских и прочих масонов это означало серьезные проблемы в реализации всего проекта «Гиндукуш».

Такова была в общих чертах ситуация к утру и до обеда 14.09. Попробуем разобраться с состоянием собравшихся у Тараки, ведь до прибытия Амина они провели там какое-то время. Надо думать, что-то решили.

Сначала о Тараки. Узнав утром о приказе Амина арестовать ближайших к нему соратников и возникшей опасности быть разоблаченным, он наверняка воспринял это как последний звонок. Следовательно, здесь и сейчас должен был идти ва-банк. С чьей помощью? Ну не сам же! По плану непосредственными исполнителями должны были стать Саравари, Гулябзой и Ватанджар, появившиеся, по расчетам, за 30 минут до прибытия Амина. Заранее приготовленное оружие уже находилось в кабинете Тараки. Но заговорщики под внезапно возникшей угрозой ареста срочно скрылись… В нескольких источниках приходилось встречать, что накануне у Тараки под каким-то предлогом побывали два офицера-танкиста из 4-й танковой бригады, но они были выслежены сторонниками Амина и тут же уволены из армии. По версии Раджи Анвара, именно на них якобы возлагалась задача расстреливать Амина. Судьба их неизвестна. Под рукой оставались лишь верные и надежные Касым и Бабрак.

Тарун уже был «вычислен».

Что касается нашей «четверки», то им, конечно, было легче. По крайней мере, их жизням ничего не угрожало, инициатива и «право» первой очереди были у них, хотя ситуация могла развиваться и вопреки сценарию. Я далек от мысли, что они могли тогда что-либо знать о существовании зарубежных разработок, но они оказались на острие событий, ведомых Андроповым. В этом была их беда. Уверен, что они по мере своих возможностей старались честно и добросовестно выполнять свой долг и были патриотами. Но волею судьбы они оказались не в том месте и не в то время. Из всех четверых тяжелее всего приходилось, пожалуй, лишь доверенному лицу Андропова — Б. Иванову. Без сомнений, он накануне получил основательную взбучку от разгневанного Юрия Владимировича. Тот должен был оправдываться перед Брежневым вопреки своим клятвенным заверениям. Да еще испортил более предусмотрительный план Генсека с привлечением «мусульманского» батальона.

Нагоняй от Андропова за срыв «правительственного» задания — это было чревато. На таком уровне провинившимся и стреляться приходилось. Если вспомнить, к примеру, самоубийство 28 декабря 1979 года ранее упоминавшегося замминистра МВД генерал-лейтенанта Папутина В.С.

Остальные были вроде соучастников, по долгу службы имея соответствующие поручения от своих министров — Громыко и Устинова. Но те скорее действовали по фактической обстановке, не ведая истинной подоплеки событий. Они лишь знали, что так решили Брежнев с Андроповым.

Резко менявшаяся в худшую сторону обстановка, дефицит времени, нависшая над Тараки опасность, кремлевский пресс, отсутствие альтернативного выхода, и все это в крайне нервном напряжении явно требовало архисрочных, сиюминутных решений и тем более действий.

По поводу стрелявших. То, что о готовящемся на Амина покушении 13 и 14.09 его предупредил Саид Тарун, сомнений и сейчас ни у кого не вызывает. Тогда он еще был «свой» и пользовался доверием Тараки и остальных приближенных. Заговор готовился группой лиц, и лейтенанты прямо или косвенно были в него вовлечены. То, что они явно разделяли недоброе отношение к Амину, также очевидно. Они были молодыми и неискушенными. На службе исполнительные, добросовестные и дисциплинированные. Одновременно почтительные по отношению к вышестоящим, тем более к вождю Саурской революции. И вдруг так вот разом, спонтанно, одновременно вдвоем решились на самочинную расправу не над

кем-нибудь, а над самим Амином? Без ведома Нур Мохаммада Тараки, находившегося тут же за дверьми вместе с высокопоставленными советскими представителями? Шедшего по их приглашению фактически как гостя, убивать которого в своем доме противоречит пуштунским традициям?

Вряд ли. Рискну утверждать, что у них, стрелявших в упор буквально с нескольких метров, просто тряслись руки. Поэтому и не смогли поразить Амина. Скорее всего, у них в головах творился сумбур. Одно дело быть в курсе событий, другое — самим вдруг накануне получить такую задачу и стать исполнителями. Назавтра, не выдержав пыток, они признаются, что приказ на убийство Амина им за пару часов до этого отдал лично Саравари.

Потому и промахнулись, что тряслись. И Амина не преследовали — инструктажем не предполагалось. Растерявшись, Касым тут же кинулся к Тараки, впопыхах сообщив о смерти «предателя» Таруна, ранении аминовского адъютанта и исчезновении чудом уцелевшего Хафизуллы. Кто стрелял — всем присутствовавшим и так было понятно (кроме Пузанова). Касыму срочно требовались новые инструкции, так как подобный разворот сценария явно не предусматривался. Позже наши соучастники дружно пытались изображать из себя эдаких ошарашенных, ничего не понимавших, в то время как Касым, по их словам, «что-то сбивчиво докладывал Тараки на пушту, которым они, естественно, не владели»… Вроде бы так и не получив объяснений (из-за пушту?), решили за оными отправиться к Амину. Интересно, а как наша «четверка» общалась с Тараки до прибытия Амина, был ли до сей поры неведомый и еще нигде не упоминавшийся переводчик? Оказывается, был — по свидетельству А. Пузанова, в этой роли выступал второй секретарь посольства Дмитрий Рюриков, но пушту он не владел. Мог там присутствовать и референт, старший переводчик подполковник Иван Крамарев, который всегда сопровождал Горелова, но был ли он там в описываемый момент — точно не известно. Как утверждает Николай Пиков, он великолепно владел дари, однако пушту тоже не знал. Вношу ясность — русским языком владел пуштун Касым. Это — исключительно важное обстоятельство, снимающее многие вопросы касаемо там присутствующих… Они явно лукавят, наверняка тут же получив всю нужную информацию от него.

Действуй Касым и Бабрак по своей воле и инициативе, будучи настроенными столь яро и решительно покончить с ненавистным Амином, как это им приписывается, разве не ринулись бы они ему вдогонку с намерением добить? Времени-то

у них было предостаточно, так как Амину еще предстояло добраться по ступеням вниз до первого этажа, а затем до машины. Тем более что Амин, явно сохраняя самообладание, не просто удирал, а еще спасал и тащил за собой раненого, окровавленного адъютанта В.Зирака, пока его охрана, растерявшись, бездействовала. Вместо этого один кинулся к Тараки с вопросом «что делать?», а другой с перепугу застыл истуканом…

Учитывая вышеизложенное, нет оснований сомневаться, что присутствовавшие у Тараки неожиданно оказались перед каким-то чудовищным фактом вопреки их «миротворческой» миссии, как это до сих пор они пытались изображать. Не будем забывать, что в это самое время в Баграмском капонире в нетерпеливом ожидании находился Кармаль.

Попробуем оказаться на месте Тараки. Разве среагировал бы он так обреченно вслед за исчезновением Амина, произнеся «Это конец!»? Будь он на самом деле поражен неожиданным сумасбродством подчиненных, разве не арестовал бы их немедленно и не отдал бы под трибунал, доказывая свою непричастность? Не кинулся бы сразу же к Амину? Ведь Тараки вовсе не был тем мягкотелым «пожилым теоретиком», каким его иногда изображали. Он вместе с Амином безжалостно и беспощадно руководил расправами над парчамистами осенью 1978 года и позже над участниками выступлений против новой власти. Так же хладнокровно он накануне принес в жертву Амина.

Однако в сложившейся ситуации Тараки ровным счетом ничего и не думал предпринимать в отношении «стрелков». Да и как он мог поступить иначе с преданными ему людьми, если они выполняли его волю? Проиграв, он был просто подавлен и растерян. Поэтому ничего и не предпринял, косвенно подтверждая свою роль.

Советская же «четверка», тоже растерявшись, двинулась к Амину, как сообщит потом Пузанов, «узнавать, в чем дело…». Благо резиденция того находилась рядом, через ограду. «Узнавать» у человека, только что едва не принявшего в себя несколько автоматных очередей в десятке метров от помещения, где находились и они, его туда же и пригласившие. Нужно было предпринимать хоть что-то в почти безнадежных попытках спасти Тараки. Заодно и как-то выкрутиться из положения. Вляпались-то они в него по своей инициативе.

Мне рассказывал В. Заплатин, как, вернувшись после обеда на службу и выйдя на балкон, наблюдал, как Амин усаживался в «мерс» и отправлялся к Тараки в соседнюю резиденцию. Через несколько минут там раздались выстрелы, вслед за которыми тут же обратно примчался Хафизулла. Весь взъерошенный и

растрепанный, он вначале пытался вытащить из машины окровавленного Вазира. Опомнившись, затолкал его внутрь и сразу же отправил в госпиталь. Он даже руки не успел вымыть от крови, как появились наши «миротворцы». Амин фактически бесцеремонно вытолкал их за дверь, объяснив, что это именно они его пригласили и подставили под пули, что именно Тараки вновь пытался его убить и что теперь они разберутся сами …

Оказаться в такой ситуации столь высоким должностным лицам — представителям великой державы — не позавидуешь. Поэтому позже многие авторы, пытаясь в какой-то мере сохранить лицо нашим «жертвам дипломатии», стремились доказать, что оказались они там случайно, что действовали по поручению Москвы, и не будь таких рьяных маньяков-адьютантов у М. Тараки, все было бы иначе.

Чуть ли не вчера некоторые из них по команде Андропова готовили «гарантированную нейтрализацию» Амина (кстати, очевидно дав ему те самые гарантии, убедившие и Брежнева не посылать мусбат), а сегодня они уже «миротворцы». Путь Бабраку из Баграма в Кабул открывала лишь смерть Амина. Случись она — и в тот же вечер прозвучала бы новость о свержении власти Амина «здоровыми силами нации», как на самом деле и произойдет позднее в декабре. А Тараки все равно вскоре уступил бы свое место Кармалю согласно расписанному сценарию.

«Миротворцы» тут же едва не совершили еще одну глупость. Оказавшись за дверьми Амина и лихорадочно соображая, что же предпринять, они намеревались поднять на выручку Тараки «ломакинский» батальон. Теряясь в догадках относительно намерений Амина, они с помощью Л. Горелова попытались через незапятнанного Заплатина прозондировать возможность применения батальона. Как станет известно, инициатива подобного варианта исходила из Москвы, согласно которой батальону предстояло бы действовать во взаимодействии со спецназом КГБ…

Со слов Заплатина, он вразумил более многозвездных генералов, что, во-первых, это будет означать неприкрытое вмешательство во внутренние дела Афганистана. А во-вторых, заметив какие-либо телодвижения нашего ПДБ, Амин успеет поднять, выдвинуть и развернуть еще на дальних подступах 4-ю и 15-ю танковые бригады (тбр). В лучшем случае танкисты остановят батальон на полпути и не допустят его дальнейшего продвижения. В худшем — в силу своего огневого и численного превосходства просто разнесут его вдребезги. При таком раскладе мы могли бездумно потерять не только своих ребят, но и Афганистан. Впрочем, возможно, это было бы даже лучше —

вообще не входили бы в ДРА. Кстати, именно 4-я тбр через месяц с небольшим подтвердит свою преданность Амину, решительно расстреляв мятежную 7-ю пехотную дивизию. Бывший командир 4-й тбр проживает сейчас в Москве и охотно поведал мне о тех событиях.

Кремль на реализацию такой идеи не решился. Однако генерала армии И. Павловского вскоре по его возвращении в Москву Устинов отправит в «райскую группу», то есть в отставку. Не исключено, что в том числе и за нерешительность при принятии решения на применение ПДБ, заодно и за негативное отношение к вводу войск в Афганистан.

К исходу 14.09 резиденция Тараки, где он проживал с семьей и некоторыми родственниками, была окружена войсками Амина. В течение почти полутора суток Тараки оставался в ней, время от времени отвергая предложения о помощи звонивших ему преданных командиров частей. Но по «советам друзей», лихорадочно искавших выход, он не решался на какие-либо самостоятельные действия, подписав тем себе приговор. Видимая его аморфность в той ситуации и какой-то паралич вследствие полной зависимости от московских сценаристов подтверждаются множеством свидетельств. Сломался он, скорее всего, от неожиданного срыва замысла по устранению Амина, накануне гарантированного могущественными, как ему наверняка казалось, кремлевскими лидерами.

В 1989 году в Москве мне приходилось встречаться с одним из племянников Тараки, учившимся в аспирантуре. А тогда, еще мальчишкой, он жил в семье у своего дяди, и все происходившее осталось у него в памяти. С его слов, лишь под вечер 15.09 Тараки все же решился отдать приказ верным ему частям идти на выручку. Но было поздно — телефонная связь была отключена. Вскоре Тараки был арестован, а на следующий день, 16.09, заочно обвинен и снят со всех занимаемых постов.

Сразу же были арестованы Касым и Бабрак, и их, растерзанных, волоком утащили на расстрел.

Свидетельствует «зенитовец» В. Курилов: «…А обстановка все накалялась… Все это отлично понимали. Здесь нужно было что-то решать. Если нам нужен Тараки — надо убирать Амина, если нас устраивает Амин — все оставить как есть. Двум медведям в одной берлоге не ужиться… Видимо, это понимали в Москве, но почему-то медлили с решением». В своей повести он с потрохами сдает Андропова, как автора упоминавшейся Записки к заседанию Политбюро 31.10.79, где будет цинично и лживо утверждаться о непричастности советской стороны к «событиям 13–16 сентября», то есть покушению на Амина. Лживость Андропова подтверждена

и авторами «Вируса «А». Спрашивается, зачем председателю КГБ, всего лишь якобы ошибавшемуся в оценках обстановки, да и то по вине подчиненных, понадобилась беспардонная ложь в Записке, адресованной Политбюро? Ошибки можно было бы понять… А бессовестно обманывать своих самых высокопоставленных коллег — это уже умысел. И подлость во имя достижения цели, к которой он настойчиво шел как минимум с июня 1978 года. А может, и раньше…

По сведениям В. Курилова, 15 сентября «Зенит-2» был приведен в полную боевую готовность к выполнению задачи по штурму еще прежней резиденции Амина в центре Кабула, захвату его живым или мертвым и тем самым спасению Тараки. Предварительная разведка резиденции и подступов, системы охраны, разбивка «зенитовцев» на штурмовые группы и прикрытие, вооружение — все было подготовлено, а план действий срочно утвержден в Москве. А кто мог его утвердить? Конечно, Андропов…

Невзирая на малочисленность «зенитовцев», расчет при кажущемся авантюризме был на внезапность. В ожидании сигнала на штурм бойцам уже неоднократно пришлось приложиться к «Столичной» от посольских щедрот, однако к вечеру поступила команда «Отбой». Возможно, Курилову не было известно, что это могло произойти по причине отказа от применения «ломакинского» батальона — слишком велик был риск.

Теперь становится понятным вызревавший было в Кремле и на Лубянке замысел — на усиление спецназовцев КГБ срочно перебросить в Кабул «ломакинский» парашютно-десантный батальон, а захваченного согласно плану «а-ля Скорцени» Амина надлежало тут же доставить на Баграмскую авиабазу и далее в Союз. Но при этом сразу же терялся фактор внезапности, как главная составляющая всей операции, поскольку батальону потребовалось бы несколько часов на совершение марша. Но хуже всего, как уже говорилось, могли быть последствия для него еще на марше в случае встречного боя с афганскими танкистами, поднятыми их генштабом по тревоге 14 сентября и уже заблокировавшими все центральные улицы. Им потребовался бы минимум времени, чтобы выдвинуться навстречу нашему легковооруженному ПДБ. Да и охрана резиденции Хафизуллы наверняка была бы тут же значительно усилена. Времени было в обрез и на проработку решения, и на организацию взаимодействия привлекаемых сил. Кроме того, надо было решать вопросы и по линии ВВС, так как воздушное пространство от Баграма до советской границы к тому времени уже могла перекрыть афганская авиация. Словом, ситуация создавалась

патовая — «Зениту» требовалось усиление, особенно для прикрытия движения в Баграм, до которого нужно было преодолеть 70 километров, а выдвижение батальона сводило на нет фактор внезапности, без которого не было смысла вводить в бой спецназ КГБ… Так что посол только зря раскошелился на водку.

Лидера «здоровых сил нации» пришлось спешно выдворять обратно в Союз.

И второй «блин» оказался комом. Москва для Амина была недоступной и не внимала его неоднократным попыткам выяснить, чем же он ей не угодил, дважды едва не погибнув.

Выждав почти три недели, он направил Брежневу сообщение: «Тараки еще здесь. Что мне делать с ним? Если Вы хотите, я могу направить его в Москву». Об этом факте свидетельствует автор книги «Трагедия Афганистана». Ссылаясь на информацию племянника Амина — Мир Вайса, с которым он сидел в тюрьме Пули-Черхи, Р. Анвар утверждает: «Брежнев 6 октября 1979 года прислал ответ: «Нет никакой необходимости направлять Тараки в Москву. Это Ваше дело. Поступайте, как считаете нужным».

Возможно, Генсек и его окружение не предполагали трагической развязки… Без сомнения — у Брежнева с Андроповым была надежда на готовившийся и предстоящий через несколько дней мятеж 7-й пехотной дивизии в Ришхоре, нескольких других частей и Баграмской авиабазы. Факт малоизвестный…

С другой стороны, как считает Р. Анвар, «если советское руководство предвидело, какое «решение» примет Амин при данных обстоятельствах, тогда ясно, что ответ являлся дипломатичным подтверждением того, что Москве безразличны как Тараки, так и его фракция «хальк». Аминовские министры утверждали, что если бы Брежнев хотел спасти Тараки, то Амин не смог бы его уничтожить.

Общеизвестно, что Амин, чтобы угодить советскому руководству, заменил смертные приговоры Кештманду и Кадыру пожизненным заключением за два дня до убийства Тараки (т. е. 6 октября, в день получения ответа от Брежнева). После… их сторонники заявляли, что «Брежнев преднамеренно спровоцировал столкновение между Амином и Тараки, чтобы расчистить путь для Кармаля…».

Именно ответ Брежнева (скорее всего, в тот же день) и повлиял на окончательное решение Амина убить Тараки. Отменой казни Кештманду и Кадыру хитрец просто хотел подсластить другую, горькую пилюлю для Кремля. Но, думаю,

Брежнев и Андропов все же трагедии не предполагали. Они просто усыпляли бдительность Амина накануне подготовленного на середину октября восстания войск, верных Тараки.

Для Амина ситуация оставалась неоднозначная. Она могла еще вдруг измениться. В армии по-прежнему оставались сторонники Тараки. Хоть они были и в меньшинстве, но брожения среди них были заметны. Да и предшествовавшая мощная поддержка для Тараки со стороны советских представителей также вызывала опасения. Амин поступил «как считал нужным», приказав убить Тараки. Все завершилось «по-восточному».

Не исключено, что помимо вышеизложенных обстоятельств побудительным мотивом для него могла стать какая-либо дополнительная форс-мажорная информация о готовящихся выступлениях лояльных Тараки армейских частей. Вскоре это и произойдет в действительности, когда 14 октября вспыхнет мятеж.

Точно не установлено, пытался ли Амин вытрясти из Тараки все подробности происходившего 11–14 сентября. Возможно, и нет — иначе не было бы декабрьских событий. Но в конце октября в личном послании Брежневу он потребует замены посла Пузанова, непосредственно заманивавшего его в ловушку к Тараки 14.09. Кроме того, знаю из рассказов участников допросов неудавшихся заговорщиков — и это, пожалуй, главное, — Амину стало известно о причастности посольства и неких советских сотрудников к восстанию в Ришхоре.

* * *

Отвлекусь для необходимых разъяснений. Как уже говорилось, вышеупомянутый автор «Трагедии Афганистана» два с половиной года был узником Пули-Черхи. Там же содержались и уцелевшие после 27 декабря члены семьи Хафизуллы. Младшей дочери Амина он даже преподавал там английский. За этот период Раджа собрал, проанализировал и обобщил богатый фактический материал. В середине декабря 1988 года Артему Боровику довелось встретиться с ним в Лондоне. Там он получил авторский экземпляр книги и еще много интересной информации.

Случилось так, что с Артемом мы встречались накануне, за два дня до его поездки в Англию. Была суббота. Мы проговорили с утра до позднего вечера, опорожнив за день два литровых термоса кофе, по одному из которых каждый из нас, не сговариваясь, принес с собой. К моему удивлению, Артему на тот

момент ничего не было известно о сентябрьских попытках уничтожения Амина. Да и понятно, ведь все держалось в тайне, а все собаки вешались на Амина. Через две недели он вернулся. Мы созвонились, и он вдруг сообщил: «Мистика какая-то! Через несколько дней после нашей встречи я в Лондоне услышал почти то же самое из уст пакистанского социалиста Раджи Анвара. И книгу его привез!» Почти два месяца я уговаривал его дать ее хоть на денек. В конечном счете под честное офицерское слово он предоставил книгу, но только на сутки. Через сутки я пытался ее вернуть, но на это потребовалось еще две недели…

Так вот, по данным бывших сокамерников Р. Анвара, именно из советского посольства укрывавшимися там Ватанджаром, Сарвари и Гулябзоем велась подготовка, координация и управление попыткой мятежа 7-й пд и некоторыми другими частями Кабульского гарнизона и ВВС. Фактически выступила лишь 7-я пд, но ее восстание в течение полутора суток было подавлено.

В этой связи возникает вопрос: откуда взялась эта троица, если она еще в сентябре была поспешно и тайно вывезена в СССР? Значит, либо Анвар ошибается, либо их действительно скрытно вернули в Кабул для активного участия в очередной попытке свержения Амина. Скорее всего, последнее. Если учесть, что стоит лишь одному афганцу что-либо узнать, как вскоре будет знать о том вся страна и весь Пуштунистан, тогда сведениям Анвара верить стоит. К тому же и Бабрак Кармаль в одном из своих публичных обращений в начале 1980 года утверждал, что как раз 14 октября 1979 года он был в Кабуле и на одной из «секретных явочных квартир» организовал подготовку к свержению Амина. Если он не совсем врет, то искать эту «явочную» следовало бы если и не в посольстве, то уж в Баграме наверняка.

Произведя аресты мятежников, Амин уже через несколько дней располагал информацией и о вовлеченности посла в организацию заговора, и о скрывавшихся в нашем посольстве его политических врагах.

Эти события не отражены многими авторами, но они находят подтверждение у соавторов «Вируса «А»: «14 октября 1979 года Кабул вновь содрогнулся от грохота танковых пушек, дробных очередей крупнокалиберных пулеметов… На сей раз возмутителями спокойствия были офицеры 7-й пехотной дивизии, выступившие в поддержку Тараки… Взволнованный Горелов на совещании у посла сообщил, что восставшие таракисты могут разнести полгорода и тогда советским тоже не поздоровится.

— Я уже распорядился поднять полк коммандос, — сказал он, — и нанести по мятежникам удар с воздуха.

— А по нашей информации, эти танкисты идут с лозунгами «Да здравствует товарищ Тараки», «Да здравствует Советский Союз», — сказал ему Богданов (напомню, руководитель представительства КГБ). — Вы что же, собираетесь расстреливать друзей Советского Союза? Мне кажется, мы не должны в это вмешиваться. Пусть сами разбираются. (Конечно, конспиратор. Но не мог же он открытым текстом выдать Горелову истину, а тот догадываться и не пожелал бы, тем более что Амин уже успел поднять и двинуть навстречу «друзьям СССР» 4-ю тбр. — *Прим. авт.*)

Возможно, представитель КГБ втайне надеялся на то, что восставшие смогут каким-то образом пройти через город, овладеть Дворцом народов и уничтожить Амина… Богданов позвонил Крючкову и обозначил свою позицию. Тот возражать не стал. (Не могу удержаться, чтобы не выступить в соавторстве с лукавыми «вирусологами» — судя по такой неубедительной версии, они — Крючков с Богдановым — даже не подозревали, что где-то рядом, в посольстве, чуть ли не через стенку, в трепетном ожидании затаились Кармаль и та самая троица. — *Прим. авт.*)

Но Горелов поступил по-своему: и он сам, и другие военные советники отдали все необходимые приказы, а некоторые даже приняли непосредственное участие в боях по подавлению мятежа. В эти дни противостояние наших ведомств в Кабуле достигло своей кульминации…

Горелов был убежден, что вооруженное выступление таракистов против Амина — дело рук КГБ. Он был настолько уверен в этом, что когда на следующий день в приемной посла увидел вытирающего глаза сотрудника богдановского представительства, то не удержался от ехидного замечания: «Ну что, оплакиваете свою неудачу?»… К тому времени верные Амину воинские части с помощью наших советников (вояки, хоть задним числом, но получайте!) уже полностью разгромили мятежников».

Напомню, что расстреливала мятежников именно 4-я танковая бригада, которая месяцем ранее могла оказаться на пути «ломакинского» батальона. Жаль только, что под шумок она заодно не расх…ила и пристанище истинных организаторов, по команде Андропова спровоцировавших бойню между самими халькистами и еще более дестабилизировавших обстановку в ДРА. Глядишь, может, и ввода 40-й бы не последовало, и громадных жертв советского и афганского народов бы не было — недоработали Горелов с Заплатиным!

А мы все грешим то на ЦРУ, то на Пакистан или Китай — а тут, на тебе, и Лубянка, оказывается, не последнюю роль в ее

дестабилизации сыграла! Как явствует из вышеизложенного, затея, в очередной раз повлекшая напрасные жертвы, осуществлялась втайне от Устинова и военного ведомства.

На беду заговорщиков, как раз накануне случившегося В. Меримский, не чуявший ничьих потайных козней, спокойно делал свою работу и совместно с начальником афганского генштаба майором Якубом готовил операцию против бандформирований к юго-востоку от Кабула. Там, в 75 километрах от столицы в населенном пункте Пуло-Аламо постоянно дислоцировался один из пехотных полков 7-й пд. По замыслу операции на его усиление туда накануне из Ришхора были отправлены артиллерийский полк и танковый батальон, но которые, как оказалось, должны были участвовать в мятеже. Не подчиниться приказу они не могли и были вынуждены убыть из Кабула. Это внесло растерянность в ряды заговорщиков, однако менять планы уже было поздно. Очевидно, у них были какие-то гарантии на поддержку танковых бригад и авиаэскадрилий из Баграма. Поэтому и решились идти ва-банк

По свидетельству В. Меримского, к операции все было готово, и на 16.30 14 октября он назначил совещание в штабе дивизии по окончательной отработке решения. Однако, по его воспоминаниям, в тот день его одолевало какое-то смутное беспокойство, и за пару часов до того он перенес встречу на одну из служебных вилл. Ровно в 16.30 штаб дивизии подвергся мощной танковой атаке и был разнесен вдребезги, после чего восставшие двинулись к центру города. Возглавил их командир комендантской роты, объявивший себя комдивом, в то время как настоящий командир дивизии находился в Пуло-Аламо. В последний момент дрогнул моторизованный полк и их не поддержал. ВВС по каким-то причинам тоже не выступили. Однако артполк, уже будучи в районе предстоящих боевых действий, все же попытался поднять мятеж, но всего лишь четырьмя батареями — остальные не поддержали. Восставшие артиллеристы успели сделать несколько неприцельных выстрелов, видимо, в расчете на панику остальных. В этот момент советник командира танкового батальона успел заскочить в танк и дважды шарахнул из пушки по артиллеристам, после чего у тех сразу же пропала охота к продолжению беспорядков, и они попросту разбежались. Воспользовавшись паузой, остальные советники и верные Амину офицеры быстро сняли затворы и ударники, сделав дальнейшие попытки бесмысленными. Остальное известно.

И еще один более чем красноречивый факт. Под вечер в день подавления мятежа В. Заплатин проходил с Л. Гореловым по

одному из коридоров здания посольства СССР. С его слов, там размещались сотрудники КГБ. В приоткрытую дверь он вдруг увидел, как, навалившись грудью на столы отчаянно, с досады, стучали по ним кулаками два человека. Вероятно, не случайные посетители. Удивившись, бесхитростный Заплатин спросил Горелова: «Что это с ними?» — «Как, ты не знаешь? Все посольские только и говорят: «Опять этот Заплатин победил!»

Оговорюсь, что причастных к тому офицеров КГБ ни в коей мере не виню — их использовали втемную, они, не ведая всего, лишь выполняли приказы…

Таким образом, информация Р. Анвара подтверждение находит. Попутно замечу, что и Горелов был осведомлен конкретно.

Вскоре В. Заплатин, получив вместе с Л. Гореловым вызов на ежегодную Коллегию МО СССР, проинформирует об этом Амина. Амин выскажет ему просьбу о передаче личного послания Брежневу. Дисциплинированный Заплатин сообщит о том Л. Горелову и доложит послу. Пузанов на пупе извертится, чтобы попытаться заранее узнать о содержании. Случай-то неординарный, когда лидер страны уже не доверял послу и пошел на контакт с Брежневым обходным путем.

Амин затянул вручение засургученного конверта до последней минуты, когда Заплатин уже сидел в самолете и были запущены движки. Послание доставил лично начальник афганского главного политуправления генерал Экбаль. Представитель Пузанова находился здесь же в ожидании. Но не получилось. Самолет взлетел. Позже, уже в Москве, Заплатин передаст этот конверт Горелову, тот, в свою очередь, — начальнику Генштаба, а уж до Генсека, скорее всего, он дошел через Устинова.

Как оказалось, в своем послании Амин требовал замены посла и главного военного советника, настаивал на личной встрече с Брежневым. По послу все понятно — посольство «засветилось» неблаговидной ролью соучастия в мятеже Ришхорского гарнизона, а Горелов? Ведь должны же были быть какие-то основания у Амина? В. Снегирев и В. Самунин в своей книге сообщают: «…Агентура из окружения главы Афганистана информировала: Амин в разговорах с близкими соратниками грубо поносил Пузанова, употреблял по отношению к советскому послу нецензурную брань… «Я не желаю встречаться и разговаривать с ним… Непонятно, как такой лживый и бестактный человек столь долго занимал у нас должность посла».

Замены были произведены — посол Пузанов убыл в Союз…

Встреча с Генсеком уклончиво откладывалась на более

поздние сроки, так как на Амине уже давно стоял жирный крест. Говорят, Брежнев сильно расстроился и едва не пустил слезу, узнав о смерти Тараки. Мол, неужели можно так запросто убрать лидера страны? Сам он в свое время поступил гуманнее, отправив Хрущева Н.С. просто на пенсию. Конечно, ему как никому более было известно, что намечавшейся жертве — Амину — лишь волею случая пришлось превратиться в палача.

Из сов. секретного Протокола № 172 заседания Политбюро ЦК КПСС 31.10.79: «Представляется целесообразным:

1. Продолжать активно работать с Амином и в целом с нынешним руководством НДПА и ДРА, не давая Амину поводов считать, что мы не доверяем ему и не желаем иметь с ним дело.

2. …Учитывая неоднократно высказывавшееся им пожелание совершить официальный или рабочий визит в Москву для встречи с Л.И. Брежневым и другими советскими руководителями, следовало бы дать ему в принципе положительный ответ, не определяя, однако, сейчас конкретных сроков этого визита.

К пункту 108 протокола № 172
Сов. секретно
Кабул
Совпослу

Первое. Посетите Х. Амина и, сославшись на поручение, скажите ему, что в Москве с пониманием относятся к высказанному им пожеланию посетить Советский Союз для бесед с товарищем Брежневым Л.И. и другими советскими руководителями. Это его пожелание воспринимается нами как выражение намерения руководства НДПА и ДРА крепить и углублять дружбу и всестороннее сотрудничество между нашими партиями, странами и народами.

Советские руководители будут готовы принять в Москве Х. Амина, чтобы по-товарищески и по-деловому обменяться сведениями по интересующим обе стороны вопросам, как только для этого представится возможность. К вопросу об определении взаимоприемлемого срока такого визита можно будет вернуться через некоторое время, принимая во внимание ранее запланированные в СССР крупные партийно-государственные мероприятия, а также уже согласованные внешнеполитические мероприятия…»

Вкратце остановлюсь на вопросах, почему же Амин, невзирая на опалу и подозрения на участие советских представителей в попытках его убийства, тем не менее стал добиваться от СССР помощи войсками. Вижу две причины…

Во-первых, как революционер, желавший прогрессивных

преобразований и видевший свою страну чуть ли не социалистической, он продолжал верить и надеяться на Советский Союз. Об этом свидетельствует многое и многие, включая его жену. Отсидев в Пули-Черхи после его убийства и освободившись, она с тремя выжившими детьми переедет на постоянное место жительства в СССР. «Амин любил Советский Союз, — говорила она, — и я хочу своим поступком быть верна его идеалам». Такой явно просоветский лидер не мог соответствовать замыслам масонских «экспертов».

Во-вторых, параллельно с андроповскими усилиями продолжали работать и другие пункты плана Бжезинского. Прежде всего, направленные на активизацию действий оппозиции. Амину было известно о результатах поездки Бжезинского в Китай и Пакистан за несколько месяцев до описываемых событий. К тому же они уже были довольно ощутимы в ряде восточных провинций. Он не мог не располагать информацией из зоны пуштунских племен в Пакистане о предполагаемом значительном увеличении масштабов вооруженного вмешательства в ДРА. Он предвидел и пытался упреждать негативное для него развитие событий, когда без помощи СССР мог бы оказаться один на один с резко ухудшавшейся ситуацией. К тому же она усугублялась и случившимся расколом среди халькистов. Ярким подтверждением этого как раз и явился мятеж 7-й дивизии. Хафизулла явно рассчитывал, что, заменив неблагонадежные войска кабульского гарнизона советскими, он уменьшит риск повторных мятежей в столице. В частности, 7-я пд была срочно передислоцирована в Мукур. На периферии такие соединения были менее опасны…

* * *

Из Записки Андропова, Громыко и др. для Политбюро от 29.10.79: «…Амин, судя по всему, понимает, что внутренние и внешние трудности развития афганской революции, географический фактор, зависимость Афганистана в обеспечении повседневных потребностей армии и народного хозяйства обусловливают объективную заинтересованность афганского руководства в поддержании и развитии всесторонних афгано-советских отношений. Понимание Амином того факта, что на данном этапе он не может обойтись без советской поддержки и помощи, дает нам возможность оказывать на него определенное сдерживающее влияние…»

Этот вывод — почти единственный адекватный и

объективный из остальных, содержащихся в документе. Еще в положительном плане в глаза бросается неожиданная (хотя и с оговорками) оценка обстановки: «…В последнее время военное положение в Афганистане несколько стабилизировалось…» Как эта фраза оказалась вдруг в Записке, имевшей абсолютно противоположную цель представить все в как можно более мрачном свете? Ведь готовя этот документ, Андропов наверняка стремился обеспечить в конечном счете принятие того решения, ради которого им было затрачено столько усилий… Возможно, настоял тогда маршал Устинов, опиравшийся на оценки своего аппарата в Кабуле. Известно, что накануне, в сентябре — начале октября, при участии генерала армии И. Павловского и генерал-полковника В. Меримского, силами 3-го армейского корпуса в провинциях Пактия и Пактика (юго-восток страны) был проведен ряд успешных операций, в том числе деблокирован город Ургун, разбито крупное бандформирование в районе Танги (15–20 км ю.в. Газни). Меримский докладывал: «Успешные действия 12-й и 14-й пд в провинциях Пактия и Пактика… оказали значительное влияние не только на соединения, участвовавшие в боях, но и на все вооруженные силы. Они вселили уверенность личного состава в свои силы, в возможность вести успешную борьбу с вооруженной оппозицией».

В моем досье хранится множество свидетельств военных советников, в том числе из Кандагара, Фараха, Мазари, Газни и других, утверждавших об абсолютно спокойной обстановке в зонах их ответственности, беспрепятственных передвижениях безо всякой охраны вплоть до ввода наших войск. Уже многократно упомянутый Николай Пиков тоже рассказывал, как где-то в октябре или чуть раньше ездил по южному маршруту в служебную командировку рейсовым автобусом из Кабула в Герат. В одиночку, чуть ли не на крыше среди толпы пассажиров-афганцев, через всю страну, без чалмы, бороды и даже без гранатомета! А потом обратно, и без происшествий.

Так в чем же дело? Ведь вроде бы из приведенных чуть выше пунктов ясно вытекает здравый путь, без кровопролития и ввода войск. Тем более четко утверждается «понимание» Амином необходимости сохранения просоветского курса. Видимо, при подготовке документа все же проявились результаты размышлений по поводу «а не взбрыкнет ли Хафизулла в сторону Запада?». Сомнения отпали, и это оказалось зафиксированным в Записке. Однако оба эти пункта идут вразрез с остальным содержанием, направленным на обоснование устранения Амина и необходимости ввода войск, значительно противоречат содержанию документа, подтверждая, что он мог готовиться по

разделам и поспешно в разных ведомствах, а потому нелогичен. И не только…

Действительно, Записка датирована 29 октября. Однако на ее подготовку, согласование, правку, новое редактирование и «добро» подписантов тоже требовалось определенное время. И все это явно состоялось только после подавления мятежа 7-й пд (и третий блин комом!), в течение примерно недели с момента принятия Андроповым и Брежневым решения на переход к более решительным действиям и с выносом обсуждения теперь уже на Политбюро. Налицо явная поспешность.

В своих воспоминаниях Л. Горелов через полтора десятка лет расскажет, как в октябре-79 (скорее всего, как раз 31.10) их с Б. Ивановым заслушивал Брежнев в присутствии еще нескольких членов Политбюро. Еще раз подчеркну, что это происходило после провала «дубль-3», накануне заседания Политбюро ЦК КПСС, состоявшегося, как уже говорилось, 31.10.79, и совпало с приездом его и В. Заплатина на ежегодную коллегию Министерства обороны. (Кстати, авторы «Вируса «А» почему-то умудрились использовать этот сюжет еще дважды, продублировав его в том числе и августом, мол, и тогда Горелов с Заплатиным вызывались в Москву для заслушивания высшим руководством, чего на самом деле не было. Заплатин подтвердил мне, что это имело место только в конце октября, но такой чести удостоен был лишь Горелов.)

Следовательно, Генсек в тот момент уже располагал доставленным ими вышеупомянутым посланием от Х. Амина. Докладывая обстановку, на вопрос Брежнева по поводу ввода войск, он якобы ответил отрицательно. По его данным, негативной была и позиция начальника Генштаба маршала Огаркова Н.В. В ходе беседы уже тогда, в последний день октября, Генсек дал понять, что предварительное решение на ввод уже есть. Затем докладывал Б. Иванов, обладавший, как уже говорилось, более высоким «удельным» весом, да еще и при поддержке Андропова. Горелов в это время ожидал в соседней комнате.

В декабре 2009 года Горелов сообщит: «Когда мы возвращались, Н. Огарков сказал: «Лев, мы проиграли!» Я догадался, что Брежнев принял сторону кагэбэшника Иванова, который рьяно выступал за ввод войск». Несомненно, он выполнял установку Андропова.

Теперь хочу подробнее остановиться на анализе состоявшихся тогда решений и ситуации. Подчеркну, что именно это заседание Политбюро, а не то, которое приняло окончательное решение 12 декабря, явилось ключевым, поворотным, хотя в исторических

анналах на него внимание почти не обращено. Именно ключевым!

Поясню свою мысль. Оно состоялось, как уже говорилось, буквально через несколько дней после провала очередного антиаминовского мятежа, инспирированного явно по инициативе председателя КГБ — его люди засветились. Красноречивы результаты допросов арестованных афганским КАМом (так стала называться служба безопасности после реорганизации АГСА) гражданских лиц, участвовавших в восстании, — где, на какой вилле неподалеку от нашего посольства и от кого они получали оружие, боеприпасы и инструктаж. По свидетельству Раджи Анвара, его сокамерники из ближайшего окружения Амина такой информацией располагали. Если после сентябрьских попыток, как уже отмечалось, в Кремле еще рассчитывали убрать Амина афганскими руками, то провал третьей показал всю безнадежность этих усилий.

Эксперименты закончились. Охота на Амина вступала в принципиально новую фазу, что и нашло свое отражение в экстренности рассмотрения данного вопроса на заседании Политбюро 31 октября, его решениях, а главное — на переориентацию теперь усилий с опорой на «собственные силы». Поэтому то «историческое», декабрьское, лишь все конкретизировало и в соответствии с Протоколом № 172 от 31.10 поставило последнюю точку.

Итак:

«Совершенно секретно

Особая папка

Тт. Брежневу, Косыгину, Андропову, Громыко, Суслову, Устинову, Пономареву.

Выписка из протокола № 172 заседания Политбюро ЦК КПСС от 31 октября 1979 года Об обстановке в Афганистане и нашей линии в этой связи.

1. Согласиться с соображениями по данному вопросу, изложенными в записке тт. Громыко, Андропова, Устинова, Пономарева от 29 октября 1979 года (прилагается).

2. Утвердить проект указаний совпослу в Кабуле (прилагается)».

Кое-что из «соображений» и указаний совпослу уже доведено выше. Начинается эта Записка следующим:

«Обстановка в Афганистане после событий 13–16 сентября, в результате которых Тараки был отстранен от власти и затем физически уничтожен, остается крайне сложной».

Но… в Записке содержится утверждение, что «в последнее время… положение в Афганистане несколько

стабилизировалось…» Конспирология содержится во фразе «после событий 13–16 сентября». То главное, что повлекло эти самые события 11 сентября, отрезано напрочь.

Кто готовил Записку — видно по 1-му пункту. Именно в указанном порядке перечисленных фамилий они ее и подпишут. Но, внимание! — Андропов почему-то вдруг оказался не по алфавиту, а «за спиной» Громыко. Видимо, не только в силу врожденных качеств. Однако, если обратить внимание на расчет рассылки «Выписки из протокола № 172», то там все выстроено по правилам — вначале Генсек с Предсовмина А. Косыгиным, а затем все по алфавиту с Андроповым во главе. Пономарев не в счет — в отличие от остальных он «кандидат в члены».

Ошибок или случайностей там не могло быть по определению, клерки свое дело и место каждого «члена» знали досконально и протокол блюли строго. Да и Андропов в том случае не допустил бы нарушения незыблемых правил. Это далеко не мелочь! Следовательно, Андропов как бы предусмотрительно уходил «в тень». Видимо, не зря и не случайно. Свои ходы он просчитывал тщательно.

Подписанты Записки — руководители тех самых ведомств, представители которых находились в Кабуле и были самым активным образом вовлечены в события 13–16 сентября. Что касается 11 сентября, то роль КГБ и Андропова в подготовке покушения на Амина уже освещалась достаточно подробно. Вряд ли военные были посвящены в те планы заранее, но, судя по последующему выдворению генерал-лейтенанта Л. Горелова после провала мятежа Ришхорского гарнизона, Устинов не мог не знать о подоплеке. Посол — возможно, но не в деталях. Он действовал в тесной упряжке с генерал-лейтенантом Б. Ивановым и наверняка был на связи «по горячей линии» со своим шефом А. Громыко. Видавший виды еще во времена вождя народов, Громыко если и не был посвящен в готовившееся, то по мышиной возне кагэбэшников в связи с приездом-отъездом Тараки, засекреченным обстоятельствам встречи того с Бабраком и недопущению на нее министра иностранных дел ДРА Шах Вали — уж точно догадывался. Но, думаю, он все же был в курсе. Про Брежнева и речи нет — тот знал все от и до, более того — санкционировал.

Следовательно, как минимум один из подписавших Записку, а скорее — и остальные обладали достоверной информацией и о проваленном покушении на Амина 11.09, и об истинных причинах резкой вспышки конфронтации между обоими афганскими лидерами, приведшей к гибели Тараки. Значит, они — фактически главные организаторы и виновники его убийства,

тем более если вспомнить ответную телеграмму Брежнева Амину от 6 октября. Вместе с «одобрившим» Записку Л. Брежневым они во главе с Андроповым осознанно искажали действительность, лгали и скрывали правду даже от остальных членов Политбюро, не говоря уже о простых смертных.

Далее по тексту: «Поведение Амина в сфере отношений с СССР все более обнажает его неискренность и двуличие».

Записка явно готовилась не только фарисеями, но и впопыхах, с «акробатическими» политтрюками в расчете на неосведомленность и воздействие на эмоции: «На словах он и его приближенные высказываются за дальнейшее расширение сотрудничества с Советским Союзом в различных областях, а на деле допускают действия, идущие вразрез с интересами этого сотрудничества».

«На практике Амин не только не принимает мер по пресечению антисоветских настроений, но и сам фактически поощряет подобные настроения. В частности, по его инициативе распространяется версия о причастности якобы советских представителей к «попытке покушения на него во время событий 13–16 сентября с.г.».

Ну, просто вопиющая непорядочность со стороны Амина! Ведь жив остался, так благодарил бы Аллаха! Ну и что, что наша «четверка» там оказалась? Это чистая случайность. Может, они в это время с Тараки в нарды тешились… А Амин, подлец, такую напраслину на Советы возводит! Действительно, убрать его! Но не сразу… Потом. Пока через совпосла пообещать ему скорую встречу в Москве, «чтобы по-товарищески и по-деловому обменяться сведениями по интересующим обе стороны вопросам». (Естественно, про 11 сентября — молчок.)

«Просим рассмотреть.
А. Громыко, Ю. Андропов, Д. Устинов, Б. Пономарев
29 октября 1979 г.»

В общем, если в конце августа — начале сентября Андропов «заказал» Амина с согласия Брежнева и Кармаля кулуарно, то 31 октября на заседании Политбюро ЦК КПСС — уже коллегиально и конкретно с намерением исполнения «своими силами». Терпение лопнуло. Следовательно, ни о каких спонтанных или сиюминутных «ошибках» говорить не приходится. Как минимум в течение года осуществлялась целенаправленная, если цитировать по заголовку андроповской Записки, «наша линия в этой связи». Вот только смысл слова «наша» как будто совпадает с известным в определенных кругах намеком «наши в Кремле».

Просьба Амина о замене главного военного советника была тотчас же удовлетворена, тем более что его позиция против ввода войск не устраивала Генсека с Андроповым. Б. Иванов в Кабул вернулся, уже владея информацией не только о предстоящем направлении в ДРА советской группировки, но и грядущих переменах в афганском руководстве, хотя его ближайшее окружение и без того это знало, уже несколько месяцев занимаясь охотой на Амина. Более важных задач, кроме разрушительных, у них не было — советских денег, судя по разросшемуся штату представительства КГБ, на это не жалелось.

8 декабря на совещании у Брежнева Андропов, Устинов, Громыко и Суслов еще раз обсудили положение в Афганистане. В очередной раз подтвердили ранее принятое коллегиальное решение: силами спецслужб устранить Амина и поставить на его место Б. Кармаля; послать какое-то количество войск для этой же цели….

По устоявшейся для народа версии, 10 декабря министр обороны СССР маршал Д. Устинов якобы сообщил начальнику Генштаба Н. Огаркову, что Политбюро приняло «предварительное» решение на «временный» ввод советских войск в ДРА. Напомню, что Огаркову о том фактически было известно как минимум с конца октября.

10–11 декабря В. Заплатина обманным путем, под предлогом якобы личной просьбы его дочери Ольги, срочно вызвали в Москву, где и продержали до убийства Амина. Он читал лекцию курсантам пехотного училища «Харби Пухантун», когда за ним примчался посыльный. Звонил замполит 10-го ГУ ГШ ВС СССР генерал-лейтенант Ошурков Л.Н., который сообщил Заплатину, что ему надлежит срочно вылететь домой — в ЦК КПСС обратилась его дочь, студентка 3-го курса, с просьбой немедленно вызвать отца. Заплатин разволновался, наверное, что-то серьезное. Рейсовый самолет Кабул — Москва улетел только вчера, а следующий — через двое суток. Ошурков успокоил — бери вертолет, лети в Баграм, там тебя ждет «Ан-26» до Ташкента. Оттуда — персональным «Ил-18» на Москву. Так все и произошло. Четыре часа в пустом «Иле» Василий Петрович, один-одинешенек, нервно расхаживал по проходу между кресел. В Москве его сразу же с аэродрома увезли в ГлавПУ без всяких объяснений. Он сразу же связался по городскому телефону с дочерью — та удивилась, так как ни к кому не обращалась, да и оснований на то у нее не было.

Заплатин тут же повстречался со звонившим. Тот насупился: «Как начальство приказало, так я и передал. Слово в слово».

В Москве Заплатина вначале отчитает начальник ГлавПУ СА

и ВМФ Епишев А.А.: «Василий Петрович, прекрати расхваливать хальковцев, а то в ЦК из-за тебя выгляжу белой вороной!» Значит, и там уже был соответствующий антиаминовский настрой.

На следующее утро, 12.12.79, министр обороны Устинов Д.Ф., уже отправляясь к Брежневу на то самое историческое заседание, успеет дать ему прочитать шифровку за подписью «представитель КГБ». Из нее явствовало, что в Афганистане все трещит, рушится, генштаб Пакистана планирует вторжение в ДРА; в провинции Кунар 40-тысячная группировка мятежников изготовилась для захвата Кабула; Амин занимает все более проамериканскую позицию… (незадолго до этого в вышеупомянутой Записке Андропова утверждалось, что обстановка там несколько стабилизировалась и что «проамериканский» Амин на данном этапе не может обойтись без советской поддержки и помощи).

Заплатин категорически возразит и предложит вызвать автора шифровки для разбирательства по каждому пункту.

Устинов в сердцах воскликнет: «Вы там, на месте, не разберетесь, а нам тут решения принимать!» А как они могли «на месте разобраться», если решали взаимоисключающие задачи? Аппарат военных советников по всей стране, начиная от танкового батальона и до Министерства обороны, занимался созиданием, а чекисты в кабульских кабинетах по заданию Андропова только строили антиаминовские козни и все разрушали? Ясно, что созидатели и разрушители из разных ведомств «договориться» не могли по определению.

Из фразы министра создается представление, как далеко он был от истинной подоплеки событий, продолжал сомневаться и нервничал как бы на перепутье и как довлела над ним информация «представителя КГБ». Тот ведь явно по указанию Андропова подослал очередную шифровку специально к началу заседания Политбюро. А честный и прямой Заплатин пытался докладывать реальную обстановку.

Придя к выводу о сомнениях Устинова, я все же поинтересовался мнением В. Заплатина. Он подтвердил — да, у него было такое ощущение, которое особенно проявилось через некоторое время по возвращении министра. Если утром нервный разговор состоялся второпях, то, вернувшись после заседания Политбюро и выслушивая Заплатина в более спокойной обстановке в присутствии маршалов Н.Огаркова и С.Ахромеева, Устинов отнесся к его аргументам более внимательно и, как свидетельствует Василий Петрович, как-то сник, а затем, заметно расстроившись, со вздохом махнул рукой: «Поздно, решение принято!»

Ясно, что Заплатина удалили по подсказке представителя

Андропова, который и приказал это сделать. Дабы он опять ненароком не испортил обедни. Причем не только в переносном, но и в прямом смысле, когда на 14.12 готовилось очередное покушение на Амина — отравление его за обедом. Но оно снова провалилось. «Спецсредство» не сработало, хотя подготовка к этой «акции» чекистами была проделана основательная. Более подробно о том информированы авторы «Вируса «А», хотя есть и другие публикации.

По возвращении В. Заплатина в Москву секретное дело с его донесениями в Главное политуправление СА и ВМФ за период с мая-78 по декабрь-79 было немедленно уничтожено. Он тогда удивился: мол, зачем? Оказывается, как свидетельствуют Снегирев с Самуниным, «после ввода войск и убийства Амина большинство документов внешней разведки по прямому указанию Андропова было уничтожено. Видимо, та же участь постигла материалы ГРУ и военного ведомства». Видимо. (ГРУ, кстати, к военному ведомству относится тоже.) Можно предположить, что кто-то заметал следы…

Говорят, Б. Иванов — чуть ли не единственный из главных действующих лиц тех событий, не высказался, не дал ни единого интервью. Врать не хочет, а правду не скажет — нельзя и опасно, честно хранит служебные тайны и верность Конторе, хотя уже давно и бывшей…

* * *

Драматично в те дни развивались события и на аэродроме в Баграме, где десантным батальоном фактически руководил лично заместитель командующего ВДВ генерал-лейтенант Гуськов Н.Н.

Вот как описывает их Николай Иванов, дотошно проработавший эту тему с непосредственными участниками-очевидцами:

«13 декабря 1979 года, Баграм.

Старший военный советник гарнизона полковник Олег Арсентьевич Скугарев, вернувшись из Кабула, немедленно собрал у себя в кабинете офицеров особого отдела. (?)

Товарищи! В стране возможен государственный переворот. Задача нам: ни под каким предлогом не дать подняться в воздух ни одному самолету…

Третий день ждал указаний и генерал-лейтенант Гуськов. 10 декабря (т. е. за два дня до принятия «решения»!) в его бункере появились связисты и начали устанавливать новый телефон…

13 декабря телефон ожил (т. е. накануне спланированного

отравления Амина).

— Николай Никитович? Это Устинов.

— Здравия желаю, товарищ Маршал Советского Союза!

— Вам товарищ Андропов еще не звонил?

— Никак нет.

— Значит, позвонит. Там самолет нужно будет один принять, обеспечьте, чтобы все было в порядке…

…Тут же вновь раздался звонок. Андропов? Да, это был он. Хоть и вежливо, но тем не менее приказным тоном повторил уже известное: принять самолет, обеспечить скрытность и безопасность пассажиров, которые прибудут на нем.

Странную особенность стал замечать за собой генерал в Афганистане, чувствуя, что волею судьбы оказался в какой-то непонятной еще политической игре…

…Афганистаном командует не Устинов, а Андропов.

…Ночью на аэродром Баграм рейсом из Ташкента приземлится «Ту-154». При заходе на посадку на всем аэродроме неожиданно отключится свет.

…Из самолета выйдут андроповские ребята в штатском, возьмут машину под свою охрану, а уж потом на трапе появится группа афганцев с коренастым мужчиной в центре.

Это был Бабрак Кармаль. Лидер «парчам», сведенный в Москве судьбой и Андроповым с халькистами Гулябзоем, Ватанджаром и Сарвари, сумел перебороть в себе обиду на «хальк» и объединиться с бывшими министрами против общего врага — Амина».

От себя добавлю, что ему в тот момент больше и не на кого было опереться. Подобных этой троице активных штыков у него просто не было.

«…И вот из Кабула пришла весть: Амина не станет 16 декабря в 19 часов. К этому времени новое правительство республики должно, конечно, уже находиться в Афганистане. Прибывших афганцев отведут в самый дальний бункер, и до 16 числа Гуськов никого из них не увидит.

Но 16 декабря, когда среди афганских летчиков разнесется весть, что в Кабуле предпринята попытка нападения на Амина… на связь с Гуськовым выйдет Андропов и прикажет срочно отправить «гостей» в Союз.

Из Ферганы прилетит «Ан-12». Не заглушая моторов и не выруливая со взлетной полосы, раскроет рампу. Таинственная группа афганцев скроется в чреве военно-транспортного самолета, и тот сразу же возьмет курс на север».

Однако по данному факту есть и другая информация от В. Коновалова. 4/5.04.95 он в эфире Радио «Свобода» вел программу

с участием генерал-майора запаса Н. Сердюкова, в декабре 1979 года командира 345-го парашютно-десантного полка (пдп), в то время подполковника. Сердюков сообщил, что в ночь на 14.12.79 (то есть за несколько часов до запланированного отравления Амина!) 345-й пдп был поднят по тревоге и в течение нескольких часов переброшен на Баграмский аэродром. Встречавший полк генерал Гуськов поставил ему задачу по немедленной готовности к ведению боевых действий, при этом не уточнив где, а лишь неопределенно махнув рукой в направлении Кабула. Однако задачи так и не последовало — сорвалась акция по отравлению Амина, и полк две недели оставался в напряженном ожидании вплоть до 27 декабря.

«Накануне 27 декабря, — сообщил Сердюков, — Бабрак Кармаль вылетел в Москву на встречу с Леонидом Ильичом, ну, насколько это мне известно как командиру полка, возможно, тут, сами понимаете, и неточности кое-какие… А так, считая, что от момента прилета полка в Баграм и до переброски этой группы (Бабрака) в Кабул две недели члены Реввоенсовета под охраной нашей группы «Альфа» находились в Багграме… Здесь, в Багграме, подразделения полка выполняли задачу (27.12) по захвату этой базы… В ходе… мне звонили… и товарищ Андропов. Андропов позвонил где-то по афганскому времени в первом часу ночи, порядка ноль сорок пять… Так как на базе находилась группа во главе с Бабраком, то была и радиостанция тропосферной связи… И вот через эту радиостанцию помню, как вышел товарищ Андропов… Зазвонил телефон, я поднял трубку, мне секретарь или кто там связывающий сказал: «Будете говорить с Андроповым!» А затем, значит, непосредственно взял трубку Андропов и спросил меня, ну, я ему доложил, что задача выполнена в Багграме подразделениями полка, как идет выполнение задач, в частности по Кабулу… Он меня спросил: «С вами есть представитель?» Я говорю: «Есть». — «А Петров далеко находится?» Моментально подошел высокий худощавый человек, черноволосый, в солдатской шинели… Стал разговаривать с Андроповым… И Петрова пригласил тут же, вернее, он зашел сразу с Бабраком. Это был человек ниже среднего роста, около пятидесяти лет, черноглазый, орлиный нос, как говорится, в солдатском бушлате, в шапке-ушанке, ремень только кожаный солдатский. Я понял по разговору, что обстановка в целом не только здесь, но и в Кабуле благоприятная… и тут же Петров, о чем говорил с Андроповым, переводил на язык Кармаля. Этот разговор был в пределах пятнадцати-двадцати минут. Затем на русском языке Петров сказал, что… поздравляю вас с победой второго этапа Саурской революции. Бабрак Кармаль тоже понял,

что его поздравляют с победой… встал, засиял, засветился и стал, в свою очередь, пожимать всем нам руки. После того как он поздравил, преобразившись, сразу я почувствовал, что он себя уже чувствует здесь хозяином положения. Ну, и соответствующим образом к нему стало относиться все это окружение, которое было здесь, в бункере. Разговор после поздравления Андроповым закончился с Бабраком, и он вышел с сопровождающим нашим Петровым.

Через некоторое время полковник Костин попросил меня вызвать авиацию — на аэродроме были готовы вертолеты для переброски в Кабул этой группы членов будущего Реввоенсовета. Я, в свою очередь, — была уже глубокая ночь, порядка час тридцать, — предложил, что, пока будем искать эти вертолеты, организовывать перелет, не быстрее ли будет направить роту боевых машин и на боевых машинах отправить в Кабул. Мое предложение было принято. У меня была пятая рота в резерве, эта рота была привлечена для перевозки членов Реввоенсовета в Кабул, под командованием командира второго батальона майора Цыганова. Мне дали на сборы буквально тридцать минут, и в два часа ночи эта колонна вышла в Кабул. По ходу движения через каждые пять километров или по времени через каждые двадцать минут, находясь на дежурном приеме, постоянно входили в связь с ними, с Кабулом, держали продвижение этой колонны под контролем.

Где-то в три тридцать, ближе к четырем утра, эта группа была доставлена на узел связи нашего посольства в Кабуле…»

Итак, 10.12 Гуськову установили связь «ВЧ».

11.12 Заплатин предусмотрительно удален в Москву.

12.12 принималось решение Брежневым.

13.12 в Баграм прибывает Кармаль.

В течение ночи 13–14.12 345-й пдп переброшен в Баграм с 40-минутной готовностью к боевым действиям.

14.12 акция по отравлению Амина за обедом.

16.12 очередное покушение на Амина. Он не пострадал, но тяжело ранен его брат Асадулла.

Кармаль то ли опять немедленно исчезает, то ли прячется в Багграме, как утверждает Сердюков, до вылета в Москву в двадцатых числах декабря. Однако большинство источников все же подтверждает его отлет именно вечером 16 декабря. Вновь он появится в Багграме накануне решающего штурма.

В эти же дни в Кабул будет переброшен «мусульманский» батальон, якобы для усиления внешней охраны новой резиденции Амина. Через день с наступлением темноты «спецназовцы» и батальон устроят ночные учения с интенсивной пальбой из

стрелкового оружия. Афганцы переполошатся, но им объяснят, что это тренировка действий личного состава «по отражению внезапного нападения противника». И так неоднократно почти до 27 декабря. Поэтому, когда начнется настоящий штурм, охрана Амина вначале подумает, что это очередная тренировка.

Главного военного советника — теперь уже генерал-полковника Магометова С.К. — лишь 20 декабря начнет вводить в курс дела все тот же главный комитетчик в Кабуле — Б. Иванов. Он же по распоряжению Андропова (именно Андропова!) будет назначать руководителя операции.

Спецназ КГБ в составе двух отрядов на броне халбаевских «мусульман» ворвется во дворец и покончит с Амином.

В составе другой группы будет и мой земляк — спецназовец и бард Сергей Климов, который на следующий день напишет знаменитую песню «В декабре зимы начало». Позже он по секрету признается, что его самое первое «поэтическое» произведение прозвучало, когда стихли выстрелы и «считать мы стали раны, товарищей считать». Еще в состоянии боевой дрожи и глядя на мерцающие звезды в морозном небе, он продекламирует:

Дело сделано, афганцы.
Улетаем в Европу.
Оставайтесь здесь сами,
……сь вы в……пу.

Интересно символичное совпадение — начало афганской эпопее положил «Гром», а завершил ее — Громов.

В 1989 году два высокопоставленных масона, самолично строча доклад Съезду народных депутатов СССР об авторах афганского похода, постараются как можно дальше увести комиссию А. Дзасохова от подлинного расследования. Они аккуратно спрячут фамилию Андропова в тень Брежнева. Вроде бы и назовут, но как бы между прочих. Это у них тогда получилось. Съезд отпиской довольствовался. По моему мнению, результаты работы комиссии А. Дзасохова, будь она независима и не под контролем масонов, могли бы совпасть с вышеизложенным.

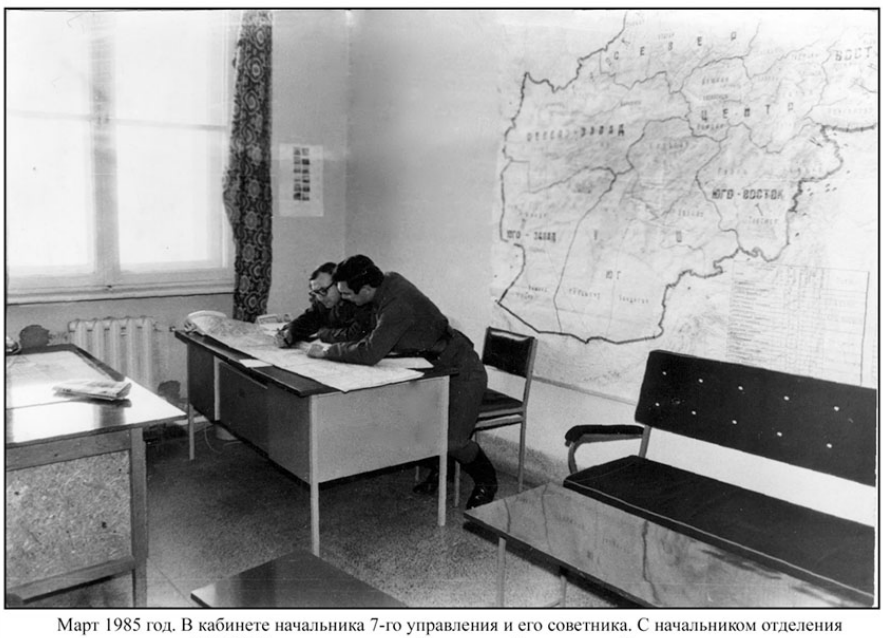
Первые операции

В те уже далекие 80-е истинный смысл происходившего и в страшном сне не мог присниться, особенно нам, военным, свято верившим в идеалы, искренне служившим государственным интересам СССР, казавшегося столь несокрушимым и незыблемым.

Твердо верилось в возможность и необходимость достижения поставленных в Афганистане целей.

С подобными мыслями и большим желанием очутиться в гуще событий, заняться настоящим делом я и приступил к работе сразу же по прибытии в Кабул 1.04.84 г.

В первые дни побывал в штабе и политотделе 40-й ОА. Членом военного совета там был бывший сослуживец по САВО генерал-майор Ремез Н.К., его первым замом — старый знакомый полковник Магда В.А., начальником отделения спецпропаганды — однокашник, «японист» подполковник Вячеслав Подшибякин.



Март 1985 год. В кабинете начальника 7-го управления и его советника. С начальником отделения спецпропаганды ПО 40 ОА подполковником Казыковым Владимиром Федотовичем. Отрабатывается взаимодействие на очередную операцию.

Сразу же постарался вникнуть в военно-политическую обстановку и оргштатную структуру армии ДРА, состояние аппарата и имевшихся сил и средств спецпропаганды. Безотрадно выглядели обеспеченность и состояние технических средств, в первую очередь звуковещательных станций. Безграмотность

подавляющего числа местного населения и личного состава бандформирований неизмеримо усиливали их важность. Необходимо было увеличение количества станций как в условиях маневренных и мобильных действий войск в ходе боевых операций, так и в пунктах постоянной дислокации. Многие звукостанции бездействовали ввиду отсутствия мелких запчастей, например мембран для громкоговорителей. С первых дней пришлось заниматься сбором информации из корпусов и дивизий о состоянии техники и забрасывать Москву просьбами о поставках запчастей.

Надо отдать должное руководству и офицерам 7-го управления — генерал-лейтенантам Волкогонову Д.А. и Смориго Н.И., генерал-майору Шершневу Л.И., полковникам Хилько Б.В., Чернете О.Г. и Королеву И. — они живо интересовались обстановкой, энергично и оперативно старались сделать все возможное в интересах дела.

Вскоре, 19.04.84, мы с А. Ваходом отправились на первую для меня операцию. После длительного перемирия возобновлялись боевые действия против отрядов «панджшерского льва» Ахмад Шаха Масуда. Советский и афганский КП по руководству боевыми действиями находились в Баграме, рядышком, где и взаимодействовали. Общее руководство осуществляла опергруппа МО СССР во главе с генерал-полковником Меримским В.А.

Разобрались с обстановкой. Отдали необходимые распоряжения политотделу 1-го ак. Организовали взаимодействие с находившимися здесь же коллегами из 40-й. Связались со своими в Кабуле, определили задачи по подготовке листовок с указанием тематики и некоторых аргументов, тиража, районов их распространения авиацией. Эти задачи отрабатывались в управлении, включая взаимодействие со штабом афганских ВВС. Там же находился и советник РСП полковник Андриенко М.В., курировавший эти вопросы. Часть тиража доставлялась непосредственно в передовые части.

Работа на Баграмском КП кипела круглосуточно. Сбор данных по обстановке, выработка решений, постановка и уточнение задач частям и подразделениям и т. д. Руководящий состав обычно собирался к 5.30.

Не задерживаясь на КП, мы перебрались на передовой командный пункт (ПКП) в Анаву, уже в самом Панджшере. Здесь же находилась группа отделения спецпропаганды и агитотряда 40-й ОА, несколько звуковещательных станций. Незадолго до операции Ахмад Шах, уже располагая информацией о предстоящих событиях, под угрозой расстрела выгнал из ущелья

всех до единого жителей кишлаков, разбросанных вдоль живописной долины реки Панджшер на протяженности до 80 километров. Действуя при этом иногда довольно жестоко в отношении сопротивлявшихся и недовольных земляков, тем самым спасал им жизнь. К тому времени он уже обладал значительным опытом предыдущих операций, когда в результате боевых действий пострадал кое-кто из местных жителей. А.Ш. считал, что любой из них вольно или невольно может оказаться потенциальным проводником для «шурави».

Позже мы узнали, что основную группировку своих отрядов он заранее увел через Андараб на север, частично — южнее, оставляя сравнительно небольшие маневренные группы. Эти мелкие отряды, действовавшие с господствующих высот и заранее подготовленных позиций для крупнокалиберных ДШК, тем не менее доставляли много хлопот. «Выковыривать» их оттуда было непросто, зачастую лишь с помощью авиации. Стреляли их пулеметчики здорово, нередко прицельно по триплексам БТР, БМП и танков. Было несколько случаев, когда очередями «срезались» антенны бронетехники.

Действовали мятежники очень умело, дисциплинированно и организованно, передвигались быстро и незаметно. «Перебегать» их в горах, с детства привыкших и натренированных, чрезвычайно выносливых, пешком облазивших все окрестные тропы и пещеры, нашим бойцам-пацанам было сложно. Они привыкли все больше на колесах, а к засевшим высоко «духам» добираться нужно было на своих двоих… Да еще за плечами и в руках тащить килограмм сорок оружия, боеприпасов, сухпайка…

Здесь я понял, почему душманов называли «духами» — они вроде и есть где-то рядом, даже стреляли, но вдруг растворились и опять невидимы. Нередко они действовали как смертники. Помню радиоперехват, когда из одной пещеры, находясь уже в отчаянном положении, оборонявшиеся запрашивали у старшего разрешение оставить позицию. Им невозмутимо ответили: «Вы знаете, что вас ожидает в таком случае». Повторного запроса не последовало.

Иногда звукостанции работали просто в «пустоту», на всякий случай.

В Анаву доставили захваченного накануне пленного. Он не смог уйти, так как подорвался на «растяжке» и ему оторвало ступню. После оказания ему помощи и кормежки допросили, подготовили и записали его обращение к своим сородичам.

Старший инструктор политотдела 40-й ОА майор Мерзляков В.И., с которым мы утром работали с пленным, на ЗС-72Б отправился вверх по долине в Руху, за которую к тому времени

уже продвинулись войска. Где-то на полпути водитель не справился с управлением и свалил БРДМ-2 в обрыв, сравнительно неглубокий, метра три. Поскольку офицер сидел в люке, в момент опрокидывания вылетел, упал в обрыв, а сверху на него грохнулась броня всем своим весом. Кто-то мгновенно подъехал, зацепили тросами, начали переворачивать машину на бок, но она опять сорвалась и еще раз придавила несчастного. Так он погиб. Посмертно был награжден боевым орденом.

Беда пришла — открывай ворота. Через несколько дней попали в засаду «королевский» батальон 682-го мсп 108-й мсд и один из афганских пехотных батальонов 1-го ак. Двигаясь от Панджшера на юг, левее протекавшей речушки шли две советские роты и одна афганская. Правее, где находились оба комбата — две афганские и одна советская. Шли довольно безмятежно, с грубейшим нарушением боевых уставов и наставлений, не выслав на фланги охранение, поскольку тому необходимо было бы двигаться с занятием высот. Это заметно тормозило бы темпы продвижения. Однако в вышестоящий штаб, все время требовавший ускориться, постоянно докладывалась недостоверная информация.

Выйдя к обширной долине, образуемой при пересечении двух ущелий под названием «Писгаранский крест», расположились на привал. Светило яркое весеннее солнышко, зеленела ранняя трава, весело щебетали птицы.

Здесь и была устроена на них засада. Когда с трех направлений ударили пулеметы, комбат Королев кинулся через речушку на левый берег, где находились его основные силы. Снайперская пуля попала ему в лоб, едва он ступил в воду. В нескольких метрах от него та же участь постигла и афганского комбата. Потери были крупнейшими за всю кампанию. Только советский батальон убитыми и ранеными потерял свыше 160 человек. Некоторые подробности этого боя мне рассказывал генерал-майор Ремез Н.К., сам, как мне показалось, почерневший от горя. Осуществлявший общее руководство той операцией генерал-полковник В. Меримский позже в своей книге «В погоне за «Львом Панджшера» скажет: «За время моего пребывания в Афганистане я никогда не встречал батальона, который понес бы такие потери в результате одного боя».

Летом 2012 года по телевидению была передача, в которой двое из выживших участников этого боя вместе со съемочной группой побывали на том месте. Там же присутствовали и некоторые бывшие душманы из состава той засады, показывая на местности и подробно рассказывая, что, где и как происходило.

В те апрельские дни погода была неустойчивая. Через день

после случившегося она была нелетной и армейская авиация не «работала». Зато пришли «стратеги», действовавшие с одного из среднеазиатских аэродромов. Основные цели оказались закрытыми. Уйдя на запасные, они со всей дури отработали вроде бы по ним, но оказалось, частично по расположению нашей десантуры. При этом погибли 28 советских ребят.

Вообще та операция охарактеризовалась сплошной черной полосой.

В начале мая мы с Вахедом побывали в Рухе. Живописнейшая долина, где широким плесом разливалась река Панджшер. Кишлак располагался на высоком правом берегу, как в лесу утопая в зелени могучих деревьев. Подобный пейзаж был большой редкостью для почти безлесой страны. Улиц как таковых не было. Глинобитные, по всей видимости, зажиточные подворья разбросаны под вековыми чинарами. Почти возле каждого небольшие водоемы, нечто вроде бассейнов. Чистейший воздух. Сплошная идиллия… Стихи там писать, а не воевать.

Кишлак был абсолютно безлюдный. Хотелось из любопытства заглянуть в один из домов, однако поостереглись «растяжек» и других сюрпризов.

Вспомнился эпизод 1982 года, когда командующему САВО Д. Язову во время доклада об итогах состоявшейся накануне самой крупной Панджшерской операции начальник штаба 40-й генерал-майор Н. Тер-Григорьянц, отвлекшись от многочисленных карт и пояснительных записок, вдруг сообщил: «Вообще-то в Панджшере есть замечательно красивые места, например Руха. Если когда-нибудь наступит мир, лучшего места для размещения военного санатория не найти!»

Этот эпизод в какой-то степени характеризует менталитет наших военных, в 1982 году еще не сомневавшихся в успехе — придет время, враг будет разбит, наступит мир и появится в ДРА еще одна советская группа войск, да еще и со своей здравницей в живописнейшем месте.

Но война с ее печальными реалиями продолжалась. Едва вернувшись в Баграм, нас с А. Вахедом срочно вызвали к руководителю операции генерал-полковнику В. Меримскому. Кратко и сурово он сообщил: в районе Саланга в ходе боя советская мотострелковая рота обстреляна в спину каким-то афганским подразделением, много убитых и раненых. «Отправляйтесь на аэродром, «вертушки» уже ждут, летите и на месте разберитесь «со своими».

Не знаю, но догадываюсь об ощущениях Вахеда в тот момент. Сам же чувствовал себя, словно присутствовавшие при этом генералы и офицеры в нас самих с Вахедом видели виновных.

По пути на аэродром Вахед несколько раз повторил, что этого не может быть. Вместо ущелья, где шел бой, пара «Ми-8» высадила нас на Саланге, прямо на шоссе, километрах в двадцати севернее Джабаль-Уссараджа. Чуть поодаль нас поджидала БМП с экипажем «шурави». Встретились, стоим, ждем. Вроде бы должна подойти бронегруппа. Обожженные, закопченные скалы вдоль обочины. Внизу — речушка. Там и сям во множестве застыли остовы подорванных и сгоревших БТР, БМП, «КамАЗов», танков. Некоторые танки кверху гусеницами, другие без башен… «КамАЗы» и БТР без сгоревших колес стоят на осях, как на коленях. Удручающая картина.

Минут через сорок по рации приходит «отбой». Вскоре появляются «вертушки» и доставляют нас обратно в Баграм. Садимся, выходим. Неподалеку груда трупов, около полутора десятков. Тех самых. У всех осколочные поражения в спину. Стреляли НУРСами и ошиблись советские вертолетчики, афганских там не было. Действовавшая там рота царандоя (милиции) оказалась ни при чем. Буднично извинились. Думаю, что подобных незаслуженных оскорблений у Вахеда, да и не только у него, за все время накопилось достаточно.

По завершении операции работаем в управлении. Очевидна необходимость дальнейшего развития оргштатной структуры. Корпусные БАО (боевые агитотряды) не могут самостоятельно работать в кишлачной зоне без брони и пехоты. Добиваться прикрытия у комкора нелегко — своих подразделений у него нет, а в подчиненных дивизиях в строю катастрофически не хватает личного состава. Велик некомплект, усугубляемый запредельными масштабами дезертирства. Решаем вводить в штат БАО свою, штатную пехотную роту на бронетранспортерах. Теперь другой казус — комкор заимел дополнительное боевое подразделение, которое зачастую стал забирать из БАО для решения других задач.

Проводим коллегию МО ДРА, заслушиваем поочередно ряд командиров армейских корпусов и дивизий, начальников политорганов, их советников. Разрабатываем директивы, пишем обзоры, критикуем, пытаемся встряхнуть руководство, наладить постоянную систему работы БАО и других сил и средств в зонах ответственности.

Назревает необходимость усиления аппарата в соединениях. Поэтапно разрабатываем штаты и разворачиваем спецотряды вначале в пехотных дивизиях и отдельных бригадах, а затем и в погранбригадах. Но техники не хватает. Она хоть и поступает, но не в том количестве. Позже будет развернут и БАО «Ц» (центра), непосредственно подчиненный Управлению.

В июле получаю команду от старшего группы советников при ГлавПУ генерал-майора Манойлова М.Н. убыть с Вахедом в командировку на погранзаставу Ду-Пушту на иранской границе. Это к западу от Герата. «Зачем?» — «Согласно плану работы в войсках». — «А что мне там делать?» — «Работать». В общем, стереотип обычного политработника. Как и в Союзе, где начальники политорганов сплошь и рядом отвлекали нашего брата куда угодно, не давая работать по прямому назначению и фактически дисквалифицируя специалистов.

Здесь отвлекусь. В те годы сама мысль о какой-либо реорганизации аппарата специальной пропаганды могла казаться кощунственной, хотя кое-где еще раньше я ее высказывал. Приходилось в определенной мере завидовать зарубежным «коллегам» — например, в армиях США, Великобритании или ФРГ, где войсковой аппарат политической разведки и психологической войны более продуманно всегда организационно входил в разведорганы и в отличие от Советской армии более серьезно занимался своими прямыми обязанностями. Исторический анахронизм, сложившийся еще со времен Гражданской, благополучно разрешился в процессе ликвидации ГлавПУ СА и ВМФ и политорганов всех звеньев в 1991 году после разгрома ГКЧП. Целесообразность сохранения, реорганизации и переподчинения 7-го управления и всех нижестоящих структур была очевидна и сомнению не подлежала. В этот период я уже проходил службу в Сочи, но связь с бывшими сослуживцами поддерживал, переживая за происходящее и судьбу того, чему посвятил предшествовавший период жизни. Неоднократно общался с полковником Б.В. Хилько. С ним связывали годы учебы и последующие служебные отношения. В моем представлении Борис Витальевич — добросовестнейший офицер и человек, великолепный организатор — являлся ключевой фигурой в Управлении. Будучи заместителем начальника 1-го отдела, он фактически выполнял роль «начальника штаба», в том числе осуществляя важнейшие задачи взаимодействия с различными управлениями Министерства обороны и Генерального штаба.

Где-то в сентябре 1991 года я позвонил ему и поинтересовался судьбой нашего аппарата. Борис сообщил, что бывшее 7-е будет сохранено, и, возможно, реструктурировано в состав одного из главных управлений Генштаба, но вопрос еще прорабатывается. Я тут же высказал свою точку зрения по поводу возможности в связи с возникшими обстоятельствами решить вопрос конкретно по аналогии с зарубежными армиями. Мол, давно пора. Подробностей не знаю, но результат известен. Думается, что главная заслуга в этом принадлежит Борису

Хилько.

Но вернусь к афганским реалиям, в Ду-Пушту. Слетали, вернулись. Я полез в «бутылку», мол, своих дел невпроворот, а тут… Манойлов расценил это как бунт на корабле. Собрали партсобрание, «прочистили». Все как полагается. Однако пошло на пользу, больше в подобные командировки не направляли. Зато «зачастили» на боевые. Всего за два года у меня набралось 220 суток боевых и специальных операций. Без хвастовства, для информации — у других советников нашей группы таких суток набиралось в разы меньше.

Примерно так же обстояло с советниками Генштаба и других управлений МО ДРА. Исключение составлял, пожалуй, лишь советник начальника инженерных войск генерал-майор Куценко Виктор Павлович, замечательный поэт, бард, художник. Не «вылазила» из операций группа управления боевыми действиями во главе с генерал-лейтенантом Д. Шкрудневым, а затем — В. Филиповым. И Михаилу Андриенко, и мне частенько приходилось действовать с ними, особенно в провинциях Пактия и Пактика. Тем не менее я предпочитал, чтобы Андриенко оставался в управлении, так как в отличие от меня он владел дари и был нужнее на «хозяйстве».

Вскоре решил сократить количество выездов начальнику управления Вахеду — в Кабуле он был полезнее. Чаще брал с собою либо его зама подполковника Дост Мухаммада, либо кого-то из начальников отделов. Вообще нередко случалось, что мы, советники, попросту подменяли афганцев и взваливали на себя их функции. Конечно, это было неправильно, но делалось из лучших побуждений. Они особо не возражали, в случае промахов тыкая в нас пальцем.

О том, что за вычетом отпуска фактически треть времени провел на боевых и специальных операциях, сейчас не жалею. От пребывания на боевых, в глухих кишлаках и ущельях, в общем — в гуще событий, у меня набралось слишком много собственных впечатлений и информации. В то же время, являясь советником одного из управлений центрального аппарата, имел возможность быть в курсе многих процессов, происходящих в верхних эшелонах. Это давало возможность одновременно как бы просматривать все срезы афганского котла снизу доверху.

За полгода до замены мне предложили должность в Москве. Я дал согласие, тем более что буквально накануне еле ноги унес из Джагури, центра одноименного хазарейского уезда. Старший нашей группы О.И. Бажора, сменивший М. Манойлова и за несколько месяцев своей службы в ДРА пару раз слетавший в однодневные командировки в пункты постоянной дислокации

корпусов (отнюдь не на боевые), вдруг спрашивает: «А сколько времени ты уже в Афганистане?» Ответил, что уже полтора года. «Так отчего же ты торопишься с заменой?» Такие вопросы бывали и со стороны партийных советников, и их коллег из Совмина и других ведомств, в основном сидевших в Кабуле. Они были готовы защищать народную власть лет двести, а сотрудники посольства СССР — в разы дольше. Бажоре ответил, что уже и за полтора года насмотрелся столько, что готов поделиться со многими другими, будь то возможно. Тем не менее замену мне все же прислали ровно через два года со дня прибытия.

Однако скажу честно, что всякий раз, отправляясь в очередной выезд, в какой-то степени завидовал коллегам по центральному аппарату, месяцами не испытывавшим никаких подобных стрессов. Зато в Союз все в равной степени возвращались с геройским видом.

В этом смысле слегка повезло многим тем, чей период службы пришелся на этап «национального примирения», особенно с конца 1986 года. Появившиеся у «духов» в большом количестве «стингеры» и «блоупайпы» начали пачками сбивать летательные аппараты обеих армий. В результате ранее имевшееся за счет авиации превосходство быстро утратилось. Боевые действия сворачивались. Вылеты на них сокращались.

И еще о личном. За два года у меня за вычетом отпуска набралось целых два выходных. Оба раза почему-то на 8 ноября, соответственно в 1984 и в 1985 гг. И вовсе не потому, что не хотелось. Дело в том, что у афганцев, как и у всех мусульман, выходной был в пятницу. «Джуму» они чтили свято, за исключением периода нахождения на боевых. У советников, тем более центрального аппарата, — день рабочий. Работал Генштаб и главные управления МО СССР, поэтому мы всегда должны были быть на связи. Да и вообще нам, православным, положено отдыхать в воскресенье. Но в воскресенье рабочий день у «подсоветных». Естественно, пропадая в командировках, стремишься потом наверстать упущенное и использовать по максимуму каждый день нахождения в Кабуле. К тому же советники ЦК НДПА и Совмина, с которыми приходилось много взаимодействовать, также отдыхали в пятницу, работая в воскресенье. В этом, наверно, тоже заметна разница между военными и гражданскими.

Вот так у меня и получились два «ежегодных» выходных.

Напряженными бывали командировки в Кандагар. Взаимоотношения между местными и советской 70-й омсбр там были, мягко говоря, неприязненными. Даже днем при прохождении колонн случались засады и нападения. Центр был

заметно разрушен. Особенно часто бои шли в районе так называемой Черной площади на западном выезде из Кандагара по дороге в сторону Гиришка-Герата. Как верно описал Виктор Верстаков, на «Черной площади броня горит средь ночи и средь дня…»

В окрестностях столетиями существовала развитая подземная система орошения — кяризов. Там и сям колодцы выходили на поверхность, как по всей округе, так и у самой дороги. Внезапно появляясь буквально из-под земли, мятежники лупили в упор из гранатометов по бронетехнике и машинам и тут же уходили. Некоторых, заметив нередко с опозданием, «косили» с других машин. Нападавший, только что подбивший советскую или афганскую броню, стоя на коленях и воздев руки к небу, умирал с выкриками «Аллах Акбар!». При этом он был абсолютно уверен, что сейчас же отправляется прямо в рай.

Позже было принято решение в наиболее опасных местах очистить прилегающую к дороге территорию от виноградников. Кое-где на приличное расстояние, а у Черной площади — почти на километр. Конечно, это только усиливало ненависть со стороны местных.

Неподалеку находился гарнизон, где дислоцировался штаб 2-й ак с частями обеспечения, 15-й пд и 7-й тбр. Там же размещался и БАО. Военный городок был ухоженный, весь в цветниках и кипарисах, что особенно напоминало мне Сочи. Это являлось особой гордостью командира армейского корпуса и губернатора генерал-лейтенанта Улюми. В 1990 году он, кстати, гостил у нас в Сочи, отдыхая в Центральном военном санатории имени К. Ворошилова, где мы вместе вспоминали былое.

Однажды утром в июне 1984 года, готовясь к выходу на операцию, услышали, как на Черной площади разгорелся бой. Советские «вертушки», интенсивно работая по прикрытию двигавшейся колонны «наливников», по ошибке нанесли удар по расположению БАО. Один офицер погиб. Возмущение афганцев в адрес «шурави» и нас, присутствовавших, зашкаливало.

Вскоре отправились в район кишлака Синджарай, километрах в 20 к западу от Кандагара. Все как обычно — упор на звуковещание, митинги, беседы, медпомощь. Там сплошные виноградники. Слегка увлеклись, оказались в их глубине. Было жарко, но внутри «зеленки» прохладнее. Расположились на привал. Конечно, было выставлено охранение. Подошла группа бачат. Говорят, тут неподалеку есть отряд моджахедов, желающих перейти на сторону народной власти и якобы готовых тут же отправиться с нами для «сдачи» той самой власти. «Мы, — говорят, — быстро сбегаем и приведем их». Почти обрадовались

— вот он, результат работы! «Давайте, ведите их сюда!» Бачата исчезли. Мы же, поразмыслив и оценив не слишком благоприятные условия нашей дислокации и сплошные скрытые подступы вокруг, решили из виноградников поскорее выйти. Да и неизвестно было, какой численности окажется тот отряд и чем все может закончиться. Скорее — ловушкой. А желающие «сдаться» и сами могут это осуществить, коль подобное решение созрело. Вспоминая эпизод, считаю, что поступили благоразумно.

Тогда же мы отработали и в уезде Панджвайи, расположенном в 40–45 километрах к западу от Кандагара. Двигались по проселочной дороге в колонне 7-й танковой бригады. Мы с А. Вахедом восседали на башне Т-54, где-то за первой ротой. БАО-2 следовал в хвосте. Вдруг оглушительный взрыв — подорвался головной танк. Колонна вначале остановилась — кинулись оказывать помощь пострадавшему экипажу. Следующая машина начала обходить место подрыва слева — вновь подрыв. Третья ушла вправо — то же самое, да и еще с отлетевшей в сторону башней. Так же плачевно закончилась и попытка четвертого танка. Погибшие, раненые, крики, стоны. Оказалось целое крестообразное поле из фугасов и противотанковых мин. Случайно ли оно совпало с нашим маршрутом или кто-то заранее его знал и указал?

Здесь же, в Панджвайи, я получил первое наглядное представление, в чем заключалась разница между «парчамом» и «хальком». Выяснилось, что в этом уезде находились владения члена политбюро ЦК НДПА и одного из ближайших соратников Б. Кармаля — «товарища» Н.А. Нура. Мы стояли на высотке с начальником уездного ХАДа. Он, указывая на местность, рассказывал: «Вот видите, все эти виноградники — более 900 джерибов земли (180 га) — это земля товарища Нура. Ее обрабатывают душманы. Примерно 50 % доходов с этого урожая имеет Нур, 50 % — душманы».

Начальник ХАДа являлся бывшим учителем истории уездной школы, местный житель. Там вырос, дышал этим воздухом, знал буквально все. Хочу подчеркнуть, что для афганцев тайн и секретов не существовало. Стоило лишь одному из них что-либо узнать — будет известно всему Пуштунистану.

«А вот та территория, — продолжал он, — владения командующего царандоем провинции Кандагар…»

По возвращении в Кандагар в провинциальном комитете НДПА я встретился с партийным советником Шабуниным А.Е. Социалистический стереотип моего менталитета, столкнувшись с началом познания афганских реалий, вызвал необходимость задать ему вопрос: «Анатолий Егорович, вы хорошо знаете своего

командующего царандоем?» — «Конечно. Это бывший рабочий фабрики, затем был мастером, начальником цеха. Потом стал директором. Когда началась революция, он пришел в царандой. Скоро генерала получит…»

Рядом сидел Абдул Вахед, тоже кандагарский. Он чуть со стула не свалился, услышав такую пролетарскую биографию. «Да что вы, это сын богатейшего землевладельца, бывший порученец командира корпуса еще при короле! Ваш командующий царандоем, будучи адъютантом у этого комкора, женился на его дочери…»

Да, Нур и царандоевец в отличие от Кармаля были пуштунами. Но в силу своего имущественного происхождения они являлись единоверцами. Тогда и возникает вопрос: если все эти земли принадлежали Нуру, командующему царандоем и другим крупным и средним землевладельцам-парчамистам, которые имели с этих угодий немалые доходы, то были ли они в состоянии по своим классовым убеждениям отказаться от них? Если нет, то возможно ли там было становление и укрепление революционной власти, стабилизация обстановки, осуществление земельно-водной реформы? Да нет, конечно. Тем более что по афганскому летоисчислению шел 1362 год. Их мировоззрение явно соответствовало тому.

В противном случае они бы всего лишились. А раз так, то для них было выгодно, если эту территорию по-прежнему контролировала бы контрреволюция, душманы.

Вот почему все долгие 9 лет в Кандагаре оставалась сложная обстановка.

Пуштуны-халькисты, многие из которых прошли обучение и имели представление об СССР не понаслышке, к тому же в какой-то степени знакомые с социалистической идеологией, — могли ли они мириться с этим и тупо следовать лицемерным кармалевским призывам к «единству»?

Мы, военные, выносили свои оценки из гущи событий, из низов, нередко дорогой ценой оплачивая горький опыт.

Посол и аппарат партийных советников ЦК НДПА афганскую действительность изучали, наблюдая ее панораму из окон своих кабинетов или персональных автомобилей, проезжая по центральным, наиболее безопасным улицам Кабула.

Летом 1985 года меня пригласил на день рождения советник отдела пропаганды ЦК НДПА Иволгин М.А. К нему я относился с уважением, по достоинству оценивая его многие качества. Взаимоотношения и взаимодействие у нас были хорошие. Он был энергичным и деловым, доступным по всем рабочим вопросам, хорошо ориентировался в работе аппарата ЦК и Совмина, что

значительно облегчало решение многих проблем. В Кабуле он проживал на территории Политехнического института.

Выпили, закусили, опять выпили… говорили о делах, впечатлениях. Вдруг, уже захмелев, он как-то неловко, засмущавшись, начал осторожно расспрашивать: «Слушай, а ты все время на операциях так вот и находишься среди афганцев, один?» — «Нет, с переводчиком, с некоторыми другими советниками». — «А кто тебя охраняет, где ты питаешься, спишь, живешь?.. Но ведь это опасно, мало ли… Ты же советник центрального аппарата, зачем же ты, спланировав и организовав что-либо, летаешь на операции?.. Я ведь даже от своих подсоветных неоднократно слышал, какие у вас случаются передряги…» В общем, такие вот расспросы. Подумалось: как же вы, высокопоставленные партийные труженики, далеки от реальной действительности в тиши своих кабинетов! Чувствовалось, что его страшила сама мысль покинуть пределы даже центра Кабула. Но ведь все установки, рекомендации, инструкции исходили от таких, как Иволгин. Возвращаясь в Союз, они получали высокие должности. Михаил Александрович, например, сразу же возглавил Комитет по делам религий при Совмине СССР, что означало ранг союзного министра.

По долгу службы мне неоднократно приходилось бывать на различных совещаниях и партийных активах, где тон задавали посол А.Ф. Табеев, главный партийный советник В.Г. Ломоносов. Попытки военных донести информацию об обостряющихся межфракционных разногласиях, ухудшающейся обстановке и необходимости изменить ситуацию переориентацией ставки на халькистов вызывали у них раздражение и пресекались. «Прекратите разговоры о фракционной борьбе… не вносите раскол в НДПА… не препятствуйте достижению подлинного единства…» Иллюзия возможностей достижения мнимого единства просто граничила с глупостью и фактически являлась предательством халькистов — тех самых, кто совершал эту революцию. Образно говоря, нас убеждали, что «мост надо строить вдоль реки, а не поперек».

Понимая, что у военных более широкий кругозор от собственных впечатлений на местах и как бы выверенных между собою оценок, тем не менее временами тогда казалось, что откровенное игнорирование верхними эшелонами власти очевидного связано с неизвестными нам соображениями более высшего порядка. Фактически так оно и было, только эти «соображения» диктовались из Израиля.

Сейчас по прошествии многих лет понимаешь, что все мы находились там в параллельных мирах и абсолютно разных

мироощущениях: «парчам» — в одном, «хальк» — в другом, посольство СССР, аппарат партийных советников и КГБ — в третьем, военные и представители МВД — где-то в промежности.

В Кандагаре приходилось бывать еще не раз. В сентябре 1984 года проводилась совместная операция из района кишлака Синджарай на юг в сторону кишлака Талукан в 20 километрах юго-западнее Кандагара. Войска прочесывали «зеленку», выбивая засевших в виноградниках. Вдоль ее южной окраины были выставлены блоки для перехвата отходивших мятежников. С БАО 2-го ак мы выдвинулись под вечер в район в нескольких километрах от этого кишлака, чтобы поработать в ночь звукостанциями, а затем продолжить с утра следующего дня. На ночлег забазировались на одном из редких танковых постов 7-й тбр. Пост был стационарный — на небольшой высотке три вкопанных Т-34 с афганскими офицерскими экипажами, месяцами находившимися в сплошном душманском окружении. Их там не особо беспокоили, так же как и они. Правили службу, охраняли сами себя, лишь во время подобных операций не пропуская отходящих «духов». Тогда же им завозили продукты, почту, деньги. На этом «обитаемом острове» нас встретили радушно, тем более что мы как раз и доставили то самое необходимое, прессу, новости.

Отработали по вечернему плану. Ночь прошла спокойно. С раннего утра боевые действия возобновились. Активно работала по «зеленке» артиллерия, в том числе реактивные системы. У подножия поста проходил оросительный канал, метра три-четыре шириной. На противоположенном берегу высокая насыпь, образованная при его отрыве. По этой самой насыпи и отработали то ли «Грады», то ли «Ураган», когда я спустился к воде побриться. Кто-то из афганцев протянул мне еще горячий осколок размером с грецкий орех. На память. Срочно связались с КП 2-го ак, те, в свою очередь, — с советским КП. Сообщили координаты поста, мол, сюда палить не надо. Минут через десять — ответное: «поняли, не будем!» Еще через несколько минуть опять разрывы по насыпи. Но затем обстрел прекратился.

Выполнив задачу, двинулись к кишлаку, чтобы поработать с местными дехканами, провести митинг, беседы, раздать листовки. С нами были медики, участие которых в медицинской помощи местным крестьянам, годами ее не видевшим, оказывало исключительно благоприятное воздействие и порой бывало результативнее многих других форм и методов.

Подъезжаем ближе, наблюдаем развернувшихся в цепь «шурави», движущихся к кишлаку. Решили подождать — пройдут, тогда уж и мы приступим. Не успели «интернационалисты»

прочесать кишлак, как в нашу сторону двинулась толпа местных. С собой они притащили на каком-то подобии плащ-палатки «вещдоки» — остатки разбитых и разграбленных дуканов. Старики возмущались, что-то выкрикивали…

Свою программу мы, конечно, выполнили. О безобразиях доложили руководству 70-й омсбр, затем командованию 40-й армии. Какие меры были приняты — не знаю. Скажу лишь, что после подобных «операций» количество душманов явно не уменьшалось.

Боевые действия шли непрерывно. Везде задействованы наши силы и средства — округ Хост, приграничные с Пакистаном провинции Нангархар, Кунар, Пактия, Пактика, Заболь, опять Кандагар.

В промежутках много работы по совершенствованию оргштатной структуры. Разрабатываем и разворачиваем агитроты в дивизиях и 21-й пехотной бригаде в Фарахе. В погранвойсках — отделения спецпропаганды и БАО ПГВ, агитвзводы в десятке погранбригад. Дошла очередь и до создания БАО центрального подчинения. Попутно развернули военные отделы на радио Кабула и телевидении. На базе политеха организовали курсы офицеров спецпропаганды. Для руководства и работы на них был прикомандирован полковник Пиков Н.И. Позже, через несколько месяцев после замены в 1986 году в этих же целях туда опять прибудет полковник Андриенко М.В. Для него это будет уже «дубль-3».

Главные проблемы — офицерские кадры, некомплект рядового состава и техники, в первую очередь звукостанций. К началу 1986 года по штату — 77 единиц ЗС-72 (82) Б и ОЗС-78, в наличии 38, из которых 15–20 % в неисправном или поврежденном состоянии. Наращиваем выпуск печатной продукции, снабжаем ею дивизии и бригады, зачастую организуя ее точечное распространение силами авиации. Благо уже накоплена обширная информация о тех или иных бандгруппах и их главарях в провинциях, конкретных уездах и даже населенных пунктах — хорошо поработал отдел политической разведки во главе с подполковником Далилем.

К тому времени наше начальство как-то успокоилось, поняв, что нам просто не нужно мешать, так как своих инициатив в управлении было предостаточно.

В августе, сентябре, октябре помимо Кандагара события лично для меня происходили в основном в провинциях Пактия и Пактика, в том числе в Хосте, Алихейле (Нарай, дважды), Ургуне. Общее руководство проводившимися там войсковыми операциями 3-го (Гардезского) армейского корпуса осуществляла

группа управления боевыми действиями во главе с генерал-лейтенантом Шкрудневым, а затем сменившим его Филипповым В.И. и замминистра обороны ДРА генерал-лейтенантом Наби Азими. От 40-й ОА участие принимали подразделения 56-й десантно-штурмовой бригады (дшбр).

Алихейль (Нарай) находился в 70 километрах северо-восточнее Гардеза. Населения там практически не было. Вокруг сплошные высокие горы, на удивление поросшие лесом. Вдоль ущелья текла речушка. Наступавшие войска медленно продвигались в горах, тесня противника. Отступая, тот действовал мелкими группами, присутствие которых ощущалось лишь по эпизодическому огневому воздействию по нашим частям. В общем, ни масштабностью, ни динамичностью события не отличались.

БАО 3-й ак и аппарат 12-й пд занимались организацией звуковещания в направлении предполагаемого местонахождения бандгрупп. Вертолетами распространялись листовки. Совмещенный КП оперативной группы находился на перевале Нарай. Внизу, в долине, размещались КП 3-го ак и 56-й дшбр с подразделениями обеспечения и тыла. Там же народные умельцы из 56-й дшбр умудрялись прямо на БМД выгонять самогон из нескольких мешков поливитаминов. Особых усилий от нас с Вахедом там не требовалось, но и Шкруднев и Филиппов при выездах на операции постоянно настаивали на нашем в том участии. Понимая серьезность отношения многоопытных генералов к необходимости спецпропагандистского обеспечения боевых, мы с М. Андриенко также уважительно откликались, поочередно работая в составе их групп.

Хотя, конечно, у нас хватало важных задач и в других провинциях.

В один из дней мы с Вахедом решили выдвинуться поближе к переднему краю и разобраться, что там происходит. К тому времени войска продвинулись на 8–10 км. На нескольких бронетранспортерах мы проследовали по абсолютно пустынной дороге, пробитой техникой в лесистом ущелье вдоль извилистой речки. Возвращались через несколько часов. По дороге встретили афганца-танкиста, одиноко шедшего навстречу. Он подал знак, чтобы остановились. В руках у него был взрыватель от противотранспортной мины, который он только что извлек, метров за двести до того. Мы знали точно, что ни после нас, ни перед нами по этой дороге никто не проезжал, иначе кто-то бы подорвался. Значит, в тылу оставались душманы, по крайней мере какая-то группа. Видимо, мину едва поставили в колею, не успев замаскировать. Наверно, нам повезло.

Вскоре войска наткнулись на базовый район мятежников, и вялотекущая было операция потребовала наращивания усилий. Дело было под вечер. Мы с Вахедом спустились вниз на КП 3-го ак. Тут появилась пара советских «Ми-17» и начала заходить на посадку. Вертолетная площадка находилась буквально в 30–40 метрах от штабной палатки. Между ними находился ПХД (пункт хозяйственного довольствия, проще — походная кухня) корпусного управления. Снизившись, ведущий оказался почему-то во вздыбленном прямо по курсу громадном облаке пыли, хотя он должен был заходить против ветра. Возможно, ему были даны ошибочные метеоусловия авианаводчиком, поскольку тот находился на сотню метров выше, на перевале. На полосатую «колбасу», раздуваемую ветром, летчик почему-то не среагировал. Зависнув и продолжая на ощупь, в кромешной пыли медленно продвигаться в сторону предполагаемой точки посадки, пилот вышел за габариты, зацепился шасси за кабину «ГАЗ-66» и завалился набок. Отлетевший кусок лопасти сразил насмерть находившегося рядом сарбоза-часового. Мы уже к тому моменту обегали вокруг, чтобы оказаться с подветренной стороны. Выскочивший через боковые створки кабины экипаж с разбитыми лицами находился уже метрах в пятидесяти. Памятуя, как в аналогичной ситуации сгорел заживо Саша Давыдов, я мчался за ними и орал: «Кто в салоне?» — «Никого, только ящики с минами!» Из палатки ПХД мы ухватили какой-то сундук, оказавшийся почти под вертушкой, и оттащили его подальше. В нем обнаружились автоматы личного состава комендачей и боеприпасы к ним.

В это время по земле уже растекались ручейки топлива. Они сначала задымились, затем по ним побежали небольшие язычки синего пламени. «Вахед, уносим ноги, сейчас бак взорвется!». Вахед не возражал. Рванули в сторону, где метрах в 30 была неглубокая складка. Там и залегли. Те, кто был поближе, действовали так же. Бак действительно сразу же взорвался. Сдетонировав, собственный боекомплект НУРСов (св. 80 штук!) и минометный груз в салоне разлетались по долине около часа. Затем все стихло. Вахед говорит: «Вылазим?» — «Нет, давай еще подождем». (Советник ведь!) Ход мыслей был верным, так как еще пару разрывов прозвучало. Мы оставались еще в укрытии, когда сверху, с КП, сполз БТР со Шкрудневым. Не спеша приблизился, не открывая люка повращал командирской башенкой, постоял еще немного и, развернувшись, полез обратно на перевал. К счастью, жертв больше не было. Изрядно пострадали кухня, ужин и штабные палатки КП 3-го ак.

В конце октября-84 тяжелая ситуация сложилась в Пактике,

где в Ургуне в осаде оказалась 3-я погранбригада (пгбр). Частям 3-го ак и 56-й дшбр предстояла деблокация гарнизона и проводка колонны с продовольствием, боеприпасами и ГСМ. Выполнив задачу и добравшись до Ургуна, мы развернули работу среди местных жителей.

Ничего особо запоминающегося не случилось, за исключением удачных переговоров со старейшинами большого кишлака Чинахукалай в 15 км севернее Ургуна.

Со слов руководителей уезда и командования 3-й пгбр, в этот кишлак с декабря 1979 года еще никогда не ступала нога представителя кабульской власти. Дорога туда была заминирована, а его жители пробирались на базар в Ургун лишь им ведомыми тропами. Договорившись со старейшинами, 26 октября мы двинулись туда смешанной советско-афганской колонной напрямую по равнине. Впереди танк, за ним БТР-70, затем саперный БРДМ и все остальные. Не доходя километра три до кишлака, вынуждены были остановиться из-за усложнившегося рельефа. Правее, почти рядом, по высохшему руслу шла явно накатанная автотранспортом дорога. По обеим сторонам колеи пирамидками камней были обозначены створы, за которые, очевидно, выезжать не рекомендовалось. Невысокий обрывистый берег был песчаным, и наша техника могла вслед за танком беспрепятственно туда спуститься.

Сапер быстро проработал спуск щупом, доложил, что все чисто. «Заводи, вправо вперед!» Танк дернулся с одновременным разворотом вправо, и в тот же миг раздался взрыв под левой гусеницей, которая в тот момент проскочила над миной. Видимо, она была противотранспортной и оказалась под днищем при остановке танка. Потому и не была обнаружена. В воздух взметнулся столб песка, тут же накрывший нас. Кое-как отряхнулись, колонна спустилась в русло и благополучно продолжила движение.

Метрах в трехстах от окраины кишлака нас радушно встретила толпа жителей. Оказалось, это они накануне сняли заложенные ими же мины и обозначили створы в русле ручья, чтобы мы догадались о «разрешенном» маршруте движения.

Мы спешились и вместе со встречавшими двинулись к кишлаку. Колонна в том же порядке медленно тащилась поодаль. При въезде в кишлак посреди дороги была куча щебня; прошли левее, за нами танк, БТР… а вот БРДМу не повезло, когда под его правым передним колесом прогремел взрыв и колеса не стало. Пострадавших не было. Деды перепугались: вах-вах! Забыли про эту мину! Бойцы схватились за автоматы, отборный русский мат сотряс окрестности… Поскольку инцидент дальше не развивался,

мало-помалу все успокоились и вскоре добрались до места проведения митинга.

Выговорились как следует, в том числе и находившийся с нами замминистра племен и народностей тов. Вазири и секретарь уездного парткома НДПА.

Старший инструктор политотдела армии Н. Шаблыко, мой выдвиженец из САВО, с упоением разоблачил всех местных феодалов, мировую буржуазию, агрессивные происки американского империализма и пакистанской военщины. В общем, он наглядно доказал, что уровень марксистско-ленинской подготовки в Киевском ВОКУ, где его обучали на факультете командиров разведподразделений, был на должном уровне. Он бы еще продолжал, но я ему посоветовал: «Коля, кончай п….ть!» Однажды еще в округе он прославился. Получив на окружном складе новенькую звукостанцию на базе БРДМ-2 для своей 68-й мсд, двинулся по объездной дороге в сторону Сары-Озека. Приблизившись к перекрестку с кольцевым движением, где трасса уходила на город Фрунзе, скомандовал вымуштрованному водителю: «По кольцу — прямо!» Тот, как и было приказано строгим начальником, попер прямо — через громадную цветочную клумбу посреди кольца. Дорожным службам пришлось срочно возводить металлическое ограждение по периметру вокруг цветника. Чем раньше думали?!

Раздали агитлитературу, материальную помощь. Как всегда, наибольшим успехом пользовались медики. Под вечер мы благополучно вернулись в Ургун.

Вскоре у меня случился отпуск, и Новый год встречал в Сочи…

Джума Хан

В конце января 1985 года нас с советником начальника политотдела территориальных войск подполковником Мельниченко А.И. вызвал к себе главный военный советник генерал армии Г. Салманов. Дал прочитать донесение по линии КГБ о том, что дислоцированный в уезде Андараб провинции Баглан 507-й племенной полк под командованием бывшего главаря банд ИПА (Исламская партия Афганистана) Джума Хана «замышляет измену и возврат на сторону контрреволюции… вступил в сговор с панджшерским Ахмад Шахом, снабжает его своим оружием, боеприпасами, продовольствием, предоставляет убежище и базы отдыха его отрядам, обеспечивает их беспрепятственный отход через Андараб на север в сторону Хуоста-Ференга и Нахрейна во время их преследования войсками… В целях подготовки переворота 2 января тайно встречался в кишлаке Баджги близ Чаугани на Саланге с четырьмя главарями банд, действовавшими в том районе… договаривался о совместных действиях против власти…».

Главный приказал нам с Мельниченко создать группу для инспекции полка и срочно убыть туда для изучения обстановки и принятия мер. Подобную задачу от министра обороны ДРА получил начальник управления территориальных войск генерал-майор Зияутдин (халькист) и замначГлавПУ — начальник управления агитации и пропаганды генерал-майор Акрам (парчамист). Кстати, позже я обратил внимание, как обычно пропорционально формировались представителями обеих фракций подобные рабочие группы.

Группу укомплектовали офицерами своих управлений. В нее вошли также переводчик капитан Назим Джунусов, замначальника Центра агентурной разведки афганского разведуправления Генштаба ст. к-н Хисамутдин и советник начальника этого Центра полковник Покатило И.П. Через год Хисамутдин и начальник разведуправления генерал-майор Халиль будут арестованы якобы как агенты Ахмад Шаха. Вместе с ними будут арестованы еще несколько человек, в том числе и водитель министра обороны. Все они являлись выходцами из Панджшера. Хватка А.Ш. Масуда была известной, так что все могло быть. Впрочем, это мог быть и очередной раунд схватки между «парчамом» в лице заместителя начальника ХАДа доктора Боха и халькистским разведуправлением во главе с генералом Халилем. Взаимоотношения у них были неприязненными. Жена у Халиля была русской. В своей жизни не встречал иностранца,

владевшего бы так русским языком, как Халиль. К сожалению, его дальнейшая судьба мне неизвестна.

Применительно к ситуации с Джума Ханом добавлю, что его довольно крупный отряд раннее часто совершал нападения на советские и афганские колонны на Саланге. Однажды (кажется, это было в 1982 году) ему удалось захватить несколько грузовиков с водкой, на распродаже которой он кое-что заработал. Как известно, поставки водки в Афганистан осуществлялись в качестве советской безвозмездной помощи. Выручка от ее реализации шла на пополнение госбюджета ДРА.

В конце апреля 1984 года в нашем управлении были подготовлены специальные листовки и радиообращения (через радио Кабула) к Джума Хану, в которых он и ряд его подчиненных полевых командиров предупреждались о «неотвратимости возмездия» за совершенные преступления. Разумеется, это сопровождалось призывами сложить оружие и перейти на сторону народной власти.

Обстановка складывалась тогда таким образом, что в ходе проводившейся в апреле — мае-84 крупномасштабной операции против панджшерской группировки А.Ш. Масуда удача была на его стороне. Он вовремя совершил отвод главных сил севернее, через верховья Андарабского ущелья, вторгшись тем самым во владения Джума Хана. Встретив сопротивление его более мелких отрядов, кое-где их изрядно потрепал.

Настичь А. Шаха в Андарабе за счет высадки десантов из-за нелетной погоды не удалось. Получив двухдневную передышку, он сумел перебросить свои отряды еще севернее, где надолго обосновал свои базы. Все же затем десанты и подоспевшие от Чаугани советские и афганские бронегруппы прочесали всю Андарабскую долину, включая высокогорные ущелья Шошан и Косан. Однако отряды Ахмад Шаха растворились.

Тем не менее действия войск обеспечили условия для установления в уезде народной власти. Как оказалось, к тому времени Джума Хан уже склонялся к переходу на сторону правительства. Еще с начала 1984 года с ним были установлены контакты и велись переговоры по линии ХАДа — 5-м управлением, ведавшим вопросами борьбы с бандитизмом. Его-то как раз и возглавлял вышеупомянутый генерал-майор Боха. Почти одновременно с Джума Ханом были установлены контакты и со стороны разведуправления армии ДРА.

Как признался мне Джума Хан, он отдал предпочтение армии. Произошло это вскоре после прихода войск в Андараб. На перевале Хавак, откуда берут начало Панджшерское и Андарабское ущелья, состоялось подписание мирного договора.

От имени афганского правительства его подписал вышеупомянутый начальник разведуправления генерал-майор Халиль.

На базе отрядов Джума Хана был сформирован 507-й территориальный полк, насчитывавший почти тысячу человек. Полку было выделено вооружение, боеприпасы, обмундирование, оказана помощь в укомплектовании кадровыми офицерами, включая политработников.

Эти события широко освещались средствами массовой информации, в том числе и корреспондентом советского телевидения Михаилом Лещинским. Делегация местных жителей во главе с Джума Ханом была принята Бабраком Кармалем. Руководитель НДПА и государства громогласно обещал уезду самую широкомасштабную материальную и финансовую помощь, восстановление двух больниц и семи школ. Однако, как это часто бывало, ни сам Кармаль, ни кто-либо другой из его ближайшего окружения и пальцем не шевельнули, чтобы сдержать слово. Эти обстоятельства, как выяснилось позже, в значительной степени возмущали местное население.

Нам, «шурави», зачастую не посвященным в глубинные процессы межфракционной борьбы, казалось, что одержана важная победа. Сам факт, что еще один довольно обширный уезд с населением свыше 60 тыс. человек перешел под контроль государства, означал, что противнику нанесен ощутимый урон. Тем более что Андарабская долина непосредственно выходила к стратегической для судеб Афганистана транспортной артерии, соединявшей Кабул с перевалочной базой Хайратон. Установление там народной власти играло значительную роль в стабилизации обстановки в провинции Баглан. С военной точки зрения, сформирование 507-го полка создавало заслоны на маршрутах передвижения отрядов Ахмад Шаха между Панджшером и его базами к северу.

Наша уверенность в этом подкреплялась достоверной информацией о враждебных отношениях между обоими лидерами. Для нас важным являлся факт прекращения Джума Ханом борьбы против народной власти, и не было разницы, с кем был подписан им договор. Между тем, оказывается, разница была существенная. Шел подспудный процесс накопления сил. Доктор Боха — это ХАД, значит, «парчам». Генерал Халиль — это армия, то есть «хальк». Другими словами, подписав договор с Халилем, полк как бы перешел на сторону армии.

Знать бы тогда многие глубинные процессы этой борьбы и что Джума Хан погибнет через полтора месяца после нашей встречи, я бы обратил самое серьезное внимание на его информацию. В

нашем разговоре тет-а-тет (разумеется, с участием переводчика) он сообщил: «После встречи с Кармалем меня вызвал к себе доктор Боха и пригрозил: «Джума Хан, ты еще пожалеешь, что подписал договор с Халилем!» К сожалению, особого значения его словам я тогда не придал. Возможно, и сам Джума Хан не все знал и не в полной мере осознавал серьезность прозвучавшей угрозы. Поэтому вряд ли можно считать случайными посыпавшиеся вскоре шифровки из провинциального ХАДа, дискредитировавшие его. Мы же, получив задачу «разобраться», сразу заказали вертолеты.

В службе тыла министерства была специальная группа, принимавшая заявки на авиаперевозки, ведавшая их очередностью по степени важности и маршрутам, в конечном счете ставившая задачи штабу транспортной авиации афганских ВВС.

1 февраля 1985 года вылетели и вскоре были в кишлаке Бану, уездном центре Андараба. Там размещался начальник уезда, местный партком НДПА, ХАД. Рядом — 3-й пб 10-го пп 20-й пд. Менее километра от них под горой — мотострелковый батальон советской 201-й мсд.; напротив, через лощину в отдельном строении — группа нашей агентурной разведки. Там же в этот день оказались командир 201-й мсд полковник Малахов В.Н. и начальник политотдела полковник Стадник Н.Ф., которым мы представились и сообщили цель прибытия. Как мне показалось, руководители дивизии были вдумчивыми в отличие от некоторых «чапаев», каких в Афгане хватало.

В Андараб нами был подтянут и советник командира 20-й пд полковник Кулик.

К советскому батальону, находившемуся в отрыве от основных сил, уже несколько месяцев были прикомандированы заместитель комдива подполковник Соколов В.А. и 2-й зам по политчасти командира полка майор Подорванов В.А. Вторые замы комполков отвечали за работу с местным населением. Их добрая помощь и отличное взаимодействие нам очень пригодились позднее, в мае, когда мы целый месяц проводили там самостоятельную спецоперацию.

Штаб и командир 507-го полка дислоцировались в восьми километрах от Бану, в более крупном кишлаке Дехи Сала. Там же была и рота царандоя — афганской милиции. За месяц до нашего прибытия в этой роте были перебиты пять офицеров, но это были какие-то внутренние разборки и Джума Хан отношения к ним не имел.

Сразу же встретились с Джума Ханом, представили членов

комиссии. Сообщили, что прибыли якобы согласно плану проверки 20-й пд, в оперативном подчинении которой находился 507-й полк. Вспомнил и улыбнулся, как чуть более полугода тому во время Панджшерской операции мы считали его союзником Ахмад Шаха и залистовывали Андараб с компроматом на него и призывами прекращать вооруженную борьбу, переходить к мирной жизни, обещали амнистию. Теперь мы в одном лагере.

Джума Хану было около 33. Образования не имел. Особыми физическими данными не отличался, зато умом его Аллах не обидел. Наверно, у него были качества, благодаря которым он пользовался авторитетом, ранее возглавляя мощную бандгруппу, теперь реорганизованную в территориальный полк. Опять же под его командованием.

Десяток его так называемых рот были укомплектованы местными дехканами, вооруженными в основном стрелковым оружием. Ротами командовали кадровые офицеры. В каждой из них по штату должен быть замполит, однако в некоторых отсутствовали.

Обстановка в центральной части Андараба была спокойной, что особо и с гордостью не раз подчеркивал Джума Хан. Это подтверждало и руководство 201-й мсд. «Моя задача, — говорил он, — обеспечить мирную жизнь моим землякам в уезде. Мы в состоянии осуществлять это своими силами, самостоятельно, без войск».

Тем не менее ситуация в верховьях ущелья была не такая уж и мажорная. Наиболее отдаленные роты были слишком малочисленны и слабы, чтобы противостоять проникновению банд А. Шаха, влияние которых там очень ощущалось. Проблем в полку хватало и с обеспеченностью оружием и боеприпасами, обмундированием, и многомесячными задержками выплат денежного довольствия, и отсутствием автотранспорта, ГСМ, медицинской помощи. В уезде не было медпункта, не функционировали школы.

В то же время Джума Хан живо интересовался текущими событиями. Он регулярно слушал передачи радио Душанбе, несколько раз заговаривал на темы, а нельзя ли и в Андарабе построить гидроэлектростанцию по типу Нурекской в Советском Таджикистане, просил оказать помощь в открытии нескольких школ в ряде кишлаков, больницу. Сетовал, что Бабрак все это ему обещал, в том числе отремонтировать дорогу до Саланга, но забыл о том. Жаловался: «Когда было перемирие с Ахмад Шахом, туда колонну за колонной посылали с материальной помощью, а нам опять ничего». Более двух лет сюда не заглядывали провинциальные власти, не говоря уже о кабульских.

Неграмотный, он мыслил масштабнее уездного начальства, которое только таращило на него глаза, не помышляя додуматься до постановки таких проблемных для них вопросов.

При этом советник комдива 20-й пд Кулик обстановкой не владел. Судя по всему, пользовался негативной информацией провинциального ХАДа, «источником» сведений для которого, естественно, являлся не столько уездный ХАД, сколько указания генерала Боха. Кулик вел себя несколько высокомерно, «самостийно», заявлял, что в дивизии и без Джума Хана проблем хватает, а его дело — заниматься лишь снабжением полка, что «Джума Хан водит за нос Кабул, а он его видит насквозь».

Абсолютно противоположных оценок придерживались советские разведчики и представители 201-й мсд в Андарабе. Надо отдать им должное — они хорошо строили свою работу в уезде, лучше которой, пожалуй, мне ни разу не удавалось видеть в других местах. Обстановкой владели, часто проводили встречи и беседы с местными, нередко оказывали медицинскую помощь, всячески поддерживали Джума Хана. Частым гостем здесь бывал и дивизионный БАПО.

Когда наши группы, разъехавшиеся по кишлакам и ротам, вернулись с докладами, выяснилось, что информация о распродаже оружия и боеприпасов — ложь, так как проверялись пономерной учет и наличие. Когда мы ввели в курс дела представителей 201-й мсд, те возмутились — неправда от и до. Недавняя встреча на Саланге с четырьмя главарями? Глупости! «Мы сами договаривались и организовывали эту встречу, на своей броне возили его туда, охраняли и опекали!»

Когда наша группа завершала работу, командир полка, очевидно чувствовавший какую-то нехорошую подоплеку, попросил поговорить тет-а-тет. Мы с А. Мельниченко с определенными ограничениями информации кое-что ему объяснили и успокоили. В ответ на подозрения в его адрес по поводу встреч с недружественными главарями он вдруг отпарировал: «Ваша страна строит мирные взаимоотношения с соседями? Вот и для меня это тоже решение проблемы мирного сосуществования. Нашим жителям ведь приходится пересекать их территорию при поездках в провинцию на базар и другие места!»

О налаживании связей с Ахмад Шахом также не могло быть речи. В нескольких отдаленных кишлаках (Шошан, Сурх-Фараяд, Косан, Дариджар, Пашаи) Джума Хан действительно слабо контролировал обстановку. Да и не мог ввиду отдаленности, отсутствия транспорта, нехватки сил. Там нередко появлялись и кратковременно базировались проахмедшаховские отряды ИОА от 25–30 до 80–100 человек каждый. Время от времени с ними

случались вооруженные стычки.

По приглашению Джума Хана мы побывали у него дома в гостях. Многое в нем казалось искренним. Кстати, вскоре после заключения мира Джума Хан успел отправить своего сынишку учиться в СССР, в Ташкентский интернат, что говорило о многом.

Определенный парадокс в обстановке в Андарабе, не до конца понятый, присутствовал. Дело в том, что сформированный из таджиков полк Джума Хана, как уже говорилось, невольно как бы стал «халькистским». Гульбетдиновская ИПА, к которой раннее относились его отряды, в основе своей была партией пуштунской.

Однако тоже таджикские отряды А. Шаха подчинялись ИОА, руководимому таджиком Б. Раббани, впоследствии какое-то время являвшимся руководителем страны. Эти группировки нередко враждовали и в других провинциях, вплоть до полномасштабных боевых действий, особенно южнее Панджшера в провинциях Каписа и Лагман. Поэтому какой-либо «дружбы» между ИПА и ИОА в Андарабе однозначно не могло быть. Уже сам этот факт мог бы насторожить советников КГБ как в Баглане, так и в Кабуле. Однако этого не произошло. Размахивая компроматом на Джума Хана, они просто ставили под сомнение свою компетентность.

Джума Хан хотел мира своим землякам, Ахмад Шах — войны, поэтому об их сотрудничестве не могло быть и речи. К сожалению, довольно скоро он подтвердит это собственной гибелью, попав в засаду 27 марта 1985 года. Он был приглашен на свадьбу, там заночевал, а утром при выезде из кишлака его и часть охраны в упор расстреляла из пулеметов проникшая банда из ИОА. Очевидно, имели место предательство и заговор. Следовательно, угроза доктора Боха не была блефом.

Результаты проверки на месте, полученная информация, анализ и логика взаимосвязанных событий и фактов — все косвенно свидетельствовало против начальника 5-го управления ХАДа. Явно по его команде провинциальная служба безопасности вопреки действительности пыталась скомпрометировать Джума Хана. Поскольку, как это будет сказано ниже, не удалось — его просто уничтожили.

По итогам проверки мы вначале решили, что информация КГБ была просто недостоверной. Лишь позже пришло понимание и осознание, что «парчамистский» ХАД целенаправленно гнал в Кабул «дезу» на командира «халькистского» полка, хотя фактически он не являлся каким-либо фракционером. Его «вина» заключалась лишь в том, что изначально не пошел на сотрудничество с влиятельным парчамистом генералом Боха в непримиримом противоборстве того с армией. Опять же косвенно

выходит, что доктор Боха со своими советниками играл на руку Ахмад Шаху, а проще говоря, занимался вредительством.

Вот и разберись со всеми тайными хитросплетениями той борьбы, особенно после ареста им генерала Халиля и некоторых других предполагаемых агентов Ахмад Шаха год спустя. И вовсе не исключено, что Халилю стало что-то известно о закулисной деятельности самого Боха, который тем не менее в 1986 году при попустительстве советников КГБ возглавит ХАД после того, как Наджибулла займет место отправленного в отставку Кармаля.

Советникам КГБ было вроде категорически запрещено покидать провинциальные центры, о чем не раз слышал от них на местах. О том же сообщал и генерал-полковник Меримский. Против такого статуса они не возражали — безопаснее и комфортнее. Да и зарплаты у них были выше, чем у военных, не говоря уже о «контингенте». О несопоставимости потерь и говорить не приходится.

Не имея якобы возможности самим поработать и разобраться в уездах, они, с одной стороны, вынуждены были заглатывать и принимать на веру все, что тащили им в клюве подсоветные хадовцы. Все это добросовестно выдавалось наверх, и чем острее, тем лучше. Значит, работают, копают. Но с другой стороны, что мешало им, например, связаться с командованием советского полка там же, в Баглане, совсем под боком, попытаться разобраться до тонкостей? Престиж ведомства? Но им-то верили в кабульском представительстве КГБ и направляли подобную информацию как достоверную в Москву, аппарату главного военного советника и командованию ОКСВ.

Копая под Джума Хана и накапливая на него досье, они что, не знали, что предполагаемый «контрреволюционер» отправил своего сына на учебу в СССР, а не в Пакистан? Если не знали — минус. Если проигнорировали этот факт — прокол. Если целью была драматизация обстановки заслуг ради — должностной подлог…

Когда я вернулся в Кабул и встретился с советником начальника разведуправления генерал-майором Тарасовым Ю.А. и сообщил ему о недостоверности данных комитетчиков, он встретил меня в штыки: «Да ты что?! Ты знаешь, что информация по Джума Хану идет по линии КГБ? Мы ее уже выдали в Москву, доложили начальнику Генштаба… Ты, видимо, не разобрался!» Вот как авторитет КГБ влиял на менталитет многих военачальников, по большому счету нанося непоправимый вред общему делу.

Позже командарм Б. Громов напишет: «Порой нездоровая конкуренция разведорганов разной принадлежности и отсутствие

согласованных действий приводили к тому, что о якобы готовящихся или уже начавшихся акциях душманов мы узнавали из Москвы. При этом командование 40-й армии обвиняли в том, что оно не владеет ситуацией и не знает о происходящем у него чуть ли не под боком. Как правило, позже при более внимательном анализе и проверке выяснялось, что сведения сотрудников КГБ СССР, мягко говоря, не соответствуют действительности».

Да и как могло быть иначе, если представление о происходящем формировалось лишь обзором из окна уютного провинциального комитета да по докладам подсоветных, также не слишком обремененных тяготами где-то шедшей войны.

При работе в Андарабе всплыл еще один интересный факт. В разговоре Джума Хан сообщил, что незадолго до нашего прибытия командир отряда Таус из отдаленного кишлака Пашаи передал через связного о намерении перейти на сторону народной власти и присоединиться со своей группой из 30 мятежников к 507-му полку.

Буквально через несколько дней пришла четверка штурмовиков и нанесла БШУ (бомбо-штурмовой удар) по кишлаку. Погибло много местных жителей, в том числе девушка — невеста Тауса. Больше подобных намерений тот не проявлял.

Поскольку это произошло вне рамок какой-либо войсковой операции, то со стопроцентной гарантией можно уверять — это явно была «реализация» чьих-то «разведданных». В бытность начальником разведки 40-й ОА полковника Власенкова, моего сослуживца по 17-му ак, мне приходилось присутствовать в его кабинете при отработке взаимодействия разведок различных структур. Обычно в 6.00 утра представители советнического аппарата афганского разведуправления, ХАДа и царандоя прибывали в кабинет начальника разведки 40-й с разведданными, накопленными за истекшие сутки. Здесь речь веду о рутинной работе, происходившей вне боевых.

Все разведданные анализировались — движется ли караван, обнаружен ли базовый район или склад оружия, состоится ли встреча каких-то главарей в таком-то кишлаке, где-то на «дневке» был замечен отряд «духов» и т. д. Соответственно определялись меры по реализации — БШУ или артналет, засадные действия, рейд на караван, «работа» спецназа, войсковая операция… Следовал доклад руководству, принимались решения по обстановке.

Вот таким образом, видимо, и угодил Таус со своим отрядом из кишлака Пашаи под «реализацию». Кто его подставил — вопрос. Это могла быть агентура Ахмад Шаха из афганского

разведуправления. По его команде они могли оперативно сработать, дабы пресечь «инакомыслие». У него было достаточно радиосредств и связников. Не исключено, что это мог быть и ХАД и доктор Боха — ведь усиление «халькистского» полка было не в их интересах. Если это все же был ХАД, то он опять же сработал и в пользу А. Шаха. Как бы там ни было, но «подстава» была явная. Типичный «афганский вариант».

По возвращении в Кабул мы доложили генералу армии Г. Салманову результаты проверки, опровергавшие данные КГБ. Он тут же обругал нас с Мельниченко, мол, «не разобрались… чем вы там занимались… пусть афганцы еще раз перепроверят, не может КГБ ошибаться…». Очевидно, довлел все тот же стереотип Конторы Глубокого Бурения. А зря.

Мельниченко пришлось еще раз туда слетать. Все первоначальные факты подтвердились еще более яркими картинками. В результате убрать Джума Хана нашими руками не удалось. Видимо, поэтому он и был убит.

На этом этапе мы задумали подготовить и провести в Андарабе свою, специальную операцию. На ее подготовку ушло почти три месяца, разумеется, вперемежку с другими событиями.

Уран для Израиля

К тому времени уже была спланирована и подготовлена наша акция в городе Лашкаргах и нескольких уездах провинции Гильменд: Гиришке, Надали, Мусакала, Нава, Гармсир, Каджаки. Там мы и отработали с 10 по 22 февраля 1985 года, едва вернувшись из Андараба. Были привлечены силы и средства 2-го ак, в том числе БАО, значительная группа из ЦК НДПА и ДОМА (аналог нашего комсомола). Обстановка там была намного спокойнее, чем в других провинциях. Отчасти это объяснялось отсутствием постоянной дислокации советских войск. Вскоре этот недостаток был устранен, и уже летом того же года туда прибыла из САВО 22-я бригада «СН», а название города было переименовано ею в «Лашкаревку». Начальником политотдела там был тоже сочинец — старый сослуживец по САВО полковник М.Г. Таран. К сожалению, его уже нет в живых.

Банд там хватало с избытком, особенно севернее Гиришка, где вольготно расположились обширные плантации опиумного мака. Нельзя сказать, что операции против опиумных моулави там не проводились. Однако и каких-либо попыток уничтожения этого производства «на корню» не наблюдалось. Возможно, по причине недооценки перспектив развития наркомании в СССР — эта проблема для страны тогда была еще лишь в зачаточном состоянии.

Советник спецредакции афганского 7-го управления Л. Трубников рассказывал интересный эпизод. В 1981 году ему довелось сопровождать в поездках по стране руководителя военного отдела газеты «Правда» контр-адмирала Т. Гайдара. Во время их встречи с членом военного совета 40-й генерал-майором Меркушевым Н.А. тот сообщил, что накануне во время операции между Гильмендом и Фарахом был перехвачен караван с опиумным маком. По словам Меркушева, трофеи самолетом отправили в Союз, где их якобы хватило на два года для полного удовлетворения потребностей советской медицинской промышленности.

В Гильменде, в уезде Ханшин, находились (и находятся!) урановые разработки, откуда все те годы добываемый открытым способом уран вроде бы благополучно следовал в Израиль не в мирных целях. Но о том тогда еще ничего не было известно.

Позже, в 1993 году, полковник Николай Иванов, ныне сопредседатель правления Союза писателей России в своей книге приведет отрывок из переписки моссадовских «экспертов», датированный, по моему мнению, приблизительно концом 1978

года: «Сырье, полученное из ДРА, не имеет аналогов в мире по степени своего обогащения… Нам необходимы… очень большие партии. Возможности для этого пока нет.

В случае же партизанской войны в Афганистане это будет делать… значительно легче. Единственное, чтобы эти разработки находились в зоне оппозиции Кабула…

Нам нужна война в Афганистане и по первой, и по второй (т. е. по урановой. — *Прим. авт.*) позициям».

Итак, во-первых, израильскими «экспертами» приблизительно еще за год до реального начала событий предусматривалась возможность «партизанской войны» в ДРА, «оппозиции» и т. д. Значит, расчет на «своих лиц в Москве» строился основательно.

Во-вторых, до лета 1985 года провинция Гильменд и ее центр город Лашкаргах действительно находились в зоне «оппозиции», где по странному совпадению с замыслом «экспертов» не было ни советских, ни афганских войск. Общая численность группировок бандформирований различной принадлежности (ИПА, ДИРА, НФСА, НИФА и даже ИОА) в провинции, как сообщал мне в феврале 1985 года один из советников местного ХАДа, составляла не менее 15 тысяч человек.

О «первой позиции» речь уже шла. Что касается «второй», то целых пять с половиной лет после ввода наших войск эта южная окраина страны была «обделена» вниманием политиков и армии. Почему же вдруг в 1985 году здесь понадобился «спецназ»? Ведь ранее все попытки военачальников добиться увеличения группировки контингента, как уже говорилось, категорически отвергались. А тут вдруг отборная бригада, да еще и с антикитайского направления. Проморгали… Не стало Андропова? Изменилась ситуация и возникла экстренная необходимость «поработать» с какими-то строптивыми бандгруппами в районе разработок?

В середине 90-х где-то мелькнула информация, что намеки на «уран для Израиля» беспочвенны, выдумки и происки антисемитов — никакого урана, а тем более разработок там не было и в помине! Вот эта попытка «опровержения» и есть самая настоящая «деза». В одной из западноевропейских стран и сейчас проживает афганский профессор, просивший не называть его имени. Он располагает подробной информацией по данному вопросу.

В 1981 году в Кабуле был похищен старший группы советских геологов Е. Охримюк, до этого 5 лет проработавший над исследованием недр Афганистана. Говорят, у него были товарищеские отношения с самим А.Н. Косыгиным. Спасти его не удалось. Однако можно предполагать, что похищение было

связано, как сейчас принято говорить, с его профессиональной деятельностью. Информацией о результатах советских геологоразведчиков он обладал обширной.

По сведениям, поступившим в июле 2013 года: «Источник N сообщает, что пиндосы отгрохали в контролируемой ими и мелкобритами части провинции Гильменд здоровенный аэродром… Никого близко к нему не подпускают… гоняют оттуда тяжелые транспортники. Местные считают, что возят, скорее всего, руду. Самолеты уходят в направлении юг, юго-запад, нередко в сопровождении американских истребителей».

Что же касается современного наркобизнеса, то Интернет просто завален публикациями об опиумных плантациях в Гильменде как «визитной карточке» этой южной провинции.

Опять Андараб

К началу мая завершилась подготовка спецоперации в Андарабе. Для нашего управления она явилась одной из наиболее масштабных. Как уже говорилось, замысел на ее проведение созрел еще в феврале. Оценив стремление Джума Хана к налаживанию мирной жизни в уезде, мы решили, что возможностей для этого у нас достаточно. Важность Андараба была очевидной — он выходил на Саланг, где проходила важнейшая трасса для обеспечения всем необходимым обеих армий, в том числе топливный трубопровод. По ней шел из СССР в ДРА большой поток народно-хозяйственных грузов. Обеспечение лояльности уезда в значительной степени способствовало бы стабильности и безопасности обстановки вдоль «дороги жизни», по крайней мере на определенном, андарабском участке.

Кроме того, уезд с дислоцированным там полком создавал серьезные препятствия для действий отрядов Ахмад Шаха, находившихся южнее в Панджшерском ущелье и не прекращавших попыток дестабилизации обстановки в Андарабе. Советские гарнизоны в низовьях Панджшера, выходившего на Саланг, также затрудняли действия душманов. Поэтому выходы через Андараб для А. Шаха были привлекательными.

В мае я побывал на могиле Джума Хана в Дехи-Сала, когда мы уже практически занимались реализацией многого из того, о чем ему мечталось.

В течение марта и апреля осуществлялась масштабная подготовка. Во взаимодействии с Министерством энергетики были проработаны вопросы выделения электростанции, по мощности достаточной для снабжения электричеством наиболее крупных кишлаков. Необходимо было запастись и всем остальным — проводами, электроприборами, лампочками, столбами. Выделялись и специалисты. Министерству дорог предстояло заниматься ремонтом нескольких десятков километров дорог и ремонтом мостов. Министерство образования предоставило смету и штаты для 9 сельских школ и расщедрилось на 200 школьных парт, около полусотни классных досок, множество учебников, наглядных пособий, тетрадей. Здравоохранение делегировало нескольких врачей, солидный запас медикаментов и 200 тысяч афгани для восстановления и открытия двух небольших больниц и нескольких фельдшерских пунктов. Афганским Совмином было выделено несколько десятков тонн минеральных удобрений и продуктов для раздачи

населению в виде материальной помощи, в том числе муки, чая, сахара.

В общей сложности нам потребовалось около 50 «КамАЗов», чтобы в начале мая доставить все это богатство в Андараб. Кроме того, в автоколонне было несколько автоцистерн с дизтопливом и керосином. Отдельной колонной пришли БАО 1-го ак и царандоя, а также БАПО 201-й мсд.

По работе в Андарабском ущелье была издана директива начальника Генштаба армии ДРА, организовано взаимодействие с 40-й ОА. Отдел пропаганды ЦК НДПА направил группу сотрудников, журналистов ряда центральных газет, кабульского радио и телевидения, Ансамбль народной музыки. В нашей многочисленной группе были и представители ДОМА, ДОЖА, Совета улемов.

К участию был привлечен партком НДПА провинции Баглан. Приглашались и представители провинциального ХАДа вместе с советниками, но у них желания не появилось. Правда, представитель 5-го управления ХАДа прибыл и отработал до конца. При этом он, скорее всего, имел побочные задания от доктора Боха.

Осуществление мероприятий по электрификации, восстановлению дорог, школ и больниц, проведение большого комплекса агитационно-пропагандистских мероприятий по всем населенным пунктам 80-километровой долины должно было сопровождаться и оргмероприятиями по призыву молодежи в афганскую армию. В этих целях в составе нашей группы было несколько офицеров оргмобуправления афганского генштаба. Конечно же, это являлось наиболее труднорешаемым вопросом, тем более что сам военный комиссар провинции полковник Акбар как-то незаметно удрал уже на пятый день работы. Вместе с ним исчез представитель Министерства просвещения, а также корреспондент газеты «Итихат» Наджибулла. Основные силы и средства сосредоточились в уездном центре кишлаке Бану к 13 мая. Там же размещался и наш штаб, где мы к исходу дня подводили итоги дня и уточняли задачи на завтра. Все участники были разбиты на три группы, базировавшиеся соответственно на БАО 1-го ак, БАО царандоя и БАПО 201-й мсд., каждой из которых были определены зоны действий.

Основная масса задействованных афганцев отнеслась к работе добросовестно и с энтузиазмом, хотя были и другие. К сожалению, через несколько дней я был вынужден отстранить от работы и отправить в Кабул советника политотдела 1-го ак, фамилию которого называть не хочется. По моему мнению, это был совершенно случайный человек в нашей структуре, который

до самой замены и убытия в Союз лишь тоскливо недоумевал, как он вообще оказался в Афганистане и почему он здесь должен еще и выполнять какие-то обязанности, кроме ежемесячного получения денежного содержания.

Отработали в Андарабе почти месяц. Удалось многое. Конечно, не все было гладко. Пока наши группы работали в своих зонах ответственности, произошло нападение на дислоцировавшийся здесь же, в Бану, 3-й пб. Был убит командир роты. Узнав, где находился командир этой бандгруппы Кави, мы со взводом «шурави» на БМП попытались его захватить, но он удрал буквально за несколько минут до нашего появления — на столе стояли два стакана чая, от которых еще шел пар. Были и обстрелы наших агитгрупп, в том числе минометные. Наблюдалась определенная пассивность местной власти, особенно касаемо их практической, организаторской роли. Например, вечером провели совещание, определились — завтра в 8.00 приступаем к установке столбов линии электропередачи. Старейшины выделяют столько-то мужчин с ломами, лопатами… Назавтра на месте встречи только два десятка воинов-интернационалистов от советского батальона во главе с замкомдива подполковником Соколовым. Они-то в основном и выполнили эту задачу.

Не буду грешить перечислением количества митингов, сеансов звуковещания, распространенных листовок и т. д. Приведу лишь пример из дневниковых записей по работе БАО царандоя:

15.05 — вечер. Демонстрация кинофильма для личного состава 507-го полка в Дехи-Сала. Звуковещание.

16.05 — Дехи-Сала. Концерт Ансамбля. Звуковещание. Кинофильм.

Наубохар — митинг, собраны жители 7 окрестных кишлаков, участвовало около 580 человек. Концерт. Звуковещание. Кинофильм. Заночевали. Ночью — обстрел группы из минометов, предположительно отрядом Абдулхая.

17.05 — Марш в Пули-Хисар, 6 кишлаков, 2 митинга, охват около 1080 чел. Звуковещание днем и вечером. Кинофильм.

18.05 — Работа там же по призыву. Кинофильм.

19.05 — Прибытие в к. Казу, где дислоцирована 9-я рота. Собрано население 7 кишлаков, 2 митинга (около 2 тыс. чел), джирга, 2 концерта. Кинофильм.

20.05 — Марш в к. Самбура…

21.05 — Марш в к. Барата.

22.05 — Марш в к. Наубахар.

По вечерам — работа звукостанций с программами вещания:

Забота государства о народе Андараба.

Обращение к обманутым и населению Андараба.

Обращение к женщинам.

О Лойя-Джирге и ее обращении.

О добровольной службе в армии.

Об интернациональной помощи СССР и благородных поступках советских воинов в Анда-рабе.

Раббани, Ахмад Шах, Гульбетдин — предатели народа и т. д.

В составе всех трех групп работали медицинские «УАЗ-452» с врачами, в том числе и женскими, осуществлялся прием населения, оказание помощи. Раздавались листовки и материальная помощь. Проводились индивидуальные беседы.

10 июня в Бану были подведены итоги нашей работы. Участвовали секретарь парткома НДПА провинции Баглан тов. Тудей и уезда Андараб тов. Рамазани, офицерский состав местного царандоя и 3-й пб 10-го пп 20-й пд, руксостав БАО 1-го ак и БАО царандоя, БАПО 201-й мсд, заккомдив 201-й мсд Соколов П.А. и майор Подорванов А.С.

Основной состав участников был отправлен колонной в пункты постоянной дислокации. Остались лишь мы с А. Вахедом, несколько офицеров нашего управления, сотрудников ЦК НДПА и Совмина. Ранее мы заказали «вертушки», но они прибыли за нами лишь на третьи сутки. В их ожидании отправились к соседям в ХАД, окруженный четырехметровым глиняным дувалом. Там была волейбольная площадка, где мы с удовольствием играли. Пытаясь достать трудный мяч, я в падении подвернул руку. Случился перелом луча правой кисти. Пришлось месяц писать левой рукой. Мать в ответном письме не поверила — как, в Афганистане, где идет война, в каком-то дальнем кишлаке да еще днем играть в волейбол и сломать руку? «Ну-ну, сказочник… наверно, ранен?» Что было, то было.

Тюрьма Ахмед Шаха

В начале августа 1994 года по долгу службы я встречал у трапа прибывшего на отдых в Сочи заместителя министра обороны России генерал-полковника Громова Б.В. Он прилетел спецбортом, который по пятницам привозил летчиков из северных широт на двухнедельную реабилитацию в профилакторий при Адлерском санатории ВВС. Этим пользовались и некоторые другие военачальники, экономя таким образом бюджет военного ведомства.

Я представился и доложил… Он, взглянув мне в лицо, вдруг спросил: «А где я тебя видел?» Иногда мы виделись в коридорах штаба армии и ЦБУ (Центр боевого управления). Борису Всеволодовичу ответил: «19 июля 1985 года мы с вами, живот набок, резво драпали под минометным обстрелом в Панджшере, в ущелье Дехмикини!» От приятных воспоминаний он тоже рассмеялся: «А-а-а, как же, помню, а сейчас здесь?» По-моему, у него даже послеполетное настроение заметно улучшилось, хотя из самолета перед этим вышел, как показалось, чем-то озабоченный. Весь путь вдоль моря до санатория Громов находился в хорошем расположении духа.

Не буду раскрывать всех сочинских нюансов, но накануне на отдых прибыл министр обороны П. Грачев, которому, как мне казалось, не давала покоя популярность командарма Громова, в Афганистане являвшегося его начальником. К тому же ничем не запятнанного, даже пьянством…

В июле 1985 года в Панджшере проходила операция в очередной попытке если не разгромить, то хотя бы попугать Ахмад Шаха. Его неуловимое войско, постоянно нависавшее на подступах к Кабулу, всегда доставляло особые хлопоты.

Начало операции спровоцировал на этот раз захват душманами удаленного афганского гарнизона в Пишгоре, почти в 70 километрах вверх по ущелью.

Обычно войска располагались в долине у реки, выставляя посты на прилегающие господствующие высоты и обеспечивая тем самым безопасность основных сил. В горах, как известно, пан тот, кто взобрался выше, откуда и ведет огонь. На высокогорные посты доставлялось необходимое количество боеприпасов и продовольствия. Подступы к ним минировались. Оставлялись лишь тропы для прохода своих и восполнения запасов воды, достаточное количество которой для таких постов заранее обеспечить было просто невозможно. Нередко приходилось наблюдать, как в этих целях использовались навьюченные

бурдюками ослы. У реки такой «водовоз» заправляли водой, и животное с погонщиком или самостоятельно отправлялось наверх к посту, а затем привычно и послушно выполняло очередной рейс.

Это являлось наиболее уязвимым местом. Вначале «духи», выбрав какой-либо пост в качестве первоочередной жертвы, находили вариант осады и перекрытия «тропы жизни», а затем обрекали его защитников на смертельную жажду. Как правило, если вскоре такая угроза не ликвидировалась, то неизбежно следовала капитуляция афганского поста. Захватив его, душманы могли уже с удобной верхотуры вести прицельный огонь как по расположенным внизу подразделениям, так и на равных по близлежащим постам, заодно постепенно беря под контроль и их тропы.

Овладев таким образом постами в окрестностях Пишгорского гарнизона, отряды Ахмад Шаха к началу июля захватили его. Накануне афганское командование пыталось как-то помочь осажденным. Были робкие попытки высадки вертолетного десанта, но два «Ми-8» были сожжены, экипажи также попали в плен. Когда афганцы обратились за помощью к 40-й, было уже поздно. Пленив около 135 человек, А. Шах увел их куда-то в горы.

Оказалось, совсем недалеко. К югу от Пишгора за хребтом проходило ущелье Дехмикини, выходившее к Панджшеру приблизительно в 8–9 километрах юго-западнее этого кишлака. В полутора километрах вверх от слияния речушки Дехмикини с рекой Панджшер была оборудована подземная тюрьма, где содержались пленные. Примерно с 10 июля 1985 года осуществлялись совместные действия 191-го омсп и 37-й бригады коммандос по овладению ущельем, но с ходу это не удалось.

Ущелье представляло узкую расщелину, образованную высоченными, иногда почти отвесными скалами. Осуществить обход или какой-либо другой маневр ввиду необходимости срочных действий по спасению людей не представлялось возможным. На вершину почти стометровой скалы, нависшей над тюрьмой, одним колесом зацепился вертолет, сбросивший небольшую группу советских десантников. Своим огнем они разогнали охранников и вынудили отступить душманов, оборонявших подступы к тюрьме со стороны Панджшера. Лишь тогда основные силы смогли зайти в ущелье. Но они опоздали. Все пленники были уничтожены. Войска продвинулись еще на 4 километра и неожиданно наткнулись на оборудованный командный пункт А. Шаха, где была захвачена коротковолновая радиостанция Р-118 советского производства. Весь «персонал» КП к тому времени ушел.

Вечером 18 июля мне была поставлена задача отобрать 4 афганских офицеров для опознания ими трупов убитых и рано утром 19.07 убыть в ущелье Дехмикини.

К тому времени я находился в Базараке, неподалеку от родного кишлака А. Шаха. В 6.30 следующего дня нас забрала советская пара «вертушек» и мы взлетели. Через несколько минут наш «ведущий» совершил посадку в Бараке, где тут же принял на борт еще троих пассажиров. Это были генерал Громов, в то время представитель начальника Генштаба при 40-й, а с ним еще два офицера — подполковник и капитан.

Довольно скоро мы были уже на месте. Не выключаясь, «вертушка» выбросила нас и тут же ушла вместе с «ведомым». Взглянул на часы — 7.05. Долина здесь была широкой, метров 600. Солнце не успело подняться из-за высоченных гор, и еще царил если и не утренний полумрак, то, во всяком случае, густая тень. Неподалеку, в нескольких километрах возвышался покрытый вечным ледником «пятитысячник» — гора Милигарам. Мы стояли чуть ли не по колено то ли во ржи, то ли пшенице, от чего я искренне удивился — весь Панджшер безлюден, кто же тут это возделывал?

Тогда еще не знал, что в этот момент мы оказались в самом логове «панджшерского льва». Глядя потом на карту, определил, что находились мы в 8 километрах строго на юг от Пишгора. Возможно, столь близкое соседство с пишгорским гарнизоном и явилось раздражителем для А. Шаха.

Пару минут мы одиноко стояли посреди долины и таращились по сторонам — куда, мол, попали и где тут свои. Б. Громов в раздумье произнес: «Где-то здесь должен быть совмещенный КП 191-го омсп и 37-й бригады…» Внезапно позади нас раздался грохот разорвавшейся в пятнадцати-двадцати метрах мины. У нее характерный звук разрыва, не спутаешь. Нас мгновенно как ветром сдуло, причем именно в нужном направлении — почти одновременно на отдаленном склоне горы, метрах в четырехстах, мы увидели военных, отчаянно машущих нам. Это были наши.

Пока мы рассекали поперек долины, вслед нам продолжались разрывы. Отстающих не было. Б. Громов, как и положено генералу, был впереди. По субординации его никто не обгонял. По всей видимости, миномет вел огонь из-за горы на предельной дальности, так как последующие разрывы легли лишь на несколько десятков метров дальше. Размышляя впоследствии, как же нас не накрыло, подумал, что, скорее всего, мина ушла поглубже во вспаханную почву. Да и густые посевы могли сыграть свою роль. Но будь наводчик не спросонья и чуть точнее, а грунт

каменистый… Время было сравнительно раннее. «Духи» — тоже люди, небось, еще спали, но были разбужены гулом вертолета. Проснулись, продрали глаза, видят — далеко внизу славяне объявились. Пока «стреляющий» занял позицию и выдал координаты, пока прицелились… В общем, повезло.

Следом за нами пришла еще «пара». На этот раз с группой Михаила Лещинского с 1-го канала советского ТВ и афганскими киношниками. Но их сажали уже ближе к КП, куда миномет не доставал, хотя и продолжал обстрел.

Тут же очень оперативно, чуть ли не через пять минут по целеуказанию авианаводчика подошли «грачи», начавшие интенсивно обрабатывать предполагаемую огневую позицию, а заодно и выравнивать ту гору. Штурмовики работали минут двадцать, поочередно выходя на цель.

Нам выделили сопровождение, и мы двинулись в путь к тюрьме. Предстояло преодолеть 4 километра. Вскоре мы вереницей втянулись в сузившееся ущелье. Шли берегом упоминавшейся горной речушки по узкой, местами явно рукотворной тропе. Судя по истертым камням, она могла насчитывать сотни лет. Примерно через час оказались на месте.

Сразу же бросилась в глаза жуткая картина — сотня с лишним растерзанных трупов защитников Пишгорского гарнизона. Часть из них находилась в ледяной воде, некоторых уже извлекли на берег. Речка, берущая начало с ледников, мелкая, но быстрая, изобиловала валунами. Поэтому все казненные застряли между камней. Несколько трупов накануне были обнаружены ниже по течению и даже в реке Панджшер. Здесь же, на месте, их оказалось 119. В захваченном тюремном журнале список заключенных составлял 127 человек, а напротив каждой фамилии аккуратно была проставлена отметка о ликвидации.

Тюрьма была подземной — между невысоким обрывистым берегом и скалой были выдолблены три камеры глубиной чуть более двух метров, площадью 15–20 кв. метров каждая. Сверху они были перекрыты бревнами и слоем камней. Средняя закрывалась раздвижным люком; вниз вела грубо сколоченная из толстых жердей лестница. Ее перекладины были сплошь бурыми от засохшей крови.

Площадка вокруг была чистой, ухоженной, слегка посыпанной песком. По кромке берега — аккуратные узкие грядки — цветники, нечто вроде балконных с распустившимися цветочками. Не то сентиментальная идиллия, не то издевка. В трех метрах напротив — небольшая пещера с горой риса. Здесь же был большой старинный медный чан диаметром свыше метра. В

нем, очевидно, варили пищу для пленников и охраны. Рядом — недостроенное деревянное сооружение, скорее всего предназначавшееся для «администрации» и караульных.

Вскоре привели трех захваченных «духов». Они клялись, что являются не боевиками, а плотниками, сооружавшими упомянутое строение. Тем не менее у одного из них на предплечье был тот самый характерный признак — синяк, образующийся при отдаче приклада во время стрельбы.

Они рассказали, как охранники убивали пленных. Их поочередно выводили на нависший тут же над водой камень, где каждый отправлял последний намаз. Метрах в пяти был другой валун, весь бурый от крови — там очередной жертве вспарывали живот либо перерезали горло, толкали в воду и достреливали. Все это происходило по мере приближения войск.

В двух камерах я видел какие-то остатки советского обмундирования. Захваченные «духи» подтвердили, что было 12 пленных «шурави», но их успели увести по ущелью на юг. М. Лещинский здесь же изобразил сцены боя. Проинструктировал сарбозов. Те карабкались вверх по скалам, строча из автоматов по воображаемому противнику. Михаил, стоя во весь рост якобы под пулями, вопил в микрофон: «Идет ожесточенный бой, только что захвачена тюрьма Ахмад Шаха, зверски уничтожившего почти две сотни афганских солдат…» Оператор тут же демонстрировал трупы. В это время над нами завис транспортный «Ми-8». Находчивый Лещинский, увидев вертолет, взахлеб продолжал: «Вот над нами кружат боевые вертолеты, идет преследование отступающих бандитов…» Не так давно, прочитав мою рукопись, вышеупомянутый участник «ситанализов» Института востоковедения полковник Олег Чернета, смеясь, рассказывал: «Знаешь, а я по телевизору в Союзе видел тот сюжет. В нем был эпизод, где афганский офицер как бы невольно разоблачал Лещинского, изображавшего себя в боевой обстановке. Тот офицер, разумеется, на дари (которым владел Чернета, но не знал его наш корреспондент) во время интервью произнес фразу, мол, «мы пришли сюда два дня назад…» в то время как Михаил, не подозревая подвоха, продолжал заливать про свистящие пули».

Вскоре подоспела группа высокопоставленных афганцев во главе с министром МВД Гулябзоем (тем самым!) и начальником ГлавПУ генерал-лейтенантом Я. Садыки. С ними был и мой шеф — генерал-лейтенант Е. Аунапу («папа Аунапу»). Встал вопрос о захоронении убитых. Афганцы настаивали на их транспортировке в Кабул, где было кладбище Героев революции и где им были бы возданы последние почести. Но перетаскивать такое количество

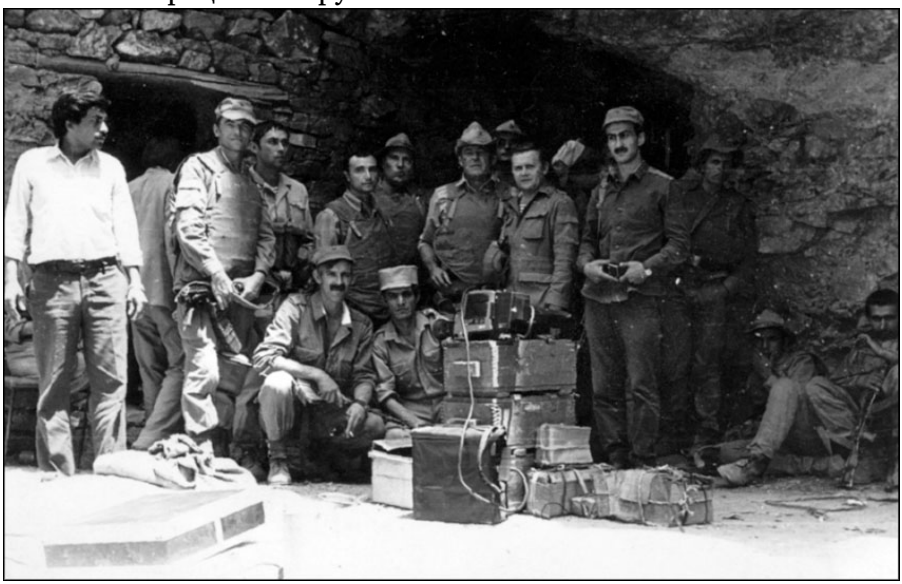
трупов за несколько километров до ближайшей вертолетной площадки являлось большой проблемой. И прежде всего было просто неоткуда взять необходимое количество афганцев. К тому же затрудняла узость тропы, где иногда приходилось двигаться гуськом, по одному. Прикинули и количество вертолетных рейсов. В конечном счете под неодобрительный ропот присутствовавших афганцев было принято решение о захоронении здесь же.

Под вечер мы возвратились в долину, куда прибыли утром, но чуть ближе к выходу из ущелья. Условия посадки вертолета здесь были хуже. Им пришлось садиться на террасы.

Почти снизившись, один из них зацепился винтами за более верхнюю, подпрыгнул и перевернулся. Экипаж, набивший шишек, все же благополучно выскочил через остекление кабины. На удивление, «вертушка» не загорелась. Остальные забрали всю нашу теперь уже многочисленную группу, доставив кого куда, а меня с моими афганцами — обратно в Базарак.

Хост

Через несколько дней вернулся в Кабул. Скоро предстоял вылет на операцию в округ Хост.



19.07.1985 год. Ущелье Дехмикини, Панджер. У захваченной тюрьмы Ахмад Шаха, где накануне уничтожены 127 афганских военнослужащих. Советских военнопленных «духи» успели увести. Стоят справа налево: второй справа замначальника разведки 40-й ОА Олег Хватынец, рядом тележурналист Михаил Лещинский. Второй справа — ст. инструктор ПО 40-й ОА Николай Шаблыко.

Его территория — самая восточная часть Афганистана, треугольным выступом вдающаяся в сторону Пакистана. В одноименном городке — центре округа были дислоцированы части 25-й пд, 666-я бригада коммандос и 2-я погранбригада. Лишь 56-й пехотный полк 25-й пд находился в полутора десятка километров западнее, в кишлаке Надиршахкот.

Хост и его гарнизон были в постоянной осаде ввиду усиленных попыток лидеров контрреволюции овладеть этой территорией и провозгласить там свое «истинно афганское» правительство. Наиболее ожесточенные бои шли за попеременное овладение горой Торегарегар, господствовавшей над более-менее равнинной округой. Занимавший довольно обширную территорию Хост был изолирован от остальной части страны внушительным горным массивом, где проживало могущественное

племя Джадран. По различным данным, его численность составляла чуть ли не 600 тысяч человек. Притом, как подчеркивали афганцы, женщины и дети не учитывались. Одним из наиболее авторитетных командиров у джадран являлся известный Джелалутдин. Племя занимало позицию «вооруженного нейтралитета», то есть непосредственного участия в нападениях на органы власти и гарнизоны не принимало, молодежь в чужие бандгруппы не направляло, но и кабульскую власть не признавало и в свои владения не допускало. Одновременно его отряды охраняли базовые районы южнее Хоста, о чем речь еще будет идти.

Части 3-го ак и советская 56-я дшбр, дислоцировавшиеся в Гардезе, племя также не беспокоили. Тем не менее трасса Кабул — Гардез — Надиршахкот — Хост, известная по кинофильму «9-я рота», была наглухо блокирована Джадраном. Сообщение и все снабжение хостинского гарнизона вынужденно осуществлялось лишь по воздуху — продовольствием, вооружением, боеприпасами, техникой, ГСМ, почтой. Подчеркиваю — гарнизона, но никак не округа, как будут позже утверждать некоторые полководцы.

В южной части округа, на самой границе с Пакистаном, размещалась важнейшая для мятежников база Джавара. В условиях ведения необъявленной войны она играла для них не меньшую роль, чем Термез и Хайратон для ОКСВ и народной власти, вместе взятые. Некоторое представление о Джаваре дается в книге генерала армии В.И. Варенникова «Неповторимое». Я же подчеркну, что почти вся масса оружия и боеприпасов для моджахедов, поставлявшихся им американцами и другими через Пакистан, немедленно переправлялась в Джавару, которая своими тылами непосредственно выходила на сопредельную территорию. Для ДРА это был исключительно труднодоступный «медвежий угол», до которого впервые по-настоящему афганским войскам при поддержке 40-й армии удалось добраться лишь в апреле 1986 года. То есть ровно через семь лет после Апрельской революции.

Режим Зия-уль Хака, играя важную роль в борьбе против ДРА, тем не менее особого энтузиазма от превращения Пуштунистана в пороховую бочку при этом явно не испытывал. Пуштунский вопрос для Пакистана всегда являлся проблемным. Поэтому Джавара была для него удобной во всех отношениях, куда немедленно, от греха подальше, отправлялись все эти арсеналы. База представляла собой обширную высокогорную территорию с оборудованными подземными хранилищами-пещерами глубиной местами в сотни метров, куда большегрузные транспорты могли

заходить чуть ли не колоннами. Благо и пути подвоза были удобными. Толщина массивных горных пород обеспечивала неуязвимость хранилищ от ударов с воздуха, не говоря уже об артиллерии. Есть основания полагать, что именно Джавара какое-то время являлась убежищем для неуловимого бен Ладена, за которым американцы тщетно и долго гонялись в окрестностях Джелалабада и других районах.

На дальних подступах к Джаваре в 30 километрах южнее Хоста, где начинался горный массив, был оборудован оборонительный район с тремя рубежами — база Постакацца с долговременными, эшелонированными инженерными сооружениями, бетонными укреплениями, врытыми танками, артиллерией, мощной системой ПВО. Но и предполье самой Постакаццы между ней и Хостом также представляло собою сплошную оборону противника — настолько важна была безопасность Джавары. Именно там первый раз был сбит и катапультировался в расположение афганских войск командующий армейской авиацией полковник А. Руцкой. После этого, явно опасаясь ПВО мятежников, ориентированной на встречу воздушных атак с севера и северо-запада, было решено атаковать Джавару и Постакаццу с тыла, неизбежно вторгаясь в воздушное пространство Пакистана. Разведка противника быстро вычислила, что в налетах участвует высокопоставленное лицо. На Руцкого была организована охота, он был опять сбит и пленен пакистанской стороной. Благодаря предпринятым мерам был выкуплен, по слухам, за сумму в несколько миллионов долларов и отправлен на учебу в Академию Генштаба с почти одновременным присвоением звания Героя Советского Союза. Но это было позже.

В августе 1985 года афганской армии предстояла крупнейшая самостоятельная операция без участия советских войск. Помимо дивизий 3-го ак привлекались соединения 1-го ак и 37-я бр коммандос, группировка ВВС. Руководил операцией начальник генерального штаба ДРА генерал-лейтенант Шах Наваз Танай, который впоследствии, в начале 1990 года, заслуженно станет министром обороны своей страны. Сам Танай был родом из племени Тани, проживавшего между Хостом и Постакаццой. На фоне виденных мною в деле многих афганских генералов он заметно выделялся — энергичный, волевой, умный и грамотный. Дотошно вникал во все детали, держал все под личным контролем. Повседневно общаясь с ним на КП, несколько раз видел, как, засомневавшись в достоверности поступавших из дивизий докладов и поматерившись по-русски, он садился в вертолет и вылетал на передний край для уточнения обстановки.

К нам, советским, он относился хорошо. Честно говоря, очень сожалел, когда его халькистский мятеж против Наджибуллы в марте 1990 года не удался. К счастью, сам он успел скрыться в Пакистане. Кстати, туда же почти одновременно свалил и родной брат Наджибуллы.

Перелистывая дневники, вдруг обнаружил, что рабочие записи по хостинской операции заняли у меня едва ли не треть блокнота за 1985 год, хотя находился там всего лишь чуть более полутора месяцев (август — конец сентября).

Наряду с деблокацией Хоста и разгромом там крупных бандформирований конечной целью ее являлся замах на овладение и уничтожение обеих баз — Постакаццы и Джавары. Определенные успехи были достигнуты, особенно в отношении Постакаццы. Но сил было мало. Кое-где добрались и до Джавары. Преодолевая эшелонированную оборону противника пешком в горах, пехота тащила все на своих изнуренных плечах. Поэтому появившиеся было победные реляции о «взорванных» тогда, осенью 1985 года, душманских арсеналах — нереализованные мечты. Не произошло этого и в апреле 1986 года, если верить скромному умолчанию об этом в воспоминаниях В.И. Варенникова. Ведь для уничтожения сети подземных хранилищ Джавары потребовалось бы громадное количество взрывчатки. По словам Варенникова, при ее взятии склады оказались пусты — их успели вывезти, благо Пакистан был через дорогу. Расчет на трофеи не оправдался. Доставить взрывчатку на своих двоих по таким горам было нереально.

Как бы там ни было, в Хост мы собирались основательно. В дополнение к имевшимся в Хосте агитроте 25-й пд и агитвзводу 2-й пгбр по воздуху туда перебросили еще одну станцию ЗС-72Б и ОЗС-78, значительное количество материальной помощи, в том числе 800 кг чая, 4,5 тонны сахара, 3 тонны растительного масла, полторы тонны мыла, 1200 кг медикаментов, спички, агитлитературу. Естественно, продовольствие брали с собой не затем, чтобы спасать народ от голода, а в качестве поощрения активистов, оказания помощи семьям погибших офицеров и других военнослужащих. В нашу группу были привлечены сотрудники ЦК НДПА, Министерства племен и народностей, ПУ царандоя, 5-го управления ХАДа, ЦК ДОМА, Улемов, Афганрадио и телевидения, агентства Бахтар. Агитроты остальных дивизий не привлекались ввиду сложности доставки по воздуху.

В ходе операции наши группы работали в Горбозе, Тани, Локане, Джаджи-Майдане, Торе-Мангале, Надиршахкоте, районе Торегарегар, в самом Хосте и в своих же частях.

Необходимость работы со своими была очевидна. Например, 10.09 с высоты 1772 позорно бежал весь 82-й пехотный полк и его оставленные позиции с утра 11.09 восстанавливала 7-я пд. Операция проходила с переменным успехом, и «духи» порой огрызались чувствительно. Так, в ночь с 4 на 5 сентября одновременному нападению подверглись командные пункты с подразделениями обеспечения 7-й и 8-й пд, 37-й бр «К», учебный батальон. Были потери убитыми и ранеными, сожжено 14 автомобилей, 1 БТР, 1 танк.

Эти эпизоды воспел Куценко В.П. в песне «О, Хост!»:

…Высоты переходят из рук в руки,
Сегодня на них наши, завтра «духи»…

Поэтому нашим группам приходилось принимать участие и в поддержании морального духа сарбозов.

Наше расположение в течение первых двух недель тоже регулярно и ежедневно обстреливалось реактивными снарядами, обычно часов в 6 утра. Очевидно, по расчетам стрелявших, в это время был шанс «накрыть» тех, кто еще не успел проснуться. Мы размещались в разбросанных по обширному саду коттеджах, построенных там западными немцами еще до революции. Обстрелы шли с юга и прекратились по мере продвижения войск к Постакацце — дальность уже не позволяла. Затем они эпизодически стали появляться с востока. Но за весь период ни один из НУРСов в цель почему-то так и не попал — все разрывы случались между строениями, страдали лишь деревья.

Немаловажным являлся фактор обратной связи, когда мы ежедневно и оперативно могли использовать информацию окрестных жителей об обстановке во многих бандах, чьи родственники находились там, были убиты или ранены. Таких сведений было предостаточно.

Как нигде ранее удачно использовалось радио Хоста, ежедневно передававшее сводки о ходе боевых действий, потерях противника, наших трофеях, разброде и снижении морального духа в конкретных бандах и у них в тылу, в пакистанском Мирамшахе. Со своим обращением выступил руководитель операции Шах Наваз Танай. По его инициативе на КП были приглашены старейшины родного племени. Беседа продолжалась около двух часов. За это время скромно находившийся здесь же, в уголке, советник начальника инженерных войск полковник Куценко В.П. (вскоре генерал, бард и автор-исполнитель многих «афганских» песен) набросал портрет главного старейшины. По завершении встречи он вручил его старику. Тот был в шоке,

возможно, впервые в жизни увидев собственный портрет, да еще из рук «шурави». Вообще отношение этого племени было доброжелательным, что вполне естественно ввиду высокого авторитета и положения их земляка.

В отличие от многих других операций, например, панджшерских, когда мы практически не имели обратной связи и звукостанции работали наугад, в «пустоту», а в распространявшихся листовках было мало оперативной информации, здесь же конкретики было с избытком. И наиболее эффективными оказывались передачи радио Хоста, которое уже вечером транслировало результаты боевых действий за истекший день. На местное радио мы делегировали толкового офицера нашего управления — старшего капитана Лалутдина Мангала. Говорят, сейчас он преуспевающий бизнесмен в Новосибирске.

Вот, например, данные разведки: «13.09.85. В районе Тани и Горбоза пропаганда приносит результаты, особенно радио. Люди отказываются помогать бандформированиям… Мятежники запрещают собирать листовки, но жители все равно их подбирают…

Душманы ведут пропаганду, что войска Постакаццу не возьмут и уйдут, а партизаны останутся…. Из Панджшера прибыло несколько руководителей бандгрупп из «Джамиатэ ислами» в качестве советников по ведению боевых действий по обороне базовых районов, но они, кроме беготни по горам, ничего не умеют…» Наверное, оценки «духами» пришлых «спецов» были объективными и искренними, так как именно такой тактикой «ускользания» характеризовался А. Шах. Но здесь-то задача заключалась в упорном удержании районов, невзирая на потери. Главной ценностью были не люди, а неприступность Джавары. Поэтому этот факт и растущие потери душманов, данные о них в радиосводках, программах звукопередач и оперативных листовках, индивидуальных и групповых беседах, на митингах всегда били в «точку», воспринимались населением обостренно и внимательно. Мы владели информацией о суматохе в Мирамшахе, о метаниях Джелалутдина, состоявшихся похоронах убитых мятежников в тех или иных кишлаках (мусульманин должен быть похоронен в тот же день) и так далее.

Несколько раз практиковали использование открытых каналов связи для передачи «дезы» в виде «распоряжений» начальникам политорганов. Их советникам заранее по закрытым каналам ставились задачи подключиться к игре. Эти «радиоигры» наряду с элементами дезинформации (по срокам, составу войск, направлениям их действий) имели целью способствовать углублению имевшихся противоречий между гульбетдиновскими

и другими группировками, особенно возникавших по поводу оказывавшихся на направлениях главных ударов и несших наибольшие потери. Из дивизий обязаны были по открытым каналам афганской связи постоянно докладывать «легенды» о бегстве без сопротивления гульбетдиновцев в полосе их действий и пр. Вот образец такого «распоряжения», направленного 29.08.85 из штаба руководства в войска:

«Распоряжение.

В последние дни поступает подробная информация о нежелании гульбетдиновских банд оборонять свои позиции. Это подтверждается беспрепятственным занятием войсками базового района Сарварай.

Предлагаю.

1. Провести политические информации: «Об очередном скандале в логове контрреволюции». Довести всем, что вслед за арестом Гульбетдина его отрядам прекращаются поставки оружия и боеприпасов, а его банды будут разоружаться группировками Гейлани, Халеса, Наби.

Сейчас гульбетдиновцы пытаются сохранить свои силы и уходят от столкновений с армией. Они готовятся повернуть оружие против тех отрядов, которые попытаются их разоружить.

Используйте это для улучшения политической работы среди войск, показа слабости контрреволюции.

2. В связи с Днем Пуштунистана 30–31 августа подвести итоги боевых действий, поощрить отличившихся, дать отдых войскам.

3. До 12.00 30.08 получить в штабе руководства листовки и звукопрограммы на племена Джадран и Мангал. Политорганам 13, 16-й пд, 49-й бр «К» подготовиться к ведению политической работы в районах Якуби — Замбир и Улусвали — Джанихейль — Мангал.

4. Об исполнении доложить на установленной частоте.

Подпись: 113-й»

Мы знали, что противник ведет радиоперехват сетей тактического звена. Он нередко выходил на частоты батальонов и рот, сколько бы их ни меняли. Поэтому мы пользовались такими возможностями. В представленном «распоряжении» дезинформацию содержит сообщение об аресте Гульбетдина, оставлении его отрядами позиций, предполагаемом их разоружении, отдыхе войск, нумерации дивизий, планируемых районах действий.

Ежедневно мы отправляли в Кабул оперативную информацию, готовые сообщения для кабульского радио и телевидения, тексты листовок. М. Андриенко со своей спецредакцией незамедлительно их редактировал и тиражировал. Одновременно с содержанием листовок мы выдавали ему из Хоста координаты районов залистования, а он с подсоветными организовывал их распространение силами авиации в заданных районах.

Опираясь на данные наших регулярных докладов, они инициативно разрабатывали свои материалы.

Был момент, когда мы перестарались. Это была моя ошибка. В Хосте сохранялись определенные симпатии к бывшему королю Захир-Шаху. Поэтому во взаимодействии с 7-м управлением ХАДа мы зачем-то выпустили в Кабуле красочный плакат-фотомонтаж, где король на природе якобы развлекался с несколькими девицами. Непристойностей в нем не содержалось, но народ отнесся с недоверием к расклеенным по городу и нескольким кишлакам плакатам. Да и вообще, как потом осознали, такие «потешки» были лишними — тема явно не являлась актуальной.

К сожалению, у меня не сохранились данные по количеству листовок, их тиражу и районам залистования авиацией афганских ВВС. Скажу лишь, что их было достаточно много и распространялись они в основном на племя Джадран южнее трассы Гардез — Хост, в окрестностях Хоста и горном массиве, где проходили оборонительные рубежи и находились базовые районы мятежников. Также мы проводили концерты, показывали кинофильмы, транслировали радиопередачи.

Наряду с вышеизложенным хочу рассказать о роли некоторых наших СМИ. Накануне операции я встречался со спецкором «Известий» Германом Устиновым. Его корпункт располагался в уютной вилле по шоссе к Дар-уль Аману, наискосок от советского посольства, невдалеке. Не сообщая о замысле операции, проинформировал его о предстоящей командировке в Хост и предполагаемых спецпропагандистских мероприятиях, о складывавшейся там обстановке, посетовал на отсутствие наземной дороги и трудностях снабжения того гарнизона по воздуху. Предложил ему слетать вместе, посмотреть, подготовить хороший материал по самостоятельным действиям афганских войск, тем более что подобных публикаций в нашей прессе было не так уж много.

Он поучительно ответствовал, что стиль «Известий» — не статьи, а краткие очерки, в которых, как он выразился, «через малое показывается большое, главное…».

В Хост он так и не полетел, зато очерк вскоре появился. Но это был настоящий антишедевр, подлинный образец вранья, журналистского мошенничества и очковтирательства. В моем досье хранится эта вырезка из «Известий», но фабулу кратко перескажу, поскольку она заслуживает внимания не только современников, но и потомков.

Итак, подпитавшись информацией о существовании где-то округа Хост и нелегких его буднях, Устинов, видимо, вообразил, что его богатый опыт и верная муза не подведут. Корпункт он не покидал — все эти афганские кишлаки и гарнизоны одинаковы, газета — орган авторитетный, сойдет и так, поверят. Заодно и случай козырнуть знанием глубинки, где вообще кроме вояк-советников редко кто бывал. Поднатужившись, борзописец изобразил картину, как осажденный гарнизон Надиршахкота мужественно, из последних сил отражает непрерывные атаки противника…. Закончились боеприпасы, продовольствие… Помощи из Кабула нет и нет, погода нелетная, а иначе туда не добраться. Но комендант аэродрома капитан… (даже имя выдумал!) надежды не теряет. Каждый день вновь и вновь готовит полосу к приему самолета… И вот вдруг сквозь разрывы туч послышался гул самолета, и долгожданный «Ан-12» совершил посадку… К изумлению измученных защитников, из чрева самолета вместо требуемых боеприпасов и продовольствия появился Ансамбль песни и пляски (!)… Запели музы, воспрянув духом воины двинулись в атаку (без боеприпасов, которые по сюжету закончились!) и сокрушили врага.

Автора вроде и дураком или клоуном не назовешь, но изображать тем самым идиотами мнимых афганских руководителей, которые вместо позарез необходимых снарядов и патронов якобы прислали музыкантов, да еще самолетом — на такую оригинальную чушь не всякий бы отважился.

Мне приходилось бывать в этом полку. Расстояние между Надиршахкотом и Хостом сравнительно небольшое. Любая помощь 56-му пп от своего комдива всегда была близка и гарантированна, тем более что банд в этом промежутке не было. Но для этого автору нужно было владеть обстановкой, побывать на месте. Да и его «кругозор», видимо, предполагал, что всякая помощь отдаленному гарнизону должна идти лишь из Кабула.

Но еще интереснее: крохотный Надиршахкот располагался в таких предгорных складках, что не только аэродром (тем более для «Ан-12», которые и в Хосте не принимали!) — вертолетную площадку там было почти невозможно соорудить. Поэтому в сентябре 1985 года мы добирались туда бронегруппой, заодно доставив полку кое-что из необходимого.

Завершив выстраданный очерк, автор, не моргнув глазом, подписал: «Г. Устинов. Надиршахкот — Хост — Кабул».

В действительности же обстановка для «осажденного» полка была относительно спокойной. Проживавшие в кишлаке и неподалеку джадранцы, как уже говорилось, сохраняли статус-кво «вооруженного нейтралитета» вплоть до декабря 1987 года, когда начавшаяся операция «Магистраль» все перевернула.

По прошествии времени эта публикация с очередной почтой добралась и до Надиршахкота. Изумленные советники, в глаза не видевшие журналистов вообще, не говоря уж об Устинове, возмутились непорядочностью автора в такой степени, что немедля сочинили «телегу» в ЦК КПСС. Устинов же вскоре, по слухам, получил орден. Вот так. От каждого по способностям, каждому — по труду.

«Афган гак»

В декабре 1984 года была издана директива МО СССР о развертывании радиоспецпропаганды и поставке в этих целях в Афганистан радиостанции Р-245 «Буря». Это вызвало необходимость решения целого комплекса организационных задач, наслаивавшихся на остальную текущую работу. Осенью 1985 года радиостанция поступила, и решением командования 40-й ОА весь ее комплекс, включая информационный («Баллада»), стационарно разворачивался на территории крепости Балахисар, где дислоцировались наши десантники. Здесь же базировался и агитотряд 40-й ОА. Им в то время командовал капитан Сергей Небренчин, исключительно добросовестный, надежный и толковый офицер. Его группам частенько приходилось взаимодействовать с нашими, и я всегда был уверен в успехе, зная, как серьезно и ответственно подходил Сергей к организации совместных акций.

Эксплуатация радиостанции должна была осу-ществляться советской стороной. Однако ее творческая деятельность по замыслу должна была строиться на смешанном участии афганцев и коллектива офицеров ТуркВО и 40-й армии. Еще до разработки штатов и прочих проблем встал вопрос о том, кто будет осуществлять руководство. Член военного совета — начальник политотдела армии генерал-майор В. Щербаков сразу же безапелляционно заявил, что все бразды будут у него в руках, равно как и утверждение текстов всех программ и передач. Вы, мол, там с афганцами решайте, что хотите и как хотите, но все будет под его контролем.

Понятное дело, вещание должно было вестись на двух языках — дари и пушту. Но если с дари было проще: наши специалисты — «шурави» им владели, то с пушту — полный провал. Но и советские офицеры, владевшие дари, могли лишь готовить черновики, а окончательная редакция все равно оставалась за носителями языка. То есть предполагалось, что афганский или советский журналист готовит текст, который тут же переводится соответственно на русский или дари, редактируется другой стороной и доставляется в политотдел армии для цензуры и утверждения. Затем при необходимости правится, вновь переводится и утверждается и наконец-то попадает к диктору на радиопередающий комплекс.

Что же касается пушту, то все усложнялось кратно и надежда возлагалась лишь на афганских офицеров, владевших русским. Утверждать эти тексты можно было должностными лицами хоть

до Москвы, но выходящее в эфир все равно оставалось на совести афганского диктора и его начальников.

В своем управлении мы подготовили перечень мероприятий по формированию редакции радиоспецпропаганды. Прежде всего необходимо было разработать штат, передать его в оргмобуправление для последующего утверждения министром обороны ДРА. Через председателя Совета министров т. Кештманда мы «пробили» два приличных двухэтажных коттеджа в элитном районе Вазир Акбар-хан, да не просто два, а соседних, которые отремонтировали, соединили территорию в общую, организовали постоянную охрану.

Штатом было предусмотрено достаточное количество автотранспорта для бесконечных поездок на согласование, утверждение, доставку готовых материалов в Балахисар. Все три инстанции (редакция — штаб 40-й — Балахисар) размещались в разных концах Кабула, поэтому заранее нужно было решить вопрос с бензином, который в Кабуле жестко лимитировался.

Первоначально разработанным штатом в редакции насчитывалось 36 человек, в том числе 22 офицера и даже двое советских служащих по контракту. Он включал в себя управление, отделы информации, программы на дари и на пушту. В таком виде мы впервые вышли в эфир 27 января 1986 года под названием «Хайбер гак» («Голос Хайбера»). С учетом накопленного опыта в начале марта штат был переработан и увеличен до 56 человек. В этот период радиостанция уже вещала под названием «Афган гак» («Голос афганца»).

Радиостанция являла собою серьезный идеологический орган, поэтому было издано специальное постановление секретариата ЦК НДПА за подписью Б. Кармаля. Перед началом деятельности радиостанции 21 января 1986 года редакцию и студийные комплексы посетили секретарь ЦК НДПА Махмуд Барьялай, начГлавПУ Я. Садыки и его советник Е. Аунапу, ЧВС 40-й В. Щербаков.

К редакции была прикреплена группа советских спецпропагандистов во главе с полковником У. Касымовым. Работали мы дружно, многие проблемы вскоре упростились.

Появились и некоторые отклики радиослушателей. Постепенно налаживалась обратная связь. Но основной период работы радиостанции выпал на долю моего сменщика — Э. Касперавичюса. На снимке он стоит слева от Вахеда.

Джагури

В начале ноября 1985 года Главный — генерал армии Г. Салманов приказал мне заняться проблемой хазарейского населения уезда Джагури, предварительно связавшись с командованием и советниками 14-й пд в Газни. 6 ноября я вылетел туда на рекогносцировку. На месте меня ввели в курс дела — население уездного центра обратилось с просьбой о сформировании племенного полка для самообороны от пришлых пуштунских банд. Но в этих целях необходимо было провести среди крестьян комплекс разъяснительных мероприятий, так как определенная их часть еще колебалась.

Хазарейцы — это потомки монголов, осевшие в центральной, высокогорной части Афганистана, возможно, наиболее бесправное нацменьшинство. В отличие от пуштунов — суннитов они — шииты проиранского толка. Если вы едете или идете по улице, будь то в Кабуле или в том же Газни, и вдали видите людей, выполняющих какую-либо грязную работу, можете не сомневаться — это хазарейцы.

Дело было накануне 7 ноября, день предпраздничный, поэтому мы все обсудили накоротке. Определились с задачей, составом рабочей группы, наметили план, согласовали начало, и в тот же день я улетел обратно. В течение нескольких дней в Кабуле были завершены необходимые приготовления. Министерство племен и народностей и ЦК НДПА выделили своих представителей. Подготовили пропагандистские материалы, адресованные к жителям уезда, заказали «Ан-26» и убыли в Газни. В провинциальном комитете НДПА встретились с партийными советниками, проинформировали о своих намерениях, пытались решить вопрос участия их и подсоветных. Энтузиазм они не проявили. Местный ХАД выделил свою группу из двух человек. В Газни дислоцировался советский 191-й омсп, но мы действовали самостоятельно.

Все было готово, и в тот же день парой «Ми-17МТ» мы вылетели. Расстояние было около 120 километров к юго-западу от Газни, так что вскоре оказались на месте. Кишлак Джагури был сравнительно небольшой, но в его окрестностях было еще несколько, образуя своеобразный анклав. Все глинобитные дома-крепости с высокими четырехметровыми стенами в каре и внутренними жилыми и хозяйственными постройками были как попало разбросаны по холмистой долине. Стены их изготавливались из местной глины, густо замешенной с соломой, и их прочность и вязкость нередко выдерживали удар снаряда.

Убранство в этих домах было самое незатейливое, если не сказать убогое.

Между домами — террасы огородов, уже без посадок — был ноябрь. Вокруг ни деревьев, ни кустарников, сплошные горы, достаточно высокие.

Встретились со старейшинами, провели переговоры. Выяснили, что они рассчитывают на формирование полка численностью до 1000 человек в составе 10 рот и соответствующие поставки стрелкового оружия и боеприпасов. Первой же странностью была их настойчивость в расквартировании у них одного из пехотных полков газнийской дивизии. Для моральной и прочей поддержки, хотя бы на первое время, на период слаживания и становления полка. После долгих консультаций с Газни, штабом 3-го ак в Гардезе и Кабулом в конечном счете договорились на афганский пехотный батальон. Приступили к работе, провели целую серию мероприятий, в основном митингов и групповых бесед; распространялись агитматериалы. Заодно «вытряхнули» из кишлаков целую гору хомейнистской литературы — вдоволь, как оказалось, завозившейся из соседнего Ирана. Проиранские настроения там были ощутимы. Антипуштунские также. Именно они и лежали в основе замысла формирования полка самообороны.

Поставленная Главным задача являлась вроде бы несложной — население само, добровольно шло навстречу народной власти. В течение полутора недель решались в основном организационные вопросы — где и какая рота будет дислоцироваться, подбирались кандидаты на должности ротных и взводных командиров. Для них проводились занятия — что-то вроде мини-курсов по военному и политическому ликбезу.

Вскоре прибыла группа афганских офицеров из управления территориальных войск с подполковником А. Мельниченко. Мы тепло встретились с Сашей и его подсоветным Голь Астаном — наши пути пересекались часто-густо, причем, как правило, в подобных отдаленных местах. Оба были жизнерадостными, энергичными, дружелюбными и без преувеличения «свои в доску». Голь Астан годом ранее служил в нашем управлении, и на генеральскую должность выдвигали его именно мы. Взаимоотношения между ними самими и нашим управлением были по-настоящему товарищескими и деловыми. Чуть позже, в 28 лет, он станет генерал-майором, но это уже будет после гибели Мельниченко.

Целью их прибытия являлось завершение предварительно проделанной нами работы — теперь уже юридическое оформление ряда договорных вопросов, завершение

укомплектования рот, подготовка приказов по штатно-должностному составу, персональное вручение и закрепление оружия. Также они должны были завершить курс ликбеза для назначенных от сохи командиров подразделений. На подходе уже был и обещанный батальон от 14-й пд.

Передав все «концы», мы распрощались, пожелали удачи и с удовлетворенным чувством добросовестно исполненного долга быстро заняли места в прибывших за нами «вертушках». Обычно я старался занять крайнее откидное сиденье у входной двери по левому борту — удобно развернуться лицом по курсу и наблюдать в иллюминатор, а заодно определить, сможет ли он открыться в случае необходимости — в памяти всегда жили воспоминания о заживо сгоревшем Саше Давыдове. Летать приходилось часто, летательные аппараты сбивались нередко, но опаски особой не было — ее всегда заменяло внутреннее ощущение неизбежности куда-то добираться.

Привычно завибрировав всем корпусом, наш вертолет начал медленно отрываться от приютившего его на время чужого хазарейского огорода, а затем, пригнувшись, словно упершись рогом в возносящий его встречный поток, стремительно начал набирать высоту. Я смотрел вниз — там кипела работа. В строю поротно уже стояло «войско», человек шестьсот. С удовлетворением подумалось: «Как-никак, а результат проделанной работы!»

Спустя пару недель, прибыв утром на службу, узнаю — в Джагури складывается серьезная обстановка. Тут же поступила команда — срочно к Главному вместе с А. Мельниченко. Зашли, доложили. «Вы работали в Джагури?» — «Так точно!» — «Мятежники разогнали там хазарейский полк, забрали у них оружие, основательно зажали приданный батальон 14-й дивизии. Немедленно оправляйтесь туда и разбирайтесь на месте. По возвращении доложите!» Вышли, переглянулись, усмехнулись — задачка что надо!

По афганской линии тоже создавалась группа, да не простая. Туда же вылетали генерал-лейтенанты Ясин Садыки и Хисамутдин (начальник военной контрразведки) и генерал-майор Зияутдин, в состав управления которого две недели тому вошел этот полк.

На следующее утро вылетели в Газни. По прибытии сразу же отправились в штаб дивизии. Обстановка была неопределенной. Спозаранку в Джагури двумя парами «вертушек» была отправлена первая группа подкреплений во главе с замкомдива с коротковолновой радиостанцией Р-104. Их прикрывала пара боевых вертолетов «Ми-24». К нашему появлению «вертушки»

ушли уже вторым рейсом. Обратной информации не было, так как, выбросив посадочным методом десант и не выключаясь, они тут же взмывали и уходили обратным курсом. И так до вечера. Попытки связаться с замкомдива были безуспешными. Чувствовалось, что на заданной частоте кто-то пытается что-то промычать, но и только. Как в той шутке: «Начальник связи, почему связи нет?» — «Товарищ генерал, связь есть, слышимости нет!»

Единственное, что удалось узнать от летчиков, — там идет бой, штурмовикам «Ми-24» всякий раз по возвращении приходилось восполнять израсходованный боекомплект. А это уже было серьезно.

Пока генералы пытались до конца прояснить обстановку, мы с Мельниченко проскочили в ХАД. Там тоже ничего не было известно — их люди в Джагури без радиосредств, но радиостанция для них уже приготовлена, и нас попросили прихватить ее с собой, если мы все же туда отправимся.

Поехали к партийным советникам в провинциальный комитет — их на месте не оказалось. Время было около 12 дня. «Уже обедают, что ли?» — «Нет, с утра еще не были». — «А где они?» — «Наверно, дома». Опа-на! «Ну, проводите к ним!» Приехали. Жили они невдалеке в небольшом коттедже. Там и застали двух тружеников — они прямо во дворе занимались постирушками на благо афганской революции. Прямо среди рабочего бела дня. Подумалось, хорошо устроились ребята!

Проинформировал их об обстановке и поинтересовался: были ли вслед нашим потугам направлены активисты? «Нет, — говорят. — Мы ведь вас предупреждали, что нечего туда соваться!» Заспорили. Говорю им, что если мы уж туда сунулись, то и вы не должны сидеть сложа руки. Понесло на «высокое» — дескать, крышу революционного здания мы штыками-то подперли, но ведь и стены тоже надо возводить по кирпичику оттуда, из кишлака!

В общем, прямо вокруг тазиков с намыленными майками и трусами состоялась целая военно-партийно-практическая дискуссия. Раздосадованные, мы вернулись в штаб дивизии.

Под вечер последним рейсом доставили несколько раненых. Других потерь не было. Одного из них с перевязанной рукой наши генералы пригласили к себе, начали расспрашивать. На двоих с Мельниченко у нас был один переводчик, Саша Котляревский, выпускник 2-го факультета ВИИЯ. Выяснили: действительно, хазарейцы разбежались сразу же, как только появились душманы. Батальон имел пять постов на окрестных высотах, но два из них уже захвачены противником.

Прибывающие с утра десанты занимают оборону… Я поинтересовался, банды местные или пришлые. «Пришлые», — ответил сарбоз. «Откуда это известно?» — «Они по вечерам подъезжали; с поста, в темноте, по свету автомобильных фар было хорошо видно, как они приближались. Затем начинался обстрел из минометов прямо по кишлаку и расположению батальона». Сразу же подумалось, что раз лупят по кишлаку, значит, не хазарейцы. «Свои» не будут. Значит, пуштуны, пришлые.

Посоветовались с генералами — что будем делать? Почему-то решили, что раз пришлые и днем действуют лишь мелкими группами, — утром летим.

Опять были задействованы та же четверка транспортных вертолетов и пара «Ми-24». В «ведущем» отправимся мы, в остальных десант. Нас предупредили — только 10 человек, плюс комплект хадовской радиостанции, в котором только движок-генератор весил килограмм семьдесят. Мне пришлось оставить переводчика, а начальнику ГлавПУ — порученца. Наутро вылетели — приказано ведь разобраться на месте! Внутреннее напряжение присутствовало — каково-то там все будет? Наш «ведущий» сел первым. Быстро выпрыгнули. Афганское начальство прихватило кто что — большую телескопическую антенну, какие-то коробки и ящики с оборудованием радиостанции. Мы с Мельниченко вытащили тяжеленный генератор, сделали несколько шагов. Мельниченко слева, я справа. Он что-то орет, но гул вертолета все заглушает. Задрав голову, смотрю на заходящего «ведомого» — проскочить бы перед ним! Многим знакомо, когда садящийся или взлетающий вертолет вздымает громадную тучу земли, песка, пыли, мелких камней и все это забивается тебе за шиворот, уши, глаза и даже в нижнюю часть спины, особенно летом в потную жару. Хотя сейчас был ноябрь, но все равно не хотелось, тем более что вертолет садился на огород. Мельниченко все еще что-то орет, поворачиваю голову, наклоняюсь в его сторону, ведь левой рукой удерживаю за ручку этот долбаный движок — Саша с квадратными глазами вопит: «Брось на х…! Брось на …й!» и тычет пальцем вниз — буквально в метре под ногами прыгают фонтаны пыли… ДШК! Это бил ДШК, но вздымаемое приземлявшимся «ведомым» облако пыли нас скрывало и стрелок бил наугад в цели, которые наблюдал несколько секунд перед этим. А Александр орал, потому что сам не мог отпустить свою ручку — надо было одновременно, иначе тяжелый движок, качнувшись, рубанул бы меня по ногам. Моментально «паркуем» его здесь же, посреди огорода, между двух «вертушек» и совершаем рывок

метров триста до ближайшего дома-крепости, где как раз и находился штаб пехотного батальона. Добежали, собрались, перевели дух. Высадив десант, «вертушки» под прикрытием «Ми-24» ушли.

Начали врастать в обстановку. Идет бой, а точнее, ожесточенная перестрелка. Большую неприятность представляют мятежники с ДШК, засевшие на двух захваченных у батальона высотах и прилегающих к ним склонах. «Вертушки» хорошо поработали по ним НУРСами, но этого недостаточно. Банда действительно пришлая. Оказалось, сформировав полк и придав ему батальон, мы перекрыли «духам» кислород: рядом был стратегический для них перекресток — пересечение двух горных грунтовых дорог, по которым они гоняли караваны с востока на запад и с юга на север. Кольцевую магистраль под своим контролем держали советские и афганские войска, а в этом центральном горном массиве хозяйничали душманы. Они там чувствовали себя вольготно. 40-я армия и афганцы основные усилия сосредотачивали на перекрытии караванных путей с востока и юго-востока, а уж кто добрался сюда, в Хазару — был в относительной безопасности. Здесь не было гарнизонов и не проводились операции. На это не хватало сил.

А тут вдруг хазарейцы оборзели — мало того, что свое войско решили создавать, так еще и перекрыли важнейшие для мятежников маршруты. Для нас это было неожиданностью — никакими данными по этим обстоятельствам мы ранее не располагали и не догадывались. Вот чем и объяснялось остервенение мятежников и их внезапный массированный удар по Джагури. Хорошо еще, что в момент нашего появления они не знали, сколько и каких афганских генералов туда занесло.

Сверху привели бледного, с окровавленной кистью руки начальника штаба батальона, молодого парня. Он вел огонь из ДШК, установленного на треноге на крыше. Встречной очередью ему срезало указательный и большой палец правой руки. Оказали помощь, перевязали, фельдшер сделал обезболивающий.

Стало ясно, что нужно срочно направлять в этот район более крупные силы, то есть возвращаться, принимать решение и выдвигать сюда части 3-го ак. Что и было вскоре предпринято.

Бой продолжался. Часа через три вертолеты шли снова. В составе подразделения, прибывшего накануне с нами, был авианаводчик. Через него дали целеуказания «Ми-24» по подавлению выявленных огневых точек противника. Батальону и приданным подкреплениям была поставлена задача на ведение массированного огня, пока вертолеты будут садиться, а мы будем перебежками добираться и взлетать.

Сосредоточились в воротах, и едва первый завис и начал приземляться, рванули к нему. Над головами засвистели пули. Бежал резво — мандраж подгонял. Из книг помнил — свистят над тобою чужие, не твои. «Свои» не свистят, дуй дальше. Дверца вертолета уже была открыта, но трап не выброшен. Мы были готовы заскакивать по двое и без него, но в проеме столпилась какая-то группа стариков с чемоданами в руках. Оказалось, с поздним зажиганием подсуетились партийные советники и решили десантировать сюда группу дедов-партактивистов. Один из них, наверно, самый сознательный, успел сгоряча выскочить. Вслед ему вылетел чемодан (его ли?). Остальные по рожам наших лиц, видимо, определили, что стоит воздержаться, и благоразумно отступили внутрь. Мы с помощью подававшего руку борттехника, опять же чуть ли не по двое, шустро взбирались на борт. Последним, чуть дыша, подбежал тучный генерал Зияутдин. Ухватившись за поручень, он стоял пошатываясь, не имея сил взобраться. Еле затащили и тут же пошли на взлет. С воздуха наблюдал, как работали по высотам пулеметами и НУРСами прикрывавшие нас «Ми-24». Было внушительно и почти красиво, если бы не отступивший еще мандраж.

Я пересчитал всех нас, «пассажиров», — 22 человека. Явный перебор согласно всем инструкциям. По этому поводу Ясин Садыки тут же начал драть экипаж — те оправдывались, ведь рассчитывали на выброс дедов, но они мертвой хваткой вцепились во всевозможные железки внутри салона, лишь бы не высадили. Так что им повезло. Кроме того, первого, оставшегося растерянным там, посреди огорода с неизвестно чьим чемоданом. Теперь, вспоминая остросюжетный эпизод, улыбаюсь, чей же все-таки кейс со шмотками успел вылететь из вертолета.

В Газни добрались благополучно. Высыпали на бетонку. Я уже было отошел метров на десять, как сзади окликнули: «Товарищ мушавер, иди, посмотри!» Обернулся, подошел. На хвосте вертолета верхом сидел борттехник. «Смотри! Раз, два, три, четыре…» — четыре пробоины от ДШК зияли в кожухе, торчком выступавшем к стабилизирующему винту. Это означало, что четыре пули пробили его, не задев ни одну из деталей передаточного механизма. В случае повреждения винт бы остановился, и вертолет перешел бы в вертикальное вращение с последующим быстрым падением. Не пришлось бы и описывать эти события.

Ладно. Попили чаю, посмеялись над Зияутдином, вспоминая, как тот с непривычки, да еще под пулями пыхтел по пересеченной местности — вот что значит поддерживать физическую форму! Под вечер уже были в Кабуле.

Надо сказать, что пилоты-афганцы в большинстве своем были выпускниками наших 5-х ЦК ПУАК из Фрунзе. Они были очень опытные, отчаянные, а иногда безбашенные. Афганцы воевали беспрерывно уже много лет, а советские авиационные части прибывали в ДРА на год, а затем их сменяли поочередно другие.

Помню, летом 1985 года проходила очередная операция в Нарае. Располагавшиеся в районе Саид-Карама войска с удивлением наблюдали, как дурачились в воздухе два вертолета — опасно сближались, как бы пугая друг друга, расходились, опять сближались. В конечном счете зацепились винтами и грохнулись на землю. Оба экипажа погибли. Нелепо и глупо…

«Ты кто такой?!»

В один из ненастных ноябрьских дней, в воскресенье, едва вернулся со службы, меня срочно вызвали к руководителю Оперативной группы МО СССР генералу армии Варенникову В.И. По пути заскочил в Управление, где на всякий случай прихватил какие-то карты, схемы. Резиденция Опергруппы находилась между штабами 1-го ак и 40-й. Варенников принял сразу же. В его кабинете находилась также группа генералов и офицеров.

Он кратко заслушал меня по оценке обстановки, состоянию афганских сил и средств спецпропаганды, проводимой работе и ее эффективности. Затем последовал вроде бы дежурный вопрос, которому я вначале не придал значения: «Работу с какими племенами вы считаете наиболее перспективной?» Ответил, что это скорее всего Шинвари, Африди, Мангал, Вазири, Белуджи, Хазарейцы. «А Джадран?» Мне показалось, что он в какой-то степени знаком со справками-докладами генералу Е. Аунапу о работе в Хосте накануне. Шеф как-то в сентябре в течение нескольких часов тоже побывал в Хосте. Позже прилетал Главный советник генерал армии Г. Салманов. Случай был из ряда вон, поскольку ранее не приходилось видеть его где-то в районе боевых. Возможно, ошибаюсь.

В. Варенникову доложил свои оценки, добавив, что племя могущественное, очень свирепое и воинственное. У пуштунов других племен отношение к Джадрану в силу ряда причин не очень дружелюбное. Вторгаться в их пределы — равносильно разворошить осиное гнездо, тем более что ввиду близости к Пакистану и базам снабжения недостатка в оружии и боеприпасах у них нет. Доклад был принят к сведению.

Вскоре после описанных событий в Джагури меня вновь заслушивал генерал армии Варенников.

Сценарий повторился. Я лишь развил мысли по поводу Белуджей. Некоторое их количество проживало в Кандагаре. Они хорошо относились к местным «шурави» из 70-й бригады и в целом к СССР. Зато у них натянутыми сохранялись отношения с пуштунским населением. Основная их масса проживала в пакистанском Белуджистане, южнее. Сепаратистские настроения там были сильны и откровенны, что также всегда являлось головной болью для руководства Пакистана. Более того, Белуджи не скрывали вожделенной мечты получить независимость и образовать собственное государство. Им казалось, что однажды терпение СССР лопнет и наша страна в ответ на участие Пакистана в необъявленной войне против ДРА может принять

решительные меры, а заодно окажет «интернациональную помощь» и Белуджистану. Белуджи были готовы в таком случае «открыть ворота», и мы могли бы оказаться на побережье очередного океана с развертыванием там своих баз.

По крайней мере, такие настроения были известны, и этим грех было пренебрегать.

И вновь Варенников поинтересовался, не меняются ли в нашем управлении оценки в отношении племени Джадран, что нового есть по нему, пойдет ли оно на переговоры по открытию дороги Гардез — Хост. При этом генерал еще раз подчеркнул, что снабжение Хоста по воздуху — слишком дорогостоящее удовольствие. Впоследствии этот аргумент станет основным при обосновании необходимости проведения операции «Магистраль».

Доложил, что, учитывая ожесточенное стремление лидеров контрреволюции захватить округ Хост и провозгласить там «Свободный Афганистан», ни они, ни Пакистан, ни тем более США ни в коей мере этого не допустят. Я понимал, что Варенникову все это было известно, но он явно проводил какие-то консультации. Тем более что ранее мне довелось в какой-то мере приобщиться к этой проблеме, благо в справках-докладах по Хосту и Джадрану кое-что отражалось.

Неожиданно для меня оказалось, что генерал почему-то болезненно среагировал на мой доклад. Утром вызвал шеф. Сразу же с порога Аунапу обрушился: «Брылев, ты кто такой?! Ты что умничаешь, что ты лезешь не в свое дело?» Будучи ошарашенным его внезапной атакой, я даже не успел встрять, как он продолжил: «Ты что перечишь Варенникову, ты кто такой? Хочет он проводить свою операцию — пускай проводит… Не твое дело!»

Еще раз хочу подчеркнуть, что это происходило за два года до «Магистрали». Недоумевая, о какой операции вообще идет речь, при чем тут я и чем прогневал «папу», попытался объяснить, что просто доложил свою точку зрения на вопрос Варенникова. Тем более что она была выверена в управлении. Да и откуда мне было знать замыслы и помыслы высокопоставленного генерала и как вообще я мог их порушить?

Тогда мне не было известно, что Варенников, судя по всему, уже зондировал «наверху» возможность проведения «своей» операции, но встретил отказ. Но он не был бы самим собой, тем самым волевым генералом армии, если бы не продолжал попыток загодя подкрепить свою аргументацию оценками «снизу». Лишь теперь понятна его настойчивость в получении всесторонней поддержки различных служб, в том числе и нашего управления. Скорее всего, Аунапу в отличие от меня был посвящен в его замыслы. По-видимому, он полагал, что я в курсе и осмелился

перечить. Потому и разгневался.

Если бы я раньше придал значение вопросам Варенникова по Джадрану, то мне следовало бы поинтересоваться оценками разведуправления и ХАДа. Каюсь, этого не случилось, так как считал, что и все остальные того же мнения.

Конечно, нелепо и смешно было обвинять меня в пререкательстве с генералом армии, обладавшим такой властью и полномочиями. Тем более с заслуженным участником ВОВ, да не простым — ведь Варенникову на Параде Победы в 1945 году было доверено командовать ротой почетного караула, сопровождавшего Знамя Победы. Еще больше зауважал его за участие в ГКЧП, отказ от амнистии и настойчивое требование добиться суда над собою.

Но за операцию «Магистраль» — увы!

С Аунапу же разговаривать было бесполезно. Для него «джадран» было такое же абстрактное понятие, как расположенное где-то африканское племя «мумбу-юмбу». В моем представлении он так и остался случайно оказавшимся в ДРА ограниченным служакой, каких иногда туда «задвигали». «Брылев, у меня всякий раз после общения с тобой голова весь день гудит!» Оттого и гудела…

Конечно, ушел от него и расстроенный и озадаченный.

Ведь получилось, что Варенников, невзирая на столь большую разницу в наших «весовых категориях», то ли пожаловался, то ли просто подосадовал, но Аунапу решил меня на всякий случай выдрать — не за то, что прав или не прав, а лишь из-за высказанного старшим начальником неудовольствия. Но, повторюсь, тогда мне просто было невдомек, за что и почему. Это было явно несправедливо, но шефу истина была по барабану: «хочется ему — пускай проводит!» — отчетливо сохранилось у меня в памяти.

О том эпизоде и забыл бы, не случись через два года операция «Магистраль».

«Магистраль»

Опираясь на известные мне факты и анализ событий, хочу подробнее остановиться на ее истинной подоплеке. Как бы красиво и победоносно она ни описывалась, в ее основе лежало личное полководческое честолюбие. Спору нет, операция была организована и проведена грамотно. Войска проявили мужество, героизм, самоотверженность. Чего только стоит подвиг 9-й роты. Да и многих других.

Но в моем анализе будет подвергнута критике сама идея ее проведения, как не имеющая практической целесообразности. А потому приведшая к напрасным жертвам и потерям, ненужным материальным затратам и фактически оказавшаяся безрезультатной вопреки громогласным реляциям и полученным геройским наградам. Блокады Хоста, как будут потом утверждать многие, она не ликвидировала.

Идея фикс В. Варенникова отчетливо просматривается, начиная с осени 1985 года до ее реализации в ноябре-87 — январе-88 и получения звания Героя Советского Союза.

Судя по всему, самолюбие и тщеславие ему были не чужды и взяли верх над здравым смыслом.

Дело в том, что кое-кто из полководцев уже получал Звезду за особо крупные и вроде бы результативные операции в Афганистане, особенно на начальном этапе. Последующие годы операции, как правило, буднично шли в одних и тех же провинциях. Оригинальностью и результативностью они не отличались. Обстановка год от года не улучшалась. Звездой награждались лишь офицеры и солдаты за личное мужество и героизм, многие из которых посмертно.

Исключение составил, пожалуй, лишь А. Руцкой, удостоенный такой награды то ли за нахождение в плену, то ли по совокупности за множество боевых вылетов.

Военачальник высокого уровня должен был организовать и успешно провести нечто необычное, нестандартное, масштабное, а главное — высоко результативное. Именно такой могла оказаться операция к востоку от Гардеза, на которую раньше никто не отваживался. Хостинский гарнизон при этом снабжался лишь по воздуху, но это было привычным, устоявшимся делом. Хотя и дорогостоящим, но сравнительно безопасным.

Похоже, что у обоих четырехзвездных генералов — Салманова и Варенникова — мысли и устремления совпадали. Вначале, как уже говорилось, Г. Салманов в августе 85-го года организовал самостоятельную операцию. Хотя душманам был

нанесен ощутимый урон и угрозы Хосту были отчасти отодвинуты, однако близость Пакистана сыграла свою роль, и они вскоре восстановили силы и усилили натиск. Теперь обстрелы гарнизона велись нередко дальнобойной артиллерией уже с сопредельной территории, из-за границы.

Варенников к тому времени начал вынашивать уже свой, более масштабный замысел. Но и Главный времени не терял. После первой попытки он решил осуществить «дубль два», организовав новый поход. Теперь уже совместно и во взаимодействии с 40-й. Не зря же он удивил всех, самолично прибыв на боевые в Хост в сентябре.

Был разработан план, который утвердил министр обороны СССР маршал С. Соколов. Подчеркиваю, планом не предусматривалось никаких действий против Джадрана.

Умный и проницательный С. Соколов, как пришлось узнать позже, предупреждал полководцев: «Имейте в виду, не трогайте племя Джадран». С. Соколов ранее в течение пяти лет возглавлял Опергруппу МО СССР и обстановкой владел. И здравым смыслом. И без амбиций, так как звание Героя имел.

Варенников в своей книге об этом умалчивает. Видимо, не зря, так как события он описывал гораздо позже и вряд ли собирался афишировать только ему известные мотивы, понимая, какой ценой ему досталась Звезда и кто и как это оплатил.

Из пятой книги цикла «Неповторимое» видно, сколь ревниво автор в начале 1986 года отнесся к разработанному (в обход его!) плану — инициатива у него перехватывалась, личная перспектива уплывала. Решив непременно встрять и ухватившись за «неудачные», с его точки зрения, сроки проведения операции (мол, февраль — март — период непогоды, слякоти, распутицы — речь шла о весне 1986 года), он решил для пущей убедительности подтвердить это личным облетом предполагаемых маршрутов выдвижения войск в обход Джадрана с севера, через Парачинар, Ганихейль, Мангал вплоть до Хоста. И это мог бы быть весомый аргумент, внешне оправданный. Не подкопаешься. Похоже, что он по-прежнему стремился «пробить» свой вариант, совместив операцию с «Магистралью» как начальным этапом всего замысла.

Настырный Варенников постарался привлечь на свою сторону начальника Генерального штаба СССР маршала С. Ахромеева и через него добиться у министра одобрения своего варианта. Но и Ахромеев был бессилен. Прибыв в качестве делегата XXVII съезда КПСС в феврале в Москву, Варенников добивается встречи с С. Соколовым и еще раз пытается убедить того. Но министр неумолим — операцию проводить в установленные сроки и согласно утвержденному плану!

Вообще, как с досадой сетовал Валентин Иванович, С. Соколов его особым вниманием не жаловал, держал на расстоянии и предпочитал все вопросы решать через С. Ахромеева.

Описывая через годы эти моменты, самолюбивый Варенников про Джадран и «Магистраль» здесь умалчивает.

Надо отдать Варенникову должное — инициативу у Салманова в начале 1986 года он все же перехватил, оказавшись впереди если и не на «лихом коне», то на вертолете в гуще хостинских событий. Пока Главный отсиживался в Кабуле, он фактически оттеснил его на задний план. Благодаря своему статусу и решительности он взял непосредственное руководство операцией в свои руки и не выпускал его вплоть до прибытия в самое логово душманов — Джавару. И здесь ему в личном мужестве не откажешь.

Не многие из военачальников его уровня или даже рангом пониже отважились бы на подобное. Например, во время одной операции мне приходилось наблюдать, с какими беспрецедентными мерами предосторожности однажды прибыл на ПКП в Панджшер один из предшественников Варенникова — генерал-полковник В. Меримский. Да и то на считаные минуты. При этом его сопровождали, а в период нахождения на ПКП — беспрерывно кружили в воздухе чуть ли не до полутора десятков боевых вертолетов. Персона-то была исключительно важная, а потому и безопасности для себя требовала особой. Но Панджшеру до Джавары — слишком далеко!

Результат хостинской операции, завершившейся в апреле взятием Джавары, был громким. По этому поводу и явно в целях привлечения внимания Варенников организовал в Кабуле даже «малый Парад победы». Но славу приходилось делить на двоих — инициатива-то исходила от Г. Салманова. Возможно, по этой причине Родина на этот раз поскупилась, не оценив по достоинству заслуги сразу обоих.

Не зря описывал перед этим, как рьяно взялся было Варенников осенью 1985 года за Джадран. По логике вещей, такая операция должна была развиться в более крупномасштабную, с последующей подлинной (а не мнимой, как в 1988 году) деблокацией Хоста, разгромом окружавших его банд, взятием Джавары, закрытием границы. Благо большая часть этого округа была равнинной, и закрыть границу было гораздо легче, чем в горах.

На фоне всех предыдущих афганских событий это действительно была бы грандиозная операция по размаху, значимости, результатам, военно-политическим последствиям. Да

и по реализации личных амбиций.

Если у Варенникова и были подобные замыслы (а они были — достаточно вспомнить его болезненную реакцию на хостинскую инициативу Г. Салманова и чреватые попытки переубедить Соколова), то он, во-первых, мыслил гораздо масштабнее других. А во-вторых, реализовать заветные честолюбивые мечты — иные варианты найти было трудно.

Почему же возникла двухгодичная задержка-пауза до ноября 1987 года? К тому же с трансформацией масштабного замысла к кастрированному варианту «Магистраль»? Ведь актуальность деблокации Хоста и пресечения экспансионистских планов «альянса семи» в отношении округа сохранялась все эти годы ничуть не меньше, чем в конце 1987 года.

Во-первых, помешал Г. Салманов своим усеченным вариантом действий весной 1986 года. Спустя непродолжительное время возвращаться в Хост — а как же с одержанными накануне победами и победоносными докладами? Ставить их под сомнение? Перспективно ли идти проторенным путем, хотя бы и в интересах дела?

В этой связи повторная операция в одном и том же районе в течение года исключалась — существовал план их проведения в других регионах. Необходимо было выдержать паузу и выждать время.

Во-вторых, в течение мая — июня и сентября — октября 1986 года Варенникову пришлось по заданию руководства заниматься ликвидацией аварии на Чернобыльской АЭС и лишь затем вернуться в Афганистан.

В-третьих, на этот период пришлась «политика национального примирения». Контрреволюция уже захватила свыше 80 % территории. Хитроумные советники политбюро и ЦК НДПА совместно с обессилевшей кабульской властью хотели «как лучше» перехитрить ее лидеров. Под предлогом прекращения обоюдного братоубийственного кровопролития они питали некоторые иллюзии. Боевые действия, за редким исключением, сворачивались.

В-четвертых, и это главное, имевшийся замысел подготовить и провести уже исключительно «свою» резонансную операцию с вторжением в территориальные пределы племени Джадран при министре С. Соколове был просто неосуществим.

Но не было бы счастья, так несчастье помогло! «Счастье» в виде «Цессны-172Б Скайхоук» неожиданно свалилось с неба, когда немецкий пилот Матиас Руст 28 мая 1987 года, в День советского пограничника, совершил свою «историческую» посадку на Красной площади. Как тогда бытовала шутка, М. Руст пролетел

так низко, что у многих полководцев слетели папахи. В том числе и у министра обороны СССР. Через день, 30 мая, маршал С. Соколов был снят с должности. Главное «магистральное» препятствие для В. Варенникова было устранено. Но он в те дни уже был занят чернобыльскими проблемами.

Значит, и режиссер Бондарчук сюжетом для создания «9-й роты» тоже частично обязан Русту. Кстати, благодаря фильму миллионы россиян и зарубежных зрителей через этот сравнительно малый эпизод эпопеи воочию получили представление об афганской войне. У нас в Сочи для «афганцев» был устроен коллективный просмотр фильма в центральном кинотеатре «Спутник» (ныне по чьей-то глупости или алчности он снесен).

Я видел состояние ребят — все словно погрузились на эти два с лишним часа в суровое былое. В зале царила тишина, а по выходе — задумчивые, затуманенные воспоминаниями глаза и лица да глубокие вздохи.

Безусловно, кое-что в картине излишне драматизировано, но главное — трагичный и кровопролитный сюжет, до боли знакомый и лично пережитый многими, мужество и стойкость вчерашних пацанов — схвачено верно и брало за живое.

Однако не обошлось и без грязи. Имею в виду эпизод, когда прилетевший в финале полковник на вопрос выжившего десантника, как же так получилось, что не пришла подмога, отвечает: «Извини, про вас просто забыли!» В этой фразе — громадная порция дерьма, вылитая на головы множества офицеров и генералов, не только честно и мужественно выполнявших свой долг, но и нередко жертвовавших собою ради спасения жизней этих самых пацанов. В этот момент меня словно по нервам резануло. Неужели ослышался? Мгновенно прострелило: «Вот козел!»

По Бондарчуку, получилось, что про свою роту (одну из трех!) «забыли» комбат, его начштаба, замполит… Да и остальные такие же — «забывшие» командир полка (кстати, в реальной жизни им являлся Герой Советского Союза подполковник В. Востротин), комдив со своими штабами, командование армией… Возможно ли было подобное? Да ни в коем случае!

На самом деле и комбат был на связи, и успел выслать подкрепление, и командир полка В. Востротин, находясь на удалении 6 километров, в ходе боя прикрывал действия роты (кстати, наиболее удаленной) огнем артиллерии полка, в самый критический момент фактически спасши оставшуюся уже почти без боеприпасов 9-ю своей резервной разведротой. Даже командарм Б. Громов в связи с тревожным положением держал

постоянную связь с командиром полка, что впоследствии подтверждали офицеры, находившиеся в той же радиосети. Понимаю, что Бондарчук умышленно драматизировал обстановку ради того, чтобы широкая зрительская аудитория получила как можно более наглядное представление о подлинном героизме, проявлявшемся нашими ребятами в Афгане. В том, что так было, — ни малейшего сомнения.

В действительности там погибли шесть человек, двадцать восемь были ранены, из которых девять — тяжело. Двоим — Вячеславу Александрову и Андрею Мельникову — посмертно было присвоено звание Героев СССР, хотя как свидетельствовал впоследствии присутствовавший на комсомольском собрании 9-й роты Франц Клинцевич (нынешний председатель Союза ветеранов Афганистана), по единодушному решению коллектива представлялись шестеро, включая офицера Ивана Бабенко. Однако московские умники сочли это многоватым для одного подразделения, мол, лимит — только двое. Бабенко отказался, заявив, что в таком случае этого заслуживают павшие. Наверно, и об этом стоило упомянуть в фильме.

Мне приходилось минимум раз в месяц дежурить на армейском ЦБУ в качестве представителя советнического аппарата Министерства обороны ДРА. Посреди просторного зала на 2-м этаже бывшего дворца Амина на громадном столе постоянно находилась подробнейшая топокарта страны. На ней дежурная смена операторов, разведчиков и других служб в течение суток неотрывно и скрупулезно отслеживала и отражала все изменения текущей оперативной обстановки. К исходу дня из всех соединений и отдельных частей заслушивались подробные доклады об итогах дня: кто и где вел боевые действия, результаты, потери и их причины; планируемое на завтра или даже в ночь по привлекаемым подразделениям, районам, времени, задачам; куда, к какому времени и какими силами выставляются блоки, посты, засады, рейд на караван, действия досмотровых групп спецназа, артиллерийские или авиационные удары и т. д.

Особо подчеркну — штаб армии вел скрупулезный учет вплоть до взвода, а иногда и меньше! Не говоря уж о роте. К 5.30—6.00 подтягивались начальник штаба, разведки, оперативного отдела, других служб, нередко и представитель начальника Генштаба СССР, в то время генерал Громов Б.В. Они внимательно и подробно вникали в обстановку, держали на контроле все события и подразделения, вышедшие на боевые. Уверяю, что чувство долга и ответственности за судьбы людей при этом

проявлялись на высшем уровне. Эту информацию подтвердит любой из сотен офицеров и генералов, выполнявших эти задачи на ЦБУ и КП армии, соединений, полков. А тут про роту «забыли»!

Не знаю, почему промолчал тогда Союз ветеранов Афганистана. Всенародных звиздюлей Бондарчуку надо было выписать. С его стороны это была настоящая, непростительная подлость. Либо по недомыслию, либо в погоне за «спецэффектом» он умышленно обгадил разом всех, кто тащил за собою весь тяжкий груз войны.

По этому поводу буквально на следующий день пришлось давать интервью нескольким сочинским журналистам с опровержением эпизода.

Итак, с уходом С. Соколова все карты оказались в руках у Варенникова. Приобретенный за два года опыт и статус позволяли ему со знанием дела внушить руководству Генштаба и новому министру обороны СССР необходимость реализации своей идеи. Очевидно, ему удалось заполучить в союзники командование 40-й.

Но в своей книге операцию «Магистраль» он упоминает кратко, сославшись на более детальные описания Б. Громова.

Утверждения же самого Громова, что «после многочисленных настойчивых просьб афганского руководства командованием Ограниченного контингента было принято решение спланировать и провести крупную совместную войсковую операцию афганских и советских войск…», — мягко говоря, преувеличение своей роли. Не тот уровень. У командования ОКСВ не было таких полномочий. Оно могло самостоятельно или по поручению старшего начальника разработать замысел или даже план, но лишь доложить его на утверждение. «Принимать решение» в отношении афганских войск — это выдать желаемое за действительное. Такая прерогатива принадлежала исключительно руководству опергруппы МО СССР, то есть генералу армии В. Варенникову. Именно он, а не кто иной, был в постоянном контакте с Наджибуллой и имел возможность выслушивать его.

«Многократные настойчивые просьбы афганского руководства…» — это мы уже встречали в декабре 1979 года, когда убивали Х. Амина.

«Мы все детально разработали с Наджибуллой, — пишет Варенников. — Если вдруг этот вариант (мирная договоренность с племенем) не получится, то мы начнем проводить операцию по деблокированию дороги на Хост и самого города Хост».

Как видно, это уже другой разворот. Тем более что Варенников очень умно пытался подвести это решение под

предварительное согласие Лойя Джирги. А Лойя Джирга должна была, в свою очередь, утвердить концепцию национального примирения. И опять же, его подход был очень осторожен — сначала Джирга должна призвать племя и его руководителя Джелалутдина к мирному пропуску колонн. Притом Варенников здесь же сам и подтверждает ту характеристику племени, которая докладывалась ему в 1985 году: «Это наиболее многочисленное и агрессивное племя…» Из его воспоминаний очевидно, что никаких «настойчивых многократных просьб» Наджибуллой ему не высказывалось, что инициатива в реализации давнего замысла по-прежнему исходила от него. Но он хотел обойти острые углы, связанные прежде всего с провозглашенной к тому времени политикой «примирения». Он отлично осознавал, что племя не пойдет ни на какие «мирные» пропуски колонн.

Скорее всего, Наджиб вынужден был уступить настойчивости Варенникова. Замысел операции и связанные с этим боевые действия против племени Джадран явно шли вразрез с «национальным примирением». Уже в начале осени 1987 года для Наджибуллы, хорошо осведомленного о прогрессе Женевских переговоров, отчетливо замаячила реальная перспектива скорого вывода наших войск и неизбежно связанных с этим больших проблем для афганских властей и лично для него. Положительные результаты «примирения», случись они на деле, оставались для него последней надеждой. Поэтому торпедировать их «многочисленными настойчивыми просьбами» он не мог. Предчувствие его не обманывало. Он вскоре будет предан Ельциным и повешен талибами.

Многократные ссылки на «критическую ситуацию с продовольствием — население голодало» называть враньем не хочется. Пускай это будет заблуждением. «Критической» она могла быть лишь без продовольствия. Но дело не в игре слов. Получалось, что пуштуны в Хосте с голоду умирали, а их сородичи — Джадран, захватив дорогу и, как собака на сене, с этих гор ни шагу в сторону Гардеза и тем более Кабула — сыты и без наземных или воздушных поставок. «Конечно же, душманы понимали, что наши действия продиктованы необходимостью ликвидировать угрозу голодной смерти нескольких тысяч жителей Хоста», — сообщается в книге Громова.

Продукты действительно требовались, но лишь для снабжения гарнизона, что чуть ниже и признает автор правдиво. Но это уже не те масштабы. А без приукрашивания и нагнетания продовольственных страстей уж как-то и смысл, и ореол подвигов тускнели.

Не ставя под сомнение приводимые цифры, то ли 25 тыс.

тонн (В. Варенников), то ли 24 тыс. тонн (Б. Громов) народнохозяйственных грузов, которые якобы были предварительно сосредоточены в Гардезе, хотелось бы знать: во-первых, где там складировалось такое их громадное количество; во-вторых, кто и как их загружал; в-третьих, как обстояли дела с разгрузкой в Хосте. Ведь утверждается, что ежедневно из Гардеза в Хост отправлялось «2–3 колонны… В основном это было продовольствие или горючее…». (А почему не боеприпасы? Опять как у Верстакова, «детишек носим на руках и чиним местный трактор»?) Варенников сообщает, что «19 января из Хоста в Гардез вернулась колонна, которая отвезла туда последнюю тысячу тонн груза». Ежедневно разгружать такую массу груза — ого! Войска-то на высотах сидели, оборонялись…

17 июля 1989 года я провожал из Москвы начальника политотдела хостинской 25-й пехотной дивизии. Подполковник Фарук закончил учебу на ВАКе Академии Генштаба. Мы встретились у меня дома, хорошо посидели… Он возмущался: «Лишь первые несколько колонн были добротно загружены. Еще бы, их провожали из Кабула (он говорил, что именно из Кабула, а не Гардеза) с помпой, митингами, оркестрами, под барабанный бой прессы и телевидения». С его слов, последующих было немного, «в машины бросали наспех что ни попадя, без разбора, нужно ли это в Хосте или нет. Войска вдоль трассы сидели на высотах, поэтому колонны должны были двигаться постоянно, шумихи-то было много. Да и машины зачастую шли загруженными наполовину — из Кабула уже и грузить было нечего, лишь бы движение по трассе не прекращалось. В результате уже в марте дивизия осталась без боеприпасов к минометам и почти без артиллерийских». Возможно, «приняв на грудь», Фарук излишне эмоционально драматизировал обстановку. Варенников приводил подобные примеры. Но истина могла находиться между полярных оценок.

И еще. Население там никогда не голодало и с раскрытым клювом помощи от не слишком богатого Кабула не ждало. В основном равнинный округ, находившийся почти в центре Пуштунистана, хоть и не в избытке, но имел свой скот, домашнюю птицу, вел земледелие. Значительная часть продовольствия традиционно завозилась из Пакистана — и ближе, и дешевле, и разнообразнее. Границы там всегда были открыты и для пуштунов практически не существовали. Так что если вести речь о трассе и не брать во внимание нужды афганского гарнизона, то почти всерьез можно утверждать, что в ней скорее нуждался Кабул, а не население Хоста. Но советская безвозмездная помощь могла, конечно, поставляться Хосту в ходе

операции в больших количествах. Как бы там ни было, война войной, но местные жители обедали и ужинали по распорядку, да и чаи с лепешками по утрам гоняли исправно. Чтобы убедиться в этом, достаточно было Б. Громову спуститься с КП на перевале Сатыкандав непосредственно в Хост.

Возможно, подобные утверждения на совести тех, кто помогал автору в написании. В упомянутых книгах неточностей и противоречий хватает — то ли вследствие поспешности и невнимательности, то ли консультанты подвели. Например, в разделе «Магистраль» также утверждается: «После вывода из Хоста гарнизона советских войск сложилась реальная угроза потери города, да и всего округа…» Не знаю, кто так подставил автора, но «гарнизона советских войск» в Хосте никогда и не было. За весь период с 27.12.79 по 15.02.89. И дело здесь не в точности — вроде как при «шурави» все было в порядке, а ушли — получите!

Кому-то, видимо, страсть как хотелось объяснить, зачем же все-таки нужно было устраивать бойню-мясорубку там, в горах, когда уже отчетливо просматривалась перспектива вывода наших войск. По крайней мере, это было известно В. Варенникову за два месяца до начала «Магистрали». Об этом он сам пишет, вспоминая встречу в Кабуле с Э. Шеварднадзе накануне в сентябре. Окончательные договоренности были подписаны всего через полгода, 1 апреля 1988 года.

В прессе того периода и сегодня в Интернете полно восторженных отзывов по поводу проведенной операции, вплоть до утверждения, что она «должна быть включена в учебник по военной стратегии и тактике, как самое удачное сражение, проведенное советским командованием в Афганистане…». Не берусь оспаривать или оценивать ее чисто с военной точки зрения, замечу лишь, что на стратегические масштабы она явно не вытягивает. Общее количество задействованных войск, как советских, так и афганских, не достигало численности и одной мотострелковой дивизии. А дивизия, как известно, — единица тактическая.

По признанию самого Громова, регулярным войскам обеих армий, да еще при поддержке авиации там, в горах, «противостояла группировка оппозиции… в основном из военизированной части племени Джадран». То есть вооруженное народное ополчение. Вокруг Хоста, особенно южнее, войскам противостоял бы более серьезный противник, но туда операция не развивалась. Генерал-полковник В. Меримский в своей книге «В погоне за «Львом Панджшера» (изд. 1993 г.), описывая эти события, тоже сообщит: «Группировка мятежников состояла в

основном из военизированных частей племени Джадран, которые отличались своей независимостью и воинственностью».

Помнится, в качестве обоснования целесообразности проведения операции декларировался «срыв» намерений моджахедов по созданию альтернативного исламского государства и деблокация города Хост.

Все оказалось проще — никаких боевых действий по разгрому банд в окрестностях Хоста и не намечалось. «Захватом перевала Сатыкандав, который был расположен на высоте 3 тысяч метров, мы планировали обеспечить беспрепятственное выдвижение своих войск и блокирование дороги Гардез — Хост. На следующем этапе операции, удерживая под своим контролем трассу, боевые подразделения должны были прикрывать прохождение колонн с запасом материальных средств в Хост и возвращение их обратно. В дальнейшем, после создания в гарнизоне Хоста необходимых запасов медикаментов (а боеприпасов? — *Прим. авт.*) и горючего, войска, которые располагались вдоль дороги, предполагалось вывести из округа в район Гардеза». Здесь уже чувствуется искренность и точность командарма, хотя опять косяк насчет боеприпасов. В обозначенном им замысле нет чьего-то словоблудия по поводу умирающих жителей, а конкретно идет речь о гарнизоне. Куда вот только мог разместить гарнизон вышеупомянутое количество грузов?.. Ведь в пересчете на железнодорожные составы их чуть ли не десяток!

Ну да ладно. Разгрузили, разместили — хорошо.

А куда из описанного замысла подевалась деблокация Хоста, разгром окрестных банд, пресечение намерений лидеров контрреволюции по захвату округа? Ведь далее утверждается, что «главным итогом проведенной операции явился прорыв многомесячной военной и экономической блокады Хоста. Вместе с тем были сорваны планы лидеров «альянса семи» по отторжению округа Хост от Афганистана и созданию на его территории автономного исламского государства».

Вот так. Протаранили оборону моджахедов на перевале, на три недели овладели дорогой, доставили необходимые грузы (особенно медикаменты!), вернулись в Гардез и все замыслы «альянса» сорвали. Вывод явно идет вразрез с реальным результатом.

Блокада округа как была, так и осталась. Основная опасность Хосту исходила с востока и юга и вовсе не от Джадрана, находившегося западнее и занимавшего все годы позицию «вооруженного нейтралитета». Племя хоть и удерживало дорогу, но в атаках на Хост ранее не участвовало.

«Полевые командиры… начали принимать активные меры для сохранения тех запасов, которые уже находились в округе Хост», — сообщает Б. Громов. Так почему же в интересах срыва тех самых «планов альянса» их не уничтожали? Значит, впоследствии эти запасы и помогли мятежникам разгромить гарнизон и овладеть городом?

Варенников пишет, что «на следующий день (после возврата колонны 19.01) мы начали снимать войска с блока дороги. Мятежники вслед за нами тут же выставляли посты и закрывали дорогу вновь». Вот так без словоблудия, честно, прямолинейно и простодушно он обозначил итог операции — войска ушли, блокада осталась. Хуже того, могущественное племя было превращено в злейшего врага кабульской власти. Так что ни деблокацией, ни срывом замыслов альянса здесь и не пахло.

«За успешное деблокирование Хоста звание Героя Советского Союза было присвоено генералу армии Варенникову Валентину Ивановичу… Моя фамилия тоже значилась в тексте Указа» — так завершает главу «Магистраль» Б. Громов.

Если же вернуться к утверждениям о ранее существовавших дорогостоящих поставках Хосту по воздуху, то в пересчете на жизнь людей (в том числе мирных жителей), количество войск, задействованных для боевых действий и выставленных на блоки, наземные перевозки и погрузочные работы, стоимость израсходованных боеприпасов, авиабомб, ГСМ для самолетов, автотранспорта и бронетехники, вовлеченность афганских и советских солдат в кровопролитие и убийства представителей племени Джадран — вряд ли все перечисленное являлось предпочтительнее и дешевле авиаперевозок.

Племя довольно скоро отомстило, захватив и уничтожив весь гарнизон, значительная часть которого — несколько тысяч афганских военнослужащих — была просто вырезана со всей восточной жестокостью. А Громов пишет, что «потери были минимальными». Разумеется, он имеет в виду только свои войска. По его мнению, афганцы не в счет. Но и среди своих они были, и были напрасными. Их вообще можно было избежать, не будь «Магистрали». Ссылки на возросшую опасность воздушных перевозок преувеличены — можно было просто расширить зону безопасности вокруг аэродрома, как это было в Кабуле, Кандагаре, Баграме или Шинданде. Но это выглядело бы буднично, рутинно, без громкого эффекта. И конечно, без соответствующего Указа Президиума ВС СССР.

Вместо громогласного восхваления значимости операции ее следует признать напрасной и никчемной, по большому счету проведенной лишь в честолюбивых интересах одного, хотя и

известного генерала. Как оказалось, более резкой оценки она заслужила среди наших советников-чекистов, на этапе подготовки категорически выступавших против ее проведения, но «Вареник поступил по-своему». Бывший советник 12-го управления афганского МГБ полковник Кравцов В.Б. сообщил мне: «Я всегда считал ее военным преступлением Варенникова, совершенным им во имя собственных корыстных интересов».

К сожалению, и такое было в летописи нашего первого афганского похода.

С моей точки зрения, генерал Б. Громов достоин этого высокого звания и без участия в такой операции, отдав Афганистану шесть лет своей жизни.

«Золотой полумесяц»

Так уж случилось, что опять благодаря В. Варенникову пришлось познать еще одну сторону афганской «специфики». В начале февраля 1986 года он вызвал меня в свою резиденцию и кратко поставил необычную задачу — отправиться в Ганихейль в 30 километрах юго-восточнее Джелалабада и во взаимодействии с управлением территориальных войск обеспечить действия дислоцирующегося там местного племенного полка по занятию и удержанию высот южнее и севернее ущелья Дуав Назьян-хула. То есть прикрыть фланги частей, которые должны продвигаться в сторону границы с Пакистаном. «Войска пробьют коридор для выхода туда вооруженных отрядов племен Шинвари и Африди, которые сейчас перевооружаются и проходят боевую подготовку в учебном центре под Джелалабадом. Войск там слишком мало, — добавил он, — связывайтесь с Совмином, со всеми, кто нужен, тащите туда все и всех, в том числе продукты, керосин, ГСМ, ублажайте их там как хотите, но полк должен сидеть по высотам и удерживать их. Задача ясна?» — «Ясна!» — «Все, действуйте!»

Задача-то ясна, а вот откуда и зачем взялись на территории ДРА отряды пакистанских племен… Почему «войск там слишком мало» — тоже было непонятно. Оказалось, в это время они завершали подготовку к хостинской операции.

Работа с племенами и их вооруженными формированиями входила в обязанности нашего управления. Однако племенные полки обычно занимались самообороной в местах проживания. Здесь же задача была иного рода — полку предстояло действовать в отрыве от насиженных мест, хотя сравнительно и не на большом удалении — до границы было менее 20 километров.

Через неделю были на месте. Разумеется, с колонной материальной помощи и медперсоналом.

В период работы там и в соседнем уезде Ачин я обратил внимание, что, несмотря на ранний февраль, вся равнина между Ганихейлем и горами пышно зеленела, а на каких-то посевах полно работающих крестьян — мужчин, женщин, детей. Сидя на корточках, они кропотливо копошились там часами. Поинтересовался: что они там так дружно возделывают? «Как что? Опиумный мак обрабатывают!» — «Вот так, открыто, и власти не препятствуют?» — «Они тут вечность этим занимаются. Это их основной заработок. И если бы власти вдруг попытались запретить, мы с вами вряд ли бы так спокойно здесь разъезжали!»

Мы действительно в этот момент всего на двух БТР двигались из Ганихейля в сторону Джелалабада. Накануне преодолевали

этот путь на вертолетах, а тут пришлось срочно выехать на полдня в провинциальный центр по каким-то рабочим моментам.

Вдоль дороги по обеим сторонам на разбросанных высотках — стационарные посты «защитников революции». Их видно издали по развевающимся государственным флагам.

Как же так, ведь даже в Кабуле бывало напряженнее… Помню, в апреле 1985 года мы с водителем Сардаром на нашем «УАЗ-469», почему-то изменив маршрут, после обеда двинулись на службу через центральную площадь и район Спинзар.

На площади шла репетиция парада по поводу очередной годовщины Саурской революции. Пришлось объезжать по каким-то узким улочкам с 3–4-этажными домами, балконы которых буквально нависали над нами. Сделав два или три поворота, Сардар вдруг остановился. К тому времени он знал три десятка русских слов и фраз, достаточных для общения. Указав пальцем влево-вправо, он произнес: «Нельзя, нельзя, рафик мушавер! Душман, душман!». Сдав назад, кое-как развернулись и уехали по привычному маршруту.

А тут крохотной бронегруппой прем несколько десятков километров туда, а затем обратно, и все спокойно. Возможно, именно этими обстоятельствами впоследствии будет объясняться то, что в течение многих месяцев после выхода наших войск длилась безуспешная осада мятежниками Джелалабада. Именно здесь им было оказано наиболее ожесточенное и упорное сопротивление.

Происходило же в тех местах следующее. К тому времени, как уже говорилось, кабульское правительство объявило «политику национального примирения». Афганская и советская пресса, радио и телевидение стали взахлеб сообщать, как племена, чуть ли не опережая друг друга, решили поддержать очередную инициативу НДПА. Тут как раз и подвернулись племена Шинвари и Африди. Они вроде бы самыми первыми откликнулись на призыв афганского правительства и с оружием в руках воспрепятствовали проходу через территорию своего Хайберистана бандам, направлявшимся из Пакистана в ДРА. Они проводили джиргу за джиргой с мирными призывами к соотечественникам. В ответ пакистанская военщина навалилась всей своей мощью, нанесла им значительный урон, вытеснила их вооруженные отряды в афганскую провинцию Нангархар. Такова была официальная версия.

Кстати, так уж совпало, что уже с 26 января наша смешанная радиоредакция через радиостанцию Р-245 в свой начальный период работы вещала именно на эти племена и выходила в эфир с позывными «Хайбер Гак» — «Голос Хайбера».

Наши газетчики, многих из которых я хорошо знал, с упоением смаковали такую версию, фактически не владея подоплекой событий. Справедливости ради скажу, что, например, Александр Олейник из «Красной звезды», Виталий Скрижалин, да и некоторые другие часто бывали на боевых, но цензура делала свое дело. В целом же пресса в основном была единодушна: племена Шинвари и Африди поддержали политику «национального примирения», и всем остальным они в пример.

Пока их отряды перевооружались и занимались боевой подготовкой в окрестностях Джелалабада, а войска пробивали для них коридор в сторону границы, мы с советником 1-го ак подполковником Геннадием Старых и своей группой ублажали население Ганихейля и семьи племенного полка, дабы их мужья доблестно держали высоты для обеспечения флангов продвигающихся войск. От входа в ущелье до границы всего около 14 километров. Все склоны были в сплошных, строго горизонтальных террасах, где опять же буйно произрастали те самые опиумные злаки, что и на равнине. Дней через 10 после начала операции мы с Геной обнаружились на самой крайней точке нашего действа — на афганской границе с Пакистаном.

Здесь наблюдали, как вскоре через наши боевые порядки почти стройными рядами проследовали из Джелалабада обратно в Хайбер воины тех самых героических племен, воспевавшихся нашей прессой.

Позже все оказалось гораздо прозаичнее. Именно отсюда, от Ганихейля и соседнего уезда простирался в сторону Пакистана знаменитый «золотой полумесяц», полосой протянувшийся вдоль стыка границ обоих государств. Основная его часть находилась на территории Хайбера. Тогда в зоне этого «полумесяца» схлестнулись интересы двух опиумных королей — Надыр Хана, большого друга американцев, и Валихана Кукихейля, предводителя племен Шинвари и Африди. По злостным слухам, готовый «продукт» от Валихана якобы направлялся в ДРА, а сам он вроде бы сотрудничал с афганским ХАДом. Если это так, то и свой, «доморощенный» в Ганихейле, попадал в те же руки.

Группа Т. Гдляна, расследуя обвинения против зятя Брежнева Юрия Чурбанова, заподозрила его в причастности к афганскому наркобизнесу именно с джелалабадского направления и якобы выделила его «наркодело» в отдельное производство, не доведя его до конца. Оказалось, чтобы посадить Чурбанова, материала было и без того достаточно. По крайней мере, о том сообщил мне один из сотрудников группы. Возможно, на то были и другие

причины, например, заинтересованность в недопущении огласки щекотливой темы кем-то из высокопоставленных должностных лиц горбачевской эпохи. У Ю. Чурбанова, по слухам, были государственные награды за оказание «интернациональной помощи» братскому народу. Значит, заслужил. Недавно прочитал его книгу «Мой тесть Леонид Брежнев». Кроме ругани в адрес Амина, про Афганистан и командировки туда — ни слова. Почему?

Кстати, не так давно на сайте «Военного обозрения» появилась статья профессора, политолога Панарина И.Н. «Наркодилер Горбачев». Там сообщается: «…Все наркотические потоки из Средней Азии… с самого начала сходились в Ставропольском крае…». С чего бы это? Выходит, не все и где-то пересеклись?

Когда надырхановский «проамериканский» наркотрафик схлестнулся где-то в Европе с «советским», те в условиях ужесточавшейся конкуренции забеспокоились. В Штатах ведь тоже существует разделение труда — кто-то борется с наркобизнесом, кто-то — наоборот. Вот и поступила команда президенту Зия уль Хаку образумить Валихана Кукихейля. Его плантации и лаборатории по переработке сырья были уничтожены. Тот разобиделся и заявил, что «раз так — больше ваши банды в Афганистан пропускать не буду!». Тут его и объявили приверженцем политики «национального примирения», оказали помощь вооружением и переподготовкой боевых отрядов. Говорят, впоследствии они все же примирились. С Надыр Ханом, не с Наджибуллой.

А когда на Западе поползли упорные слухи, что самый безопасный и надежный путь для наркотиков в Европу проходит через территорию СССР, наши бдительные спецслужбы пресекли эти наветы, догнав в 1988–1989 годах два или три «контрабандных» контейнера с наркотой в Англии и даже в Канаде, о чем сразу же раструбили все СМИ — вот как бдим и работаем. Аж за океаном достали!

Прощай, Дар-уль Аман!

Меньше месяца прослужил в Афганистане генерал-майор Николай Власов, советник командующего ВВС армии ДРА. Он был сбит 12 ноября 1985 года, катапультировался, но в воздухе был расстрелян. Произошло это над отдаленным горным массивом северо-западнее Кандагара. Понадобилась войсковая операция по поиску и обнаружению погибшего.

С одной стороны, он как настоящий летчик стремился поддерживать навыки пилотирования. Возможно, хотел быстрее

освоиться, на себе прочувствовать боевые будни афганских летунов, проверить их в деле. Потому и сел за штурвал и в составе авиагруппы ушел на БШУ. С другой стороны, Н. Власов являлся советником, к тому же высокого ранга. Не его дело было водить истребитель в атаку, демонстрировать русскую удаль.

Хочу подчеркнуть, что среди множества наших советников в Афганистане было достаточно много настоящих энтузиастов. Они близко к сердцу воспринимали происходившее, нередко настолько входили в раж, что, увлекшись, стремились многое сделать своими руками. При этом считали, что добьются желанного результата быстрее, нежели подсоветные. Выполняя несвойственные им функции, они фактически подменяли афганцев. Казалось, что же тут такого — дело-то общее, идет война, время не терпит, нужны результаты.

Наверно, такой подход погубил и генерала Власова Н.В., и многих других, в том числе подполковника А. Мельниченко, которого так часто вспоминаю добрым словом.

В конце февраля 1986 года мы с Вахедом и еще двумя офицерами нашего управления оказались в Герате, в 17-й пд. Но размещались поодаль в каком-то оазисе, где некогда находилась популярная гостиница для интуристов. Сейчас она была в запустении, хотя кто-то из бывшего персонала за ней присматривал. Других постояльцев не было.

Неподалеку в районе аэродрома располагался городок, где проживали советники 17-й пд. Накануне перед нами в Герат прилетел А. Мельниченко и работал там по своему плану с переводчиком Володей Твировым, студентом 4-го курса ИСА МГУ, где проходил обучение по военной кафедре № 3 (спецпропаганда).

1 марта был обычный рабочий день. Около 15.30–16.00 у них началась встреча с командиром одной из окрестных банд по поводу восстановления прерванного было мирного договора. Не помню обстоятельств, почему Мельниченко прилетел на этот раз без подсоветного Голь Астана. Но это было так, и именно он сам, полагая это очень важным, прибыл и лично вел эти переговоры.

Около 17.00 советники бронегруппой отправлялись в свой жилой городок, до которого, кажется, было около 15 километров. Одновременно убывали и мы. У Мельниченко встреча затягивалась, прерывать ее не хотелось, поэтому он сообщил поджидавшим, что еще немного поработает, а минут через 15 их догонит. Однако встреча завершилась лишь через 40 минут, и он с водителем-афганцем и переводчиком отправился в путь на «уазике».

До городка оставалось менее километра. Дорога в этом месте

проходила узким дефиле. Здесь была устроена засада. Справа и слева с нависавших высоток ударили пулемет и автоматы. Услышав неподалеку стрельбу и поняв, в чем дело, советники бронегруппой и охранявший их советский взвод на БМП ринулись на выручку, но было поздно. Саша, находившийся на заднем сиденье, был ранен. Он сумел выбраться из машины и отстреливался из автомата, пока не потерял сознание. Возможно, именно в эти минуты он был смертельно ранен — в его теле оказалось много ран от пуль. В. Твиров ехал рядом с водителем и погиб на месте. Ему было 22 года.

Подоспевшие оказали Саше и водителю помощь, перевязали, вызвали вертолет, обоих, истекавших кровью, срочно отправили в Шиндандский госпиталь. Уже в воздухе от потери крови Александр скончался.

Гроб с его телом в Одессу сопровождал Михаил Андриенко, где и похоронил.

Водитель выжил. Мне рассказывали, что у него было 12 ранений, в основном в области грудной клетки. Спасли его советские врачи, и через месяц он якобы был в строю.

Возвращаясь из Одессы в Москву и несколько задержавшись там, М. Андриенко прибыл в Кабул уже одновременно с моим сменщиком — Эдмундасом Касперавичюсом, тоже китаистом и однокашником.

Позже оказалось, что через Афганистан прошла чуть ли не половина нашего выпуска. Кроме того, некоторые из нас, «афганцев», еще ранее (хотя и кратковременно) поучаствовали в событиях арабо-израильской («октябрьской») войны 1973 года, успев отдать частичку «интернациональных долгов» в Египте, Сирии, Ираке.

В течение нескольких дней передавал дела Чюсу. В один из дней нас пригласил 1-й замначальника управления спецпропаганды ГлавПУ СА и ВМФ генерал-майор Л. Шершнев. Он в то время входил в состав опергруппы В. Варенникова. Принял нас в резиденции ОГ, долго инструктировал Эдмундаса. Сообщил о некоторых планах, в том числе и предстоящем прибытии усиления в группу советников афганского 7-го управления — этнографа и социолога. «В ближайшее время, — как рассказывал Шершнев, — для активизации работы произведем авиаразведку и аэрофотосъемку посевов, на постоянной основе будем прогнозировать виды на урожай…» Здесь я уже не выдержал и, неприлично засмеявшись, встрял: «Урожай какой, опиумного мака?»

Леонид Иванович мгновенно вспылил, обвинил меня в

недальновидности и еще в чем-то, в непонимании перспектив развития обстановки и грядущих побед…. В общем, категорически и надолго обиделся.

Покинув резиденцию, Э. Касперавичюсу посоветовал не брать в голову, а улетая в Союз, на прощание пожелал успехов в нашем безнадежном деле.

Считал и считаю, что неисправимый оптимист Л. Шершнев всегда искренне хотел как лучше, теоретизировал из благих побуждений, но мыслью растекался не вглубь, а вширь. Его явно «понесло» по воздушным кочкам, хотя практических дел и на земле хватало.

Прибыв в Москву, я предстал перед начальником нашего управления генерал-лейтенантом Смориго Н.И. В то время Волкогонов Д.А. ушел на повышение, возглавив Управление пропаганды и агитации. Одновременно являясь заместителем начальника ГлавПУ СА и ВМФ, стал генерал-полковником. Он сразу же принял (в Афганистан-то он меня благословлял!), с интересом расспрашивал часа два. В заключение поручил изложить все в виде справки-доклада на его имя: «Ты изложи все это письменно, я еще раз просмотрю, подумаем, поработаем».

В то время, наивно полагая его достаточно влиятельной фигурой, действительно способной где-то, как-то, что-то и в чем-то изменить к лучшему, подготовил свои соображения. Сейчас понимаю, что документ был явно сырой — хоть и со свежими впечатлениями, но без той информации и осмысления, которые накопились за прошедшие годы.

Не знаю, как Д.А. «поработал» над справкой, но через несколько дней она оказалась в сейфе у начальника 1-го отдела спецуправления. Да и понятно, в 1986 году уже набирала ход перестройка, а он всегда держал нос «по ветру». Занимать принципиальную позицию вопреки существовавшему курсу он бы не стал. По правде говоря, не смог, если бы и захотел — уровень все же был не тот. Через несколько лет Волкогонов покажет зад советскому прошлому и переметнется к ельцинским демократам.

Осмысливая пройденный этап, убежден, что в жизни каждого поколения случаются какие-то наиболее яркие события, которые глубокой бороздой навсегда врезаются в сердце. Иногда это называют «синдром». Для нашего поколения таким явился Афган, который до сих пор не отпускает от себя и, видимо, уже никогда не отпустит.

Октябрь 2013 года